

АРТ

Содержание

П. Лимеров. Об этом номере.....	3
Н. Мирошниченко. Сыктывкарский вальс.....	5
В. Тимин. «Сыктывкар – менам мича мойд».....	5
П. Лимеров. Шипича-Суханов: легендарное начало Усть-Сысольской истории.....	6
Шыпича – разбойник и колдун: интерпретации предания.....	9
Н. Фролов. Пемыд пармаын. Драма.....	18
Н. Митюшева. Опера «Шыпича»: будет ли четвёртая попытка?.....	64
В. Туркин. Истоки.....	72
А. Попов. Место мести.....	72
М. Рогачёв. Усть-Сысольские зарисовки: что писали о «столице Зырянского края» в XVIII-XIX вв.	73
В. Лимерова. Образ коми столицы в региональной печати XIX-начала XX веков.....	81
Л. Втюрина. «Тэ меным муса, Сыктывкар...».....	92
С. Попов. Миян Сыктывкар.....	92
П. Артемьев. «Не хлебом единым...»: зыряноведческий дискурс в культурной жизни Усть-Сысольска в XIX веке.....	93
И. Жеребцов, Б. Колегов. Улицы Усть-Сысольска – Сыктывкара. Страницы истории «деревянного века».....	108
Н. Мирошниченко. Сыктывкарский вариант.....	128
С. Зиновьев. «Не стоит эта фотография спокойствия людей...» Интервью Андрея Фетисова.....	130
М. Таскаев. СЛПК–«Монди СЛПК»: страницы истории.....	142
В. Стариков. «СЛПК – это моя биография».....	149
А. Расторгуев. Стихи.....	154
Н. Плаксина, О. Орлова. «Город-на-Реке». Усть-Сысольск–Сыктывкар в произведениях художников.....	155
“Ы”	
Ас ордым. Висьт-туйяс.....	178
А. Сукгоева. Сыктывлӧн лолыс. Висьт.....	182
Отчёт о результатах деятельности ГАУ Республики, функции и полномочия учредителя которого осуществляет Администрация Главы РК, и об использовании закреплённого за ним госимущества за 2017 год.....	185

**Республиканский литературно-публицистический,
историко-культурологический, художественный журнал**

**Республикаса литература, публицистика,
история, культуурология да художественной журнал**

Издаётся с 1997 года четыре раза в год на коми и русском языках.

*Публикация материалов по освещению реализации социально значимых проектов
осуществляется при государственной поддержке
Администрации Главы Республики Коми.*

Зарегистрировано Управлением Роскомнадзора по Республике Коми. Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации: серия ПИ № ФС77-35079 от 23 января 2009 г.

Учредители (соучредители):

Администрация Главы Республики Коми,
Министерство национальной политики Республики Коми,
МОД «Коми войтыр», АУ РК «Редакция журнала «Арт».

Руководитель редакции – Новикова Н.М.

Главный редактор – Лимеров П.Ф.

Адрес редакции, издателя: 167982, г. Сыктывкар, Республика Коми, ул. Карла Маркса, д. 229,
каб. 136, тел./факс: (8212) 201-499. E-mail: artkomi@mail.ru, www.artlad.ru

© Журнал «Арт», № 2 (83) 2018 г.

Подписано к печати по графику 25.05.18. Фактически 25.05.18. Дата выхода в свет 31.05.18.
Формат: 70x100 1/16. Печать офсетная. Усл. п. л. 15,48.

Тираж – 1250 экз. Заказ – . Отпечатано в ООО «Коми республиканская типография» с дискет
заказчика в полном соответствии с качеством предоставленных материалов.
Адрес типографии: 167982, г. Сыктывкар, ул. Савина, 81.

Цена свободная

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС П4453

Все права на материалы, опубликованные в номере, принадлежат журналу «Арт». Перепечатка без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

В оформлении обложки и заставок использованы работы (©) Ю. Лисовского и фотографии С. Зиновьева.

Материалы, не опубликованные в журнале, редакция не рецензирует и не возвращает авторам.
Публикуя материал, редакция не обязательно поддерживает точку зрения автора.

Журналын йӧзбӧдӧм гижӧдӧяс редакция оз рецензируют и авторъяслы найӧс оз мӧдӧд. Редакция оз век во
ӧти кывийӧ авторъяскӧд.

Павел Лимеров

Главный редактор журнала «Арт»

Об этом номере

Этот номер журнала о Сыктывкаре. Не совсем об истории города, хотя и о ней – тоже, но о Сыктывкаре, как об определённом культурном пространстве, исторически сложившемся в этом самом месте при слиянии рек Вычегды и Сысолы. Сегодняшний Сыктывкар сильно отличается даже от Сыктывкара конца 1990-х годов. И дело не только в том, что с тех пор выросли новые здания, появились новые кварталы города, новые улицы – изменились сами люди, и новые поколения сыктывкарцев видят город по-другому, вкладывая иные смыслы даже в знакомые всем исторические сооружения. Если старшее поколение может не только отличить дом сталинской постройки от хрущёвки, но и расшифровать культурные переживания сталинской и хрущёвской эпох, породивших облики зданий, то для наших юных современников они не говорят ничего, для них актуальны совершенно иные представления о городе, иные смысловые координаты. Точно так же Усть-Сысольск 1920-х гг. кардинально отличался от Усть-Сысольска начала XX века, несмотря на сравнительно небольшую разницу во времени. Что уж говорить об Усть-Сысольске XIX века! Известный образ панорамы Усть-Сысольска с реки Сысолы с видом на Троицкий собор никак не совместим с образом Сыктывкара начала XXI века. Тут и разные точки зрения на город: мы не видим его с реки, у нас нет такой набережной, как в позапрошлом веке, нам более знаком Сыктывкар из карт Яндекс или Google – усть-сысольцы XXI века воспринимали город, исходя из духовного, исторического опыта своей эпохи, у нас же этот опыт совершенно другой. Но вот что удивительно: приезжающие в Сыктывкар люди часто отмечают отличную от других российских городов культурную атмосферу, которую мы, сыктывкарцы, сами не замечаем. А ведь стоило бы задуматься: в сравнительно

небольшом провинциальном городе есть театр оперы и балета, три драматических театра, колледж культуры и колледж искусств, гимназия искусств, одна из старейших в России публичных библиотек, замечательные музеи, Национальная художественная галерея, мощные Союзы писателей, композиторов, художников, налаженное книгоиздание, местное телевидение и радио, Академия наук, университет, – вот далеко не полный перечень культурных реалий Сыктывкара. Словом, у нас есть куда сходить и что посмотреть.

На самом деле необычную культурную атмосферу Усть-Сысольска отмечали и в прошлом веке, и в позапрошлом. Алексей Ремизов, за свои революционные взгляды сосланный в захолустный Усть-Сысольск, вдруг пересмотрел свою жизнь и уехал отсюда писателем, опубликовав в 1905 году первые свои стихотворения – на мотивы зырянской мифологии, а десятью годами ранее Василий Кандинский приехал в Усть-Сысольск студентом-юристом, а уехал художником. А ещё раньше, в 1848 году, из Кадникова приехал учитель Евгений Кичин и тоже был приятно удивлён культурной атмосферой самого северного города Вологодской губернии. Примеры можно продолжить – все они говорят о том, что при всей разности исторических и физических обликов Сыктывкара-Усть-Сысольска, объединяющим началом для города всех времён прошлого и настоящего является творческая энергия культуры, сообщающая смыслы городской жизни, творящая приемлемое для этой жизни пространство культуры. Мы не ставили своей целью произвести сравнительный анализ различных культурно-исторических обликов Сыктывкара-Усть-Сысольска – это компетенция научной работы, наша задача скромнее: увидеть в прошлом Усть-Сысольска начало того, что мы сегодня называем культурным обликом столицы Коми края. Разумеется, и это непосильная для журнала задача: этих реалий слишком много, но некоторые аспекты культуры Усть-Сысольска-Сыктывкара осветить вполне нам по силам. Наш выпуск журнала полностью посвящён Сыктывкару, поэтому мы отказались от привычных читателю разделов, отделяя темы стихотворениями известных поэтов Республики о Сыктывкаре. Но всё остальное – хорошая литература и умные статьи – остались. Так что вперёд, читатель.

Надежда МИРОШНИЧЕНКО

Сыктывкарский вальс

Морозы январские,
Наряды боярские,
Огни сыктывкарские
И парк у реки.
Девчонки столичные,
Ребята отличные,
Друзья закадычные –
Мои земляки.

Сыктывкарские вёсны,
Сыктывкарские зимы.
Под звездой Полярной
Сеют пух тополя.
Это родина просто,
Что зовётся любимой.
Православная родина –
Коми земля.

Тайга к тебе тянется
Седыми макушками.
Целуются голуби
У всех на виду.
Пройду по Куратова
И выйду на Пушкина.
И дальше вдоль Сысолы
До Храма дойду.

Владимир ТИМИН

* * *

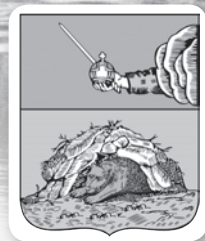
Сыктывкар – менам мича мойд.
Бара ывлаыс сэтшөм ясыд.
Тöрыт шуи ме тэд: «Бур вой».
Талун вашкöда тэд: «Бур асыв».

Кодыр шыясөн ловзяс лун,
Меным «аддзисьлытöдз» тэ шуан.
Тайö асылыс мед оз вун,
Сийöс туйö ме аскöд нуа.

Енэж ме весьтын – помтöм лöз,
Енэж шудаон сиö лоны.
Аттö тiянлы, карса йöз, –
Меным тi вöсна карыс дона.

Шыпича-Суханов: легендарное начало усть-сысольской истории

Началом города Сыктывкара принято считать 5 февраля 1780 года, когда Указом императрицы Екатерины II село Усть-Сысола (Сыктывдинпом) было преобразовано в город Усть-Сысольск. Однако «погост на усть Сысоле реке» имеет более длительную историю и упоминается уже в писцовой книге 1586 года, а до него, видимо, были и другие поселения, – о них свидетельствуют археологические находки. Кто был первым жителем устья Сысолы – доподлинно неизвестно, письменных данных об этих людях или об одном конкретном человеке – нет. Как правило, сведения о первом жителе села или деревни сохраняются в местных преданиях – так называемых преданиях о первопоселенцах, а также увековечиваются в названиях поселений, – читатель и сам может назвать не один подобный пример. Что касается Сыктывкара или Усть-Сысольска, то традиция называла первопоселенцем устья Сысолы реки некоего колдуна по имени Шыпича, будто бы поселившемся первым на месте с. Слобода – нынешняя Эжва. В литературе есть упоминания о многочисленных вариантах сюжетов о Шыпиче, но, к сожалению, в своё время они целенаправленно не записывались, а с тех пор, как на месте с. Слобода появился посёлок Эжва, этого сделать уже невозможно. Сохранились два варианта сюжета о Шыпиче: первый вариант был записан в 1926 году С. Поповым в с. Слобода и опубликован в книге «Фольклор народа коми» в 1938 году, а второй стал известен после публикации статьи В.П. Налимова «Зырянская легенда о паме Шипиче» в 1903 году в журнале «Этнографическое обозрение». Предание с этим же сюжетом в литературной обработке К.Ф. Жакова было опубликовано в книге «Под шум северного ветра» в Санкт-Петербурге в 1913 году. Оба варианта совершенно не схожи ни по сюжету, ни по набору персонажей. В первом варианте предания Шыпича – это типичный для коми фольклора герой-колдун, странствующий под водой, состязающийся в могуществе с другим колдуном и побеждающий его, а характерный «чудской» уход под землю в конце долгой жизни говорит о том, что Шыпича и есть первый житель устья Сысолы, т.е. нынешнего Сыктывкара. Что касается второго варианта предания, то здесь Шыпича персонаж страдательный, он могущественный тун, но он не победитель, это его побеждают враги. Предания со схожими сюжетами в коми фольклоре есть, к примеру, известное предание о Ягморте или Юрке, но разница в том, что в этих преданиях тун всегда выступает как отрицательный персонаж и от него избавляются сами люди. Шыпича же, хотя и

указывается, что он «разбойник», герой, скорее, положительный: у него большой дом, сыновья и дочери с дохристианскими именами, обладающие даром предвидения. Нет никаких сомнений в том, что эта красивая легенда в XIX – начале XX вв. имела хождение в пределах Усть-Сысольска или Выльгорта, откуда родом были оба исследователя. Но вот что интересно: сюжет этого предания и имя главного героя в те же годы устойчиво связывались с родом усть-сысольских купцов Сухановых. В 1904 году в журнале «Досуг и дело» вышла новелла М.Н. Лебедева «Атаман Суханов» – по мотивам этого же сюжета. Знали ли об этом Налимов и Жаков? Наверняка знали, но увлечённые реконструкциями зырянской мифологии, отмахнулись как о несущественной, позднейшей связи. Но в начале 1920-х гг. этот сюжет именно в связи с фамилией Сухановых снова привлёк внимание исследователей. В журнале «Коми му – Зырянский край» в 1924 году вышла статья Н. Богословского «К материалам по истории общественной и торгово-промышленной жизни в Коми области», где автор довольно подробно рассматривает документ под названием «Челобитная г. Яренска низжайшего купеческого человека Елисея Ивановича Суханова» на имя императрицы Анны Иоановны. В «Челобитной...» говорится о том, что 10 мая 1739 года сверху Вычегды реки приплывшие «воровские люди» напали в Усть-сысольском селении на дом Ивана Афанасьевича Суханова. Осаждённые заперлись в доме и стали отстреливаться от нападавших. Не сумев взять силой дом Сухановых, нападавшие подожгли его. В пожаре сгорело всё имущество Ивана Суханова и документы на владение имуществом, в том числе на винокуренные заводы у р. Човью. При нападении погибли хозяин двора, Иван Суханов, случайно находившиеся в доме служащие таможи, «бурмистр кружечного двора» Исак Чукамин, которых воры кололи ножами и копьями, заживо сгорели в доме дочери Петра Суханова, брата Ивана, – Любовь и Александра. После этого разбойники разграбили и сожгли винокуренную пивоварню Сухановых в их деревне у речки Човью.

В духе социальных идей, автор статьи уверяет читателя, что погромщиками были никакие не разбойники, а восставшие, угнетённые Сухановым коми крестьяне. Но увлечись обличениями Суханова, он пропустил такой важный для этой истории документ, как комментарии писца к «Челобитной». Об этом напомнил читателям в том же журнале двумя годами позже краевед А.Н. Александров, опубликовавший комментарии.

«...Кои Суханов Иван и Петр Афанасьевы сыновья. А по бойкости своей Иван и назван был от людей Шипицей которое произвище имел до смерти своей: также и смертное убийство получил от своего упрямства от своих же прежних приятелей скоими разбойниками сам прежде разбойничал у коих даже и атаманом главным был. Когда пославши отец его в Сибирь (Сибирью называют обыкновенно восточные русские губернии) для наживы хорошей, а не к разбойнической побойкости своей он поступил в разбои где его и заделали атаманом где ему было нажиточно. А по нажитке и захотелось ему отдалится от оной шайки то он по разделу от них и вошёл к начальству с объявлением на товарищей своих кои все были пойманы и засажены вострог от коль они и писали ему в Усть-сысольск и просили от него пятьсот рублей денег но не получивши от него на оное никакого ответа пишут они также и второе письмо к нему но он также опять и то письмо пропустил втуне и пишут они ему и третье письмо даже с угрозами что есть ли денег не вышет нам то добра не дожидайся даже и жив на свете не будешь но он опять же и на то письмо им ничего не ответил. А хотел хитростью своею избежать от них в коих однако сомнение имел, к чему даже приискал себе главного колдуна скоим и приколдовали все

свое имущество и человечество совсем и строением и службами чтобы человек невидим был и никакая пуля и орудие его повредить не могло. А строение чтобы и огнем не жгло чего и точно что все волшебство ко всему в полне у их действовало, но только как в недогадь остался у них один веник половой незаговорен по приходе разбойников не мало они старались зажою дому и служеб но никак не могут зажечь пока не коснулись конному винику до того никакого огня они видеть нигде не могли. А коснувшись к нему и везде все загорело. Также и человека копьем тычут совершенно как в железо или в камень ничего его никакое орудие незабирает тут же в толпе своей находится Шипица но невидим разбойникам коего даже прилежно еще ищут но невидевши мимо их он прошел во избежание онгого страха наипаче того его ужаснило как разбойники стали убивать набат бьющих людей с колокольни и дошедши он со страху онгого называемой заучевский ручей где и пало ему наум что мать его убьют и воротился он за нею тогда уже волшебный заговор его недействовал и виден сделался, где и стали его бить и копием колоть но и тут его незабирает пока не уложили да не... проткнули копием потому как тому месту тоже как и винику особенного заговору не было от того и убиен зделася и все волшебное действие стого нарушилось.

Но и другой брат из за него вместе погиб по своей смирности и блаженству который в роде блаженного был, а не безумен. А болие кроме того дому никому никакого зла не делали даже у Григория Ивановича тож в доме были пили, ели и ушли благодарны даже с благословением руками своими с приговором сей дом буди благословен отныне и до веку, которые слышила и видела сама хозяйка тож от страха в ужасе сидевши на леснице в темных сенях которая к приходу ихнему раньше и припасла им ушат пива, два штофа вина и хлебного довольно количество чем они и остались весьма довольны. А не то бы по одной фамильности может и ихний дом тож раззорили затем оттоле и поплыли в Човью. А по разорении Човьи и возвратились обратно без всякой обиды и разорения протчим жителям Устьсысольской волости».

В писцовой книге 1608 года упоминается крестьянин Федька Бес, сын которого Давыд носил прозвище Сухан. От него и идёт самая известная и влиятельная торговая семья на устье Сысолы – Сухановы. Богатство их прирастало от торговли: они скупали пушнину у промышленников и отвозили её на рынки Устюга, Москвы. Не гнушались Сухановы и тем, что скупали земли, расширяя свои родовые угодья. В конце XVII века один из Сухановых, Бажен, став земским судьёй, уже называл себя «князем» усть-сысольским, хотя и числился в черносошных крестьянах. Так что едва ли Иван Суханов опустился бы до простого «разбоя» где-то на Каме и Вятке. Влияние и могущество семьи было так велико, что даже описанные в челобитной великие потери не привели к разорению. Путешествовавший в 1772 году по северу России Иван Лепёхин называет Сухановых «зырянскими князьками» и «зырянскими господарями», которым принадлежат и звериные промыслы, и лучшие нивы, мельницы, промысел точильного камня. Сухановы вышли из купеческого сословия к середине XIX века, однако всегда были видными фигурами в жизни Усть-Сысольска, в частности, последний городской голова Усть-Сысольска был из Сухановых. Но фольклор создал из бытового ограбления близкий к эпосу сюжет, а в творчестве писателей этот сюжет приобретал то формы новеллы (К.Ф. Жаков), то драматической поэмы (Н.В. Фролов), то либретто для оперы.

Павел ЛИМЕРОВ

Шипича – разбойник и колдун: интерпретации предания

Подводный странник

(Коми предание)

Однажды отважный Шипича отправился из Архангельска в Човью, чтобы убить могучего разбойника Елику, жившего на месте теперешнего города. И отправился Шипича не водой, а под водой, и три раза, пока плыл он под водой, должен он был выходить на берег.

И первое место было – Орланский залив на Двине. Тут помешал ему плыть Васа, и вышел Шипича на берег, спасаясь от преследования злого бога. А место тут страшное, такой водоворот, что плотовщики его боялись, целые плоты разбивались в этом водовороте.

Второе место, где выходил на берег Шипича, осталось неизвестным. А третье место – возле Слободы Ягув. У Ягува скопилось так много налимов, что они загородили Шипиче его подводный путь. А в то время жители Слободы жили на другом берегу Вычегды, к ним-то и попросился переночевать подводный странник. И остановился ночевать у моего деда. Переночевал, а наутро снова отправился под водой к Човью, где жил Елика со своими слугами.

Елика, разгадав намерения Шипичи, велел своим слугам занести на ночь в дом воду в кадках, чтобы можно было залить водой пожар, если Шипича подожжёт дом. Но слуги не исполнили приказание Елики, и на рассвете, когда подошёл Шипича и поджёт дом, Елика не успел выскочить и сгорел вместе со своим домом.

А сам Шипича поселился на месте, где прежде жил Елика, долго жил там вместе со своей семьёй и многочисленными слугами. Место это было то самое, где теперь стоит наш город Сыктывкар, но тогда на месте теперешнего большого города стояло лишь несколько избушек. И вот жил он так много лет, а потом, никто не знает почему, приказал своим слугам вырыть большую яму, вошёл в неё вместе со всем своим семейством, подрубил столб и похоронил себя и своё семейство заживо. Яма эта и теперь существует, и маленькие дети боятся там играть.

Зап. С.Поповым в с. Слобода (сейчас – п. Эжва, г. Сыктывкар) в 1926 г. Опубл. на русск. яз.: Фольклор народа коми. Архангельск, 1938. С.50. Вариант предания о Шыпиче. Характерный для преданий этого типа мотив путешествия туна под водой. Мотив самопогребения более характерен для «чудских» преданий, коми-пермяцкие чудские богатыри уходят под землю, это косвенно свидетельствует об архаичности образа Шыпичи.

Зырянская легенда о паме Шипиче

Василий НАЛИМОВ

Прежде чем приступить к положению легенды о паме Шипиче, я считаю необходимым пояснить значение слова «пам», а также сказать несколько слов о личности Шипичи и отношении к нему зырян.

В исследовании этнографа Попова мы находим слово «пам». Но значение, приданное этому слову, нельзя считать правильным. Попов называет Паму жрецом бога Йомы, причём, по его словам, олицетворяет собою злую и хитрую бабу. Насколько я знаю, бога Йомы в настоящее время в представлении зырян совершенно не существует, по крайней мере о нём не осталось ни одной легенды. Только около Усть-Сысольска я слышал это имя наряду со сказками о Еруслане Лазаревиче, Полкане и другими, в которых видное место играет баба-яга. Вероятно, под влиянием этих сказок баба-яга появилась у зырян, где получила имя Йомы.

Памом, по мнению зырян, называется человек, обладающий громадной силой воли и могущий повелевать стихиями и лесными людьми; кроме того, этот человек обладает хорошими душевными качествами; его энергия, его познания уходят на

борьбу с врагами зырян. Одним из таких памов был человек по имени «Шипича». О нём есть легенда. Интересно, что существует много вариантов этой легенды, но ещё поразительнее то, что один и тот же зырянин сегодня расскажет вам одну вариацию, завтра другую, смотря по тому, в каком настроении находится рассказчик.

Трудно определить, в какую эпоху появляется этот зырянский герой. Одни из зырян говорят, что Шипича был до крещения их, другие, что он первый был основателем города Усть-Сысольска. Можно думать, основываясь на некоторых легендах, что Шипича действительно первый поселился на этом месте, где стоит теперь город Усть-Сысольск.

Теперь я сообщу перевод одной из вариаций легенды о паме Шипиче.

* * *

В низовьях реки Вычегды сидело несколько отважных, добрых удальцов, знакомых с опасностями и привычных проводить время в грабеже. Сердца их ожесточились. Они наслаждались страданиями жертв, попавших к ним в руки, безжалостно и даже с восторгом бросали детей и девушек зырян в пламя, но одно имя пама Шипичи приводило их в бешенство, они сознавали своё бессилие перед ним, а глаза их при воспоминании о Шипиче загорались гневом и бешеной яростью.

Пам Шипича водворился при самом впадении реки Сысолы в Вычегду. Шипича был вдов и имел двух взрослых дочерей, которые сильно любили его. Не одну сотню русских пам утопил в реках, защищая зырян от их нападения. Этим он доставлял большое наслаждение васам, которые бросались на жертвы и прикладывали свои горячие, полные страсти, щёки к холодным губам утопленников, но, не находя удовлетворения своей страсти, они бросались от одних трупов к другим, и наконец в бешенстве впивались в их тело, своими тонкими, хрупкими и как лёд холодными пальцами. Вода относил вас от их жертв. Счастлив был пам, но одно только иногда терзало его, это то, что он не мог постигнуть Ена. Многое Шипича знал, духи повиновались ему, стихии были ему подвластны, но неизвестность будущего и непонимание Ена мучили его. Иногда Шипича доходил до того, что для того, чтобы забыться, он бросался в объятия своей любовницы и в страстных объятиях заглушал вопросы, так мучившие его. Но и здесь его иногда преследовали эти роковые вопросы.

Однажды, после победы над новгородцами, пам, с гордостью и радостью на лице, вышел из своего жилища и сказал: «Мне подвластны стихии природы, мне послушен ветер, вода по моему повелению изменяет течение; она шумит, кружась, охватывает врагов и отдаёт их на жертву васам, и они, как черви, ползут к падали. Я достиг спокойствия среди зырян; нет более стонов, раздирающих мой слух, нет новгородцев, и зыряне спокойно могут жить и наблюдать жизнь природы».

Но сомнение заползает в душу Шипичи; оно точит его душу, и невыносимая душевная боль заставляет его обратиться к объятиям любовницы, но увы – он не находит желаемого спокойствия. Любовница утешает его, она говорит: «Скажи, скажи, знаменитый пам, чего тебе не достаёт? Тебе послушны духи; ты никому не платишь дани. Всё покорно тебе. Ты свободно ездешь по озёрам. Лесные люди гонят в твои сети белок. Заяц бежит на разложенный тобою костёр. У тебя много золота и серебра».

И отвечает ей пам:

«Шыпича и две его дочери». Художник Мошев Аркадий Васильевич.

«Я несчастлив. Меня постоянно мучит чувство одиночества; более – меня не веселит пыл мести и стон новгородцев, так неожиданно для себя кончающих жизнь при встрече со мною. Меня давит небо, леса, и я мечусь в безысходной тоске среди всех вас, где мелко и невыносимо гадко, и, что всего тяжелее, это – сознание моего бессилия перед могуществом Ена. И вот в этом состоянии я ищу утешения на твоей груди, но приходит минута, и я, ещё более обессиленный и жалкий в своём состоянии, бегаю и рву в бешенстве на себе волосы. Если бы даже Ен мне дал могущество настолько, чтобы я мог переменить всё окружающее, то и тогда бы я не знал, что мне делать, так как мне неизвестна конечная цель создания мира, и я задал бы себе вопрос: к чему мы живём? – если бы не было стонов от обиды, глупого самодовольства от победы, и если бы мы, не получив ответа, кинулись убивать друг друга, единственно для того, чтобы избежать этого ужасного вопроса».

На что любовница отвечала: «Успокойся, дорогой пам. Смирись духом. Откажись от своего могущества». Но Шипича не хотел сделаться простым смертным; он говорит: «Пройдут года, всё здесь изменится, но я один буду неизменным наблюдателем жизни, и смерть не коснётся меня!» Любовница пама настойчиво убеждает его сделаться простым смертным. Она говорит: «Ты много уже пожил, много встречал восходов солнца, ты уже наслаждался сладкими поцелуями. Придёт время, и мы вместе покинем мир. Но если даже мне суждено умереть одной, я буду тенью приходить тебе и ползать у твоих ног, чтобы ты не забыл меня». Шипича ответил: «Нет, я не могу наградить тебя бессмертием, а сам не могу покинуть этот мир. Я, благодаря своему знанию, отгону от себя свою смерть, так как не в силах променять сияние дня, шелест листьев и плеск волны на смерть».

Между тем на высоком берегу Вычегды поселился другой пам (имя утрачено), друг Шипичи.

Давно этот пам не сзывал зычным голосом духов; давно они уже не рассказывали ему о мирских делах. Пам решил сделаться простым человеком и заняться сельским хозяйством.

Однажды он был на работе, как вдруг услышал голос сына: «Отец, отец, по реке против течения плывёт лодка, никто не гребёт, а лодка подвигается». В это время раздался голос с лодки: «Сусло, стой!» – и сусло остановилось. Лицо пама выразило гнев; мощной походкой направился он к берегу и громко закричал: «Сусло, стой, так и лодка стой»¹. Лодка остановилась, точно сорок сильных рук ухватились и держат её. Три дня и три ночи стояла лодка, и сусло не капало; и поныне бы лодка новгородцев стояла, если бы они не сумели умиловить пама. Новгородцы умоляли его, говоря: «Пам, могущественный из людей, ты отпусти нас, молодых и неопытных, пошутивших над тобой, великим памом. Ты сам был молод, и горел желанием показать старикам своё умение властвовать над духами. Так не лишай же нас радости жить».

Величественным жестом пам пригласил к себе новгородцев. Сусло закапало в чашки (таси), и новгородцы подъехали к берегу. Пам любезно встретил гостей и спросил их, куда они держат свой путь. Новгородцы отвечали: «Мы едем убить пама Шипичу. Только теперь и можно убить его, так как он пирует с любовницей, а потому не имеет власти над духами». На эти слова пам с усмешкой сказал: «В моей власти – позволить держать вам путь дальше. Я друг Шипичи и могу приказать своим духам преградить вам путь, но благодаря тому, что я давно покинул мирские дела, я не предприму ничего. Я сделался простым смертным и только оставил себе власть призывать духов при угрожающей мне опасности».

В это время верные Шипиче духи принесли весть об угрожающей ему опасности. На другой день новгородцы подошли к берегу (где теперь стоит собор Троицы). Это место было недалеко от жилища Шипичи.

Шипича призвал своих слуг и велел им наполнить водой чан. Погружением в воду он вновь приобретал силу, потерянную в объятиях любовницы и, насколько погрузит он своё тело в воду, настолько погрузится лодка новгородцев и вновь никогда не поднимется. Но слуги Шипичи, напуганные властью своего пама и его бессмертием, порешили погубить его. И вот поутру не оказалось у пама ни капельки воды, а враги подходили к берегу. И не один десяток ножей вонзили в тело пама; но он с улыбкой

¹ Фраза «Сусло, стой, так и лодка стой» рассказчиками передаётся на русском языке.

встречал удары. Кровь лилась из его ран два дня. Рука разбойников устала наносить удары; но жертва трусости и измены не издала ни одного крика, и с уст страдальца не сорвалось ни одного упрёка. Дочери видели весь ужас страдания и сжалились над отцом. Решив, что не так смерть страшна, как испытываемые отцом мучения, обратились с просьбой к убийцам – разрезать серебряный гашник отца. И лишь только разрезали гашник, улетела жизнь Шипичи.

Не стало пама. Новгородцы обратились к дочерям пама с мольбой выбрать из их шайки себе друга жизни. Дочери пама с презрением отвергли все предложения; но смерть отца причинила им такие сердечные муки, что они не захотели воспользоваться бессмертием, дарованным им отцом, и гордо ответили: «Мы последуем за отцом».

Ночь сделалась светлее дня. Высоко к небу поднялись столбы пламени: то горел дом Шипичи. Дочери решили скорее погибнуть, чем остаться жить без отца, – они подожгли дом и погибли в пламени, а вместе с собой погубили и убийц своего отца. Так погиб пама Шипича и его дочери.

* * *

Я передал легенду о пама Шипиче, слышанную мною от одного лица. Другие зыряне передают легенду точно так же, но с изменением некоторых мест. Эти варианты я и хочу привести. В одной вариации Шипича не является жестоким мстителем, но только ограждает свою личность от нападения. Так, когда новгородцы подошли к берегу, чтобы убить Шипичу, он намеревался погрузиться в воду, а вместе с этим новгородцам показалось, что дом Шипичи находится в воде.

Есть ещё вариации, где убийцами Шипичи являются не новгородцы, но какая-то шайка разбойников, которые грабили зырянские поселения, и только Шипича умел оградить зырян от их набегов. Одно остаётся неизвестным в легенде, кто были слуги Шипичи: были ли пленные русские или зыряне. По одним преданиям, это были русские, которые, зная тайну Шипичи, при приходе новгородцев изменили ему и не налили в чаны вод; по другим преданиям, это были зыряне, которых угнетало величие Шипичи. И они воспользовались первым случаем, чтобы погубить его.

Также существует неодинаковое представление о любовнице Шипичи. Некоторые зыряне рассказывают, что любовница изменила Шипиче вместе с слугами. Она просила Шипичу дать ей бессмертие; Шипича отказался; тогда она стала умолять его сделаться простым смертным, но и на это предложение Шипича не согласился; тогда уязвлённая любовница решила отомстить ему и примкнула к заговору слуг.

После смерти Шипичи его любовница вышла замуж за одного из новгородцев, убивших Шипичу; некоторые старики уверяют, что последних потомков любовницы и этого новгородца они помнят. Последние потомки приблизительно умерли в 1845 году.

Сохранилось предание о кончине друга Шипичи. После того как он не предупредил Шипичу об угрожающей ему опасности, раскаяние так и мучило пама, что он решил покончить с собой, отказавшись от своего бессмертия.

В заключение скажу, что памы вырождаются, как и всё в природе, так что последний пам уже не обладал бессмертием и не все духи ему повиновались. По рассказам, он существовал лет сто тому назад.

Так перевелись памы в зырянской земле.

1903 г.

Атаман Шипича

Каллистрат ЖАКОВ

Славный атаман Шипича сидел однажды над рекой Сысолой и грустил. Думал он о том, какая в этом году будет осень. Думал о том, что уже третий год живёт без жены, а за три версты от него живёт красавица-вдова, и о сокровищах, какие наградил он вместе со своими сообщниками, а зарыл в глухом месте один.

И всё сны ему снились в последнее время самые страшные. То видит во сне каких-то людей в кольчугах, с ружьями, каких никогда не видел прежде. То лодки с большими вёслами, каких никогда не видел на Сыsole.

Загрустил Шипича и решил нарушить обет вдовства и пошёл по знакомой тропинке к той красавице-вдове. А в отдельном тереме над Сысолой жили его дочери. Одна была с белыми волосами и голубыми глазами, другая – темноволосая и с глазами, как осенняя ночь. Первая ещё не знала любви, вторая испытала любовь с чёрным туном – хитрым Сизьяком из-за речки Чев-ю. Имя первой было Шонді ныв – дочь солнца, и родилась она в день праздника у солнца. Имя второй – Тöльсь-бан, потому что лицо её было бледно, как лик месяца в середине неба в зимнюю холодную ночь.

Они сидели у окна, когда мимо проходил отец, смотрели на облака и на воду и в воде и в облаках видели смерть отца, потому что всё это было написано в книге, лежащей в золотом тереме на крыше неба у великого бога Ена. Сыновья Шипичи ходили далеко вверх по Вычегде собирать ясак для своего страшного отца. Но не думал о своих детях Шипича, когда шёл к вдове. Он подошёл к тыну избушки, в которой сидела Сизь-ю, чесала волосы и приговаривала:

*Не заяц идёт в петлю,
Не медведь идёт в капкан,
Не волк лезет в яму,
Не лиса ищет стрелу из лука,
Сам атаман Шипича
Спешит к бедной вдовушке -
Сизь-ю-готыр-ёме.
Она была ёмой.*

И, открывая дверь Шипиче, подумала ёма:

– Я служу Ену и брату его Омöлю. Пусть будет всё, что бывает после греха...

Вошёл к ней Шипича, поздоровался, она усадила его в красный угол, положила его голову к себе на колени и своими волосами, как шёлком, окутала его шею. Потом она запела о Войпеле и о близкой смерти Шипичи.

И Шипича слушал её сладкий голос.

Так прошли три дня и три ночи. Совсем обессиленный, вернулся Шипича домой от

«Шипича и Сиз-ю». Художник Мошев А.В.

вдовы, дома налил в чашку воды, хотел принести очистительную жертву богам, чтоб вернулись к нему прежние силы, но не успел, как то и было написано в книге Ена на крыше неба. Тремя отрядами напали на дом Шипичи новгородские разбойники, законченные в железо.

«Ослабел я сейчас, – подумал Шипича, – не отражу удара!» – и, подняв руки над водой, произнёс заклятие:

– Море, седой старик, родивший много дочерей – рек и маленьких детей – звенящих ключей, вспомни своего сына Шипичу!

Не успел он закончить заклятья – поднялись из чаши высокие фонтаны, и все разбойники оказались в воде по колено, но всё-таки пошли с оружием на Шипичу.

– Мать облаков, Кымёр-мам, – сказал тогда Шипича, – помоги мне!

Поднялась вода разбойникам по грудь. Назад повернули два отряда к своим лодкам, но третий отряд с атаманом во главе храбро поднялся на крыльцо.

Тогда третье заклинание произнёс храбрый тун:

– Отец льдистых гор, живущий на севере, Саридз-айка, приди ко мне на помощь. Я зову тебя!

По шею оказались разбойники в воде. Все бросились назад вплавь, но атаман с двумя разбойниками уже двигался к Шипиче в сенях. Не хватило Шипиче очистительных заклинаний после объятий ёмы-вдовы. Схватили его разбойники за бороду, начали рубить топорами. И с каждым ударом топора – воды всё убывали и убывали, стекая назад в Сысолу.

Дочери колдуна также обратились к матери облаков, но сами броситься на помощь отцу не посмели.

– Не смеем мы идти против слов, – так сказали они друг другу, – записанных у белоусого бога, живущего на крыше неба.

Долго рубили разбойники Шипичу, но убить его не смогли.

– Неумные вы дети, – закричал он им, – если я вам сам не скажу, – вам меня не убить и сокровищ моих не найти. Но мне жизнь надоела, любовь меня утомила, – я хочу умереть сам. Разрежьте мой пояс, и тогда я усну смертным сном.

Разрезали разбойники пояс Шипичи, и тотчас все воды вытекли из его дома. А сам грозный Шипича умер. Тогда разбойники убили обеих его дочерей, ограбили дом Шипичи и ушли с богатой добычей.

А когда сыновья Шипичи стали подъезжать к дому, ольхи и берёзы им пели:

– Куру-кура, нет Шипичи, нашего друга. Погасли Шонді ныв и Тёлысь-бан.

1913 г.

Николай Фролов

Фролов Николай Адрианович (14 апреля 1909 года, дер. Тентюково, Вологодская губерния – 14 января 1987 года, Сыктывкар) – учёный-математик, коми национальный поэт, член Союза писателей СССР с 1940 года. В 1930 году окончил Пермский государственный университет.

В 1931–1935 годах обучался в аспирантуре научно-исследовательского института математики и механики при МГУ. В 1935–1938 годах возглавлял кафедру математики Коми государственного педагогического института. С 1938 по 1955 год работал в Горьковском пединституте: был деканом физико-математического факультета, заведовал кафедрой математического анализа. С 1955 по 1972 год работал в Московском энергетическом институте, заведовал кафедрой высшей математики. В 1972 году перевёлся в Сыктывкарский государственный университет, был первым заведующим математической кафедрой. В 1978 году Николай Адрианович закончил работу в вузах, и его творческие планы были связаны с литературной работой. Печататься начал с 1927 года. Первый сборник стихов на коми языке «Тувсов кадын» («Весенние дни») издан в свет в 1941 году. Автор драмы в стихах на фольклорно-исторический сюжет «В глухой тайге» (1941). В 1937–1938 годах являлся председателем Коми союза советских писателей, редактировал журнал «Ударник». В этот период им были написаны основные его поэтические произведения – поэма «Домна», историческая драма «Шыпича» (на коми языке), а также лирические стихотворения и переводы на коми язык стихотворений известных авторов.

Пемыд пармаын

(Шыпича)

Вит серпаса драма

Ворсысьяс:

1. Яраш.
2. Вöльнöй йöз.
3. Вой Парма йöз.
4. Шондi-Ныв.
5. Шыпича.
6. Васька Йöрш.

7. Ёгор.
8. Анна.
9. Марья – Ярашлön мам.
10. Ош Митрей.
11. Опонь.
12. 1, 2-öд, 3-öд да мукöд нывъяс Пармаысь

}
Вой
Парма
йöз.

13. Шараф. }
 14. Код морт. } Вольной йоз.
 15. Поп. }
 16. Чиновник да мукод. } Гостьяс Шыпичалон.
 17. Лун Му Хан да сылон йоз.

КЫВВОДЗ ПЫДДИ

Быд мойдысь мойдö аслысногөн,
 Кыдз сылы мөвпавсьö медбур,
 Котъ мый, а лыддьö ыджыд могөн
 Ас содтöд суйны, – со пö юр
 И менам уджалö тшöтш сюся.
 Тадз юкмöс дорын кывлöмтор
 (Дерт, конкö, сёрни вöлі гуся)
 Пыр ыдждö юрысь содтöм сор.
 Пель бердö вашнитасны нывлы,
 Оз некод сёрни гора пан,
 Мед сійöс некод дзик оз кывлы,
 Тшöтш шуасны: – Эн разöд, Ан.
 Но Анук паныдасяс Сашкөд, –
 Кыдз верман пöдсөн кутны вом?
 Дерт, Анук содтытöг оз вашкөд,
 Да абу Сашын сёрни пом.
 Саш содтас Машлы, Машук мөдлы,
 Мөд нинөм коймөдысь оз дзёб.
 Тадз ыдждö, ыдждö, он и тöдлы,
 Кыдз ошкö пөрö ичöt деб.
 Сідз кывлі Шыпичаöс мойдöм
 Ме уна вомысь унаног;
 Да вештам ылö йöзлысь пойгöм,
 Мед сөрö, кодлы абу шог.
 Дерт, мойд, мый висьтала ме тані,
 Эг мукöд серти мойдкыв вöч.
 Ме сідзи мойдöм ассьым пані,
 Кыдз, чайта, мойдліс пöчлы пöч.
 Мед мукöд Шыпичаöс доръяс,
 Да шогла кöрас ассьыс бан.
 Ог на моз кисьт ме синва шоръяс, –
 Кось пана Шыпичакöд тан.
 И ошканторйөн менам Яраш,
 Вой Парма йöзлөн повтöм пи,
 Мед нöйтны нартитысьöс, ки
 Неповтöг лэптис, кызди яр ош.
 Збой йöзлысь венөм мойдысь кылі
 Да найöс ошки, найöс сьылі.

ВОДДЗА СЕРПАС

Лун Му, саридздор. Ылын тыдыштöны сэтчöс олысьяслөн еджыд керкаяс. Тыдовтчöны кык пыж – Шыпичалөн да Лун Му Ханлөн, төвар тыра. Мунö кось: Шыпичалөн котыр нöйтö Лун Муса Ханлысь йöзсö, кодъяс чеччöны косö да пышйöны, найöс кералегтырйи вöтöдöны Шыпичалөн йöз. Кось саялö. Недыр мысьт бергöдчöны Шыпича, Васька Йöрш да налөн вит матиджык ёрт.

Шыпича.

Хан эз вöв омöлик, но веним.
Шуд косьын отсасьö пыр меным.

Васька Йöрш.

Он öти шудөн перйы вен.
Көн тэ – эм збойлун, вежөр сэн.

Мукöд.

Ми тэкöд венлим эг нин öтчyd.
Быть шудлы мян бöрся вöтчы,
Быть сылы Шыпича дор ов,
Кор ачyd нинöмысь он пов.

Йöрш.

Со мян котыр збоя олö,
А тэнад скöрджык кылысь полö.

Шыпича.

Дзик синтöм сйö, кодi чайтö,
Мый котыр йитöд важмоз ён.
Мем ёртъяс сöмын тi со квайтөн.
Став ладсö дзугö öти зон.

Мукöд.

Кодi сйö? Висьтав.

Йöрш.

Няйтöдз нырны
Мед позяс сйöс пыр жö тан.

Шыпича.

И сёрни сы йылысь эн пан.
Весь кöсьян, Васька, зыкö пырны,
Ме ногөн, бурджык лоны чöv.
Эм менам, ёртъяс, гуся мövп.
Сы вöсна тiянöс и вайи,
Мед сёрнитыштны йöз син сайын.

Мукөд.

Вай висътав, тэнсьыд кывзам ми,
Кызз батылысь кывзö авъя пи.

Шыпича.

Пыр содö йöзлөн мекöд вензьöм.
Тшöтш тiян вылö йöзыс лөг,
Öд мян костын уна лөп,
Пыр дзугö Яраш йöзöс менсьым.

Мукөд.

Кызз, Яраш дзугö? Со öд кутшöм.
Мед важөн вöтлин сiйöс кушөн.

Шыпича.

А менам мөвпясьой дзик мөд.
Бур, ёртъяс, асьным кө ми мунам,
Дерт, пышъям, некод мед оз тöд.
Став эмбур сьöрысь, дерт, ми нуам.
А öнi зарни мян уна.

Йөрш.

Збыль, зарни öнi мян уна.

Мукөд.

Эм, позяс сьöрсьыным мый нуны.

Шыпича.

Ог радейт ме тадз, пом ни дор,
Пыр нэмчöж шöйтны, позтöм көк моз.
Быд эмыс мян помтöм öкмис,
А зарни судзöдас быдтор.

Мукөд.

Збыль, зарни судзöдас быдтор.

Шыпича.

Зарни водзын – ставыс ныж.
Зарни паськөм пурт оз бытшкы,
Зарни куö оз пыр гыж.
Позьö дзевны зарни пытшкö
Мед көть кутшöм ыджыд мыж.

Мукөд (сералöны).

Позьö, позьö зарни пытшкö
Дзевны медся ыджыд мыж.

Шыпича.

Зарни водзын – шонді сім.
 Зарни вонйö позьö тöбны
 Судлысь медся югыд син.
 Зарни вылö позьö ньöбны
 Кутшöм колö царскöй чин.

Мукöд (сералöны).

Збыльысь сідзи, позьö ньöбны
 Зарни вылö царскöй чин.

Шыпича.

Зарни – медся ыджыд вын.
 Позьö мынны медъён лэчсьыс, –
 Зарни лэчкысь морт оз мын.
 Чöж көть грек, көть адöдз лэччыв,
 Енмöдз лэптас зарни вын.

Мукöд (сералöны).

Чöж көть грек, көть адöдз лэччыв,
 Енмöдз лэптас зарни вын.
 Ми важөн тырим озырлунён,
 И шöйтны пон моз – важөн дыш.
 Кось нуны пуртным лои ныж.
 Ми асьным мөвпалам пыр мунём.

Шыпича.

Но, сідзкö, сюся вöчны удж,
 Мед оз вош миян öти сутш.
 Ті сиктысь, мый эм бурджык, куртöй,
 Мый аддзад – перйöй биён, пуртён.
 Ме Ханлысь эмбур сöвта пыжö,
 А, Йöрш, тэ йöзöс юны ышöд,
 Кор личкас найöс вина би,
 Сэк нылыд төлөн лэбзям ми.

Ставныс разöдчöны. Кылö локтöны Шыпича котырысь мукöд йöз. Васька Йöрш мунö налы паныд.
 Пырö йöз, тöдчö – юштöмаось, гажаось.

Код морт (сылö, мукöд сералöны).

Коді косьын сюйсьö водзö,
 Сійö медвойдөр и коддзö,
 Сылы йöзсянь – ошкан кыв,
 Сылы – медся мича ныв.

Мукөд.

Кужö мортыс вина юны,–
Кужö кывъяс сюся шуны.

Код морт.

Коді косьын бöрын ветлö,
Сійöс вина дорысь вöтлöй,
Абу сылы курыд пай,
Тырмас сылы кöдзид тшай.

Мукөд.

Кужö мортыс вина юны,—
Кужö кывъяс сюся шуны.

Йöрш.

Тан, ёртъяс, котыр узыны кольччö,
И шуис Шыпичаыд мем,—
Став вина Ханлысь, мыйдта эм,
Оз кытчöдз кынöмъясныд польдчы,
Ті вермад юны.

Код морт.

Бур жö Васьным.
Тшöтш мыйдта Шыпичалөн бур,
Но сöмын сёрмид, тöдам асьным,
Мый вылö шогмö вина-сур.

Мукөд (сералöны, код мортлы).
Ланьт, эновт вензъыны тэ ськөд.

Йöрш.

Вай, ёртъяс, гажöдчыштам зыктöг.
Ён вöлі талун миян кось,
И ютöг – некыдзи оз позь.

Мукөд.

Вой кольны кутам кö ми тані,
Гаж колö ёнджыкöс, дерт, панны.
Öд вöлі ён зэв миян кось,
И ютöг некыдзи оз позь.

Йöрш.

Вай чукöртчöй ті вөр ді дорö,
Став котыр сэтчö, ёртъяс, корöй,
А кутшöм нывъяс сиктын эм,
Он аддзöй мöдлаысь ті нэм!

Мунё, мукөд сы бөрся тшөтш мөдöны. Бөръя йöз пытшкысь кыкөн сёрнитöны ас костас.

Первой морт.

Мый талун Йөршыс сэтшöм зиль?

2 морт.

Код төдас, кутшöм курччис зі.

Öвтыштö кинас, кыкнанныс вөтчöны йöз бөрся.
Пырö Шондi-Ныв, мөдласянь – Яраш, аддзысьöны.

Яраш.

Тэ, Шондi-Ныв. Тэ, дзоридз сөстöм.
Оз кус нэм сьөлöм тээн öзтöм.
Кось мунё көн, мый корсян сесь?

Шондi-Ныв.

Дерт, тэнö, Яраш. Төдлі, танöсь
Тi сийөн, потшавны мед Ханöс.
Тэ вöсна полi.

Яраш.

Полан весь.
Вын чужтiн мем тэ помтöм, дортöм.

Шондi-Ныв.

Ме вöсна, муса, асьтö видз.

Яраш.

Мем олöм муса, видза кортöг, –
Ме тэкöд аддзи олöм мич.
Сэк радейтöмысь олöм мичмö,
Кор сьөлöм кылö воча шы.
Кор нывлөн сьөлöм пöсь тэд вичмö,
Тэд сöмын лöзалö син ты.
Сэк тырö помтöм шудөн сьөлöм,
Сэк вуджөр морöсö оз коль,
Быд дзоридз тэныд ыстö чолöм,
Тэд варов сёрни кисьтö ёль.
Тэд енэж сетö шондi югөр,
Кызд пины бурсиöмсö мам.
Тшөтш тэкöд ошкö лэбач чукөр,
Став ывла вывлысь олансям.
Сэк радейтöмысь олöм мичмö,
Кор сьөлöм кылö воча шы...

Шонді-Ныв.

Вит лун, кызд аддзысим тан тэкөд.

Яраш.

Мем лоин муса пыр жө сэки.

Шонді-Ныв.

Ті дыр-ө кутад овны тан?

Яраш.

Ми кыйим Ханлысь караван
Да водзө нинөм тані керны.

Шонді-Ныв.

Тэ кольччы мекөд тан.

Яраш.

Ог вермы.
Мем чужанін – Вой Парма – дона
Быд муысь-ваысь медся ёна.
И кытчөдз лов менам оз пет,
Нэм кутас лэбавны пыр сэт,
Көн олө коньөр мамой менам,
Көн пемыд йөз, кызд сэтчөс вөр,
Весь енлысь корө лөкөс венөм,
Ас муө сьөлөм кыскө бөр.

Шонді-Ныв.

А сідзкө гортсьыд ылын мыйла?

Яраш.

Сэн царлысь вот перйысьөс лыйлі.
Рөзбойник ме. Рөзбойник царлы
Да йөзөс пөдтө кодлөн ки.
Ме, Парма йөзлөн шудтөм пи,
Ас муын колли челядь арлыд.

Шонді-Ныв.

Эн, муса, асьтө шогө вөйт,
Ме төда гөльлун, ог ме вөйп.
Но вөч тэ, радейтан кө, ме ног, –
Тэ котыр Шыпичалысь эновт.
Тэ кольччы мекөд миян сиктө,
Мам менам тэд тшөтш лоас мам.

Яраш.

Тэд мустом миян олансям.
 Ми эгö Шыпичалы сибдö.
 Пом Шыпичалон абу ылын,
 Збыль ёртъяс этша коли сылön.
 И регыд панам туй ми выль,
 Туй бурлань, кывъяс менам збыль.

Шондi-Ныв.

Бур, эска, мöвпад тэнад кöсйöм,
 Бур тэнад морöсад би öзйö.

Яраш.

Ме аслым бöръя котыр збой,
 Мед косьын корсьны йöзлы мезмöм,
 Мед корсьны олём, шог кön эз вöв,
 Кön олём эз вöв пемыд вой.
 И ог кö усь ме вира косьын,
 Ме регыд лоа бара тан.
 Сэк меным сет тэ öти козин, –
 Мем паныд гажön ломзьöд бан.
 Сэк меным сет тэ ассьыд китö, –
 Туй вылö öтвыв петам ми,
 Шуд корсян косьлысь öзтам би,
 И ортём лоö миян йитöд.

Шондi-Ныв.

Ме пола, Яраш, вошта тэнö.
 Тэд эскём менсьым шогöй венö.

Локтöны сайласигтырйи Шыпича, Васька Йöрш да морт кык. Шыпича мышсянь кучкö Ярашлы, кодi усьö садьтöг. Кыкön кутöны Шондi-Нылöс да нуöны пыжлань.

Шыпича.

Но, сюся.

Йöрш (*ырыштчö пуртön Яраш вылö*).
 Помалам?..

Шыпича.

Оз ков,
 Палачлы видзтам сылысь лов.
 Со кызди овны колö, видзöд.
 Эм кодлön зарни лыд ни тшöт,
 Кыз зарни – мича гöтыр тшöтш,–
 Оз шуны мыжа мортön, сiдз öд?

Йөрш.

Сё морткөд воча тэнад вежөр.
Тэ мывкыд вылө петө вежөй.

Шыпича.

Эм зарни ёр, эм гөтыр мич, –
Сэк зарни гора ним и вич.

Йөрш.

Дзик ставсө арталөмыд водзвыв.

Шыпича.

Йөрш, меö кутчысян – он вөй,
И туй тэд паськыд лоö водзын.

Йөрш.

Ме ачым аддза, абу йөй.

Шыпича.

Ме мөда гортлань. Парма шөрын
Ме öнi лoа царысь царь.
Сэн тырмас кыкнаннымлы көрым, –
Тшөтш сэтчө лок.

Йөрш (сетö Шыпичалы кисö).

Тшөтш... Царысь царь...

Шыпича босьтö Васька Йөршлысь кисö, кыкнаннись мунöны пыжлань. Пуксьöны, пыждöра пöльтчö тöлөн,
саялöны. Яраш палялö.

Яраш.

Со вөлөм Шыпича мый октö.
Эй, ёртъяс, татчö, татчö локтöй,
Сур пытшкын вежөр тiян пöдö,
Мый вöчсьö гөгөр – онö тöдöй.

Котөрөн локтöны мукöд.

Мукöд.

Мый горзан сiдз? Мый тэкöд лoи?
Мый керсьö тан, ог гөгөрвоö.

Яраш.

Көн синныд? Тыртiс вина ру?
Вай гудыр синъяс валань чöвтö.
Со көнi Шыпичаыд öвтö.

Он подён саридз вывті су.
Йой йөз, ті купеч пины эскид.
Со өкмис зарни – могыс эшти.

Мукөд (*горзёны саридзлань*).
Пон чукөр. Пышйид. Суам! Корсям!
Тадз юртө ассыныд ті ворссяд.
Көть вермид пышйыны ті татысь,
Ми аддзам тиянөс, көть адысь!

Яраш.
Кыв көсья кутны тиян водзын.
(*Мукөд ланьтыштёны.*)
Ми босьтам Шыпичалысь водзёс!

Мукөд.
Ми босьтам водзёс, водзёс, водзёс!

Яраш.
Көть дырөн, Шыпича бөр сюрё,
Да мыжсё вештас сийё юрөн.

Мукөд.
Мыж вештас юрөн, сөмын юрөн!

Яраш.
Туй колё вайдөр мян вежны,
Мөд, бурджык туйё колё кежны.
Ме ногөн, ёртъясөй, оз позь
Ас вөсна сөмын нуны кось.
Мед эськө, ёртъяс, кытчө волам,
Сэн бырө озыръясысь полём.
Өд ставным тан ми гөльлөн пиян,
Мед йөзлы отсалё кось мян.

Мукөд.
Шань, тырмас кодъярөн пыр шөйтны,
Тадз позьё вина пытшкө вөйны.

Яраш.
Ми кисьтам вир, а кодлы бурыс?
Нэм озыр – вокъяснымөс пурө.

Мукөд.
Оз позь пыр овны тадз, оз позь
Ас вөсна сөмын нуны кось.

Яраш.

Вай, медводз, бурджык нырщик бөрьям,
Оз кодї Шыпича моз пөрьяв.

Мукөд.

Тэ, Яраш, тэ медзбой да сюсь!
Тэ! Бөрйөм мөд вылө оз усь.
Ог вермөй вежны тэнө мөдөн,
Тэ медводз Шыпича сям төдін.
Тэ важөн синьяснымөс восьтан.
Тэ, Яраш, нырщикалөм босьтан.
Тэ, Яраш, ло тэ миян нырщик!
Пом! Яраш лоө миян нырщик!

Яраш.

Зэв ыджыд аттьө эскөм вылө!
Бур венөмьяс ме водзысь кыла.

Мукөд.

Кузь нэм виль нырщиклы, кузь нэм!
Кузь нэм виль котырлы, кузь нэм!

Яраш.

А өні мөдөдчам му кузя,
Мед йөзлысь пальөдавны узьөм!

Мукөд.

Ми мөдам лэбавны му кузя!
Ми мөдам пальөдавны узьөм!

МӨД СЕРПАС

Ар. Рыт. Серпас пом кежлө пуксьө кодзула вой. Эжвадор. Збоймөм Эжва нөйтө гысө джуджыд кыркөтшө,
резө бызьөм ваөн пөрысь пожөмьяслысь вуждінсө. Катө Эжва паныд ыджыд пыжөн Ярашлөн котыр.
Войтөв вайө Эжва нылыдысь кыпид сьылөм:

Оз сэн варыш лэчыд гыжъя
Вөтөд лэбач чукөр, оз, –
Лэбө нылыд төлөн пыжа,
Вундө гыяс пуртөн моз.
Оз збой каля сунлась, варччы,
Пожъяв лым кодь еджыд борд, –
Гыкөд пыждөра сэн гартчө.
Веськөдлысьыс – повтөм морт.
Варыш синма, вына соя,
Нинөм сылы помтөм лөз.

Мед жö быгйöн гыыс койö,
 Абу полысь пыжын йöз.
 Гыысь гыö пыжа вуджö
 Ньöв моз веськыда, оз кеж.
 Збой йöз оз лыддысьны уджöн,
 Венсьöм налы – сöмын теш.
 Налы мустöм лöня олöм,
 Сотчö сьöлöманыс би.
 Оз ков зарни, венсьöм колö,
 Налөн быдөн – косьлөн пи.
 Налөн эмбур – повтöм сьöлöм,
 Вöсни, лэчталöм пурт дор.
 Коді оз тöд налысь сьылöм,
 Сьылöм долыд, абу нор?
 Паныд сувтысь пöдö йирын,
 Полысь кось дырйи оз сюр.
 Овлö, вина пыдди вирён
 Коддзö повтöм йöзлөн юр.
 Повтöм сьöлöмалөн олöм
 Медся долыд, медся бур.
 Оз ков зарни, венсьöм колö,
 Косьын ютöг коддзö юр.

Яраш.

Вай шойччö, ёртъяс, варышпиян,
 Ва паныд катіг мудзис сой.

Йöз.

Кось вылö тырмас вынным миян.

Яраш.

Кось панны сёр нин, пуксьö вой.
 Ог пырöй аски лунöдз косьö.

Йöз.

Дерт, муртса шойччыштны тан позьö.

Яраш.

Со, Шыпичаыд олö көн.
 Тан йöзлысь перйö зарни вынён
 Став вирсö, пöсьсö, нетшкö сөн,
 Но Парма регыд сыысь мынö.

Йöз (чеччöны косö).

Ми воам регыд нин сы ордö,
 Бөр бырö сылөн озырлун.

Ми шуам, – тшапмин тай, важ ёртёй,
А мян тэ со эн на вун.
Ми дыр нин корсим, öнi сюрин,
Дерт, тöдан мянöс тэ, «ёрт», –
Тэ ассъыд мыжтö вештан юрөн,
Тэ юрөн вештан, коньöр морт.

Яраш.

И Парма пурöмысь тшöтш инмас,
Оз котыр ас вöсна куш лок.

Йöз.

Кöть көн, гöль йöзлөн шог да синва –
Тшöтш мян синва, мян шог.

(Пестöны би, лöсьöдöны шойччөг, сёрнитöны аскостаныс.)

Дерт, аддзас Шыпича кось вылын,
Ми быдөн важысь збой да ён.
Дерт, öнöдз кусi биыс сылөн,
Кöть эз вöв сийö польысь зон.
А волi Шыпичаыд, пиö,
Морт ёна уна серти сюсь.
Сюсь! Мудер аслань сöмын сийö,
Да зарни вылö горшыс кузь.
А, гашкö, Шыпичаыд, – кылан? –
Збыль дзугсис сэки мича нылөн?
Ог весь шу, – некор ныв эн босьтöй,
Ныв сöмын торкас олём лад.
А мян нырщикöс мый косьтö?
Ланьт, оз жö ныв понда куш кат.
Эн сөрöй нинöмсö тi, вокъяс, –
Öд тöдад, кутшöм мян могъяс.

Локтöны пыж дорысь Яраш да Шараф, пуксьöны торйөн.

Яраш.

Дас витöдз матысмö нин во лыд,
Ас муö корсянь ме эг волы.

Шараф.

И менам олём абу мöд,
Ас му мем – челядьдырся вöt.

Яраш.

Нэм кыскö менö чужан муö,
Көн вöли том кад оланiн.

Мый корсьны съёлём сэтчө нуө,
 Оз нинём гажөд кытөн син?
 Сэн абу Лун Му дзоридз розъяс,
 Оз лунвыв шонді зарни кой, –
 Дзор сё арөса шуштөм козъяс
 Шог сёрни дзуртөны съөд вой.
 Оз лөзав сәні помтөм саридз,
 Оз долыд гы шы съёлём дойд,
 Сэн нюрысь, тулыссянь съөд арөдз,
 Вөр шорөн лэччө гажтөм мойд.
 Мый корсьны съёлём сэтчө нуө,
 Оз нинём гажөд кытөн син?
 Оз инөд кар, көн олөм пуө,
 Оз инөд мукөд оланін.
 Мем муса Вой Мулөн шог вөрыс,
 Мем муса пөрысь дзуртысь коз.
 Мем гажа гажтөм Эжва нөрыс, –
 Сэн вөлі менам чужан поз.
 Сэн медводз йөзлысь шогсө төді,
 Кор муртса сайкис челядь ун.
 Ме сэсянь съөкыд туйөд мөді,
 Со мыйла Вой Му эз на вун.
 Со мыйла съёлём сэтчө нуө,
 Мед нинём сэн оз гажөд син.
 Ме бара вои чужан муө,
 Тан менам том кад оланін.

Шараф.

Ас му! Став дорысь сійө муса,
 Да корсьлім сэсь ми пышъян туй.
 Йөз муті нэмчөж сайлась – уй.
 Ас муысь ылі туйын кусам.

Йөз (сьылөны бипур дорын).

Чужөм тэнад мед оз воймы,
 Шог кө вуджас тэнсьыд туй.
 Эн тэ сетчы съёлём дойлы,
 Юр эн өшөд, эн видз руй.
 Тэнад му вылын шуд олө.
 Сійөс корсьны аслыд колө.
 Тэд кө йөзысь гөля овсьө,
 Мөд кө тэнсьыд гуис шуд, –
 Эн тэ бөрддзы, эн тэ повззы,
 Корсь тэ ассыйд олөм пуд,
 Тэнад му вылын шуд олө,
 Сійөс корсьны аслыд колө.

Тэд кө сьөкыд өткөн овны,
Пыр кө тэныд букыд лун,
Гажтөм лои өтка ловлы, –
Аслад вокъяс дінад мун.
Миян му вылын шуд олө,
Сійөс өтув корсьны колө,
Тэд кө олөм вывті дзескыд,
Няйтө пөдны кутіс лов, –
Аслад морөсад би песты,
Сьөлөм жугыльтны оз ков.
Вөлі личыдджык мед олөм,
Вөля корсьны аслыд колө.
Тэд кө лои вывті мустөм,
Тэнсьыд перйө коді вем, –
Синмад лөг тэ озты кустөм,
Сет тэ кось вылө став нэм.
Вөлі личыдджык мед олөм,
Вөля корсьны аслыд колө.
Оз кө тырмы тэнад выныд,
Сьөкыд өткөн нуны кось, –
Ассьыд вокъястө эн вунөд,
Найөс быдлаысь тэ корсь.
Миян личалас мед олөм,
Вөля корсьны өтув колө.
Мый нө руд кө енэж талун,
Мый нө гөгөрным кө мыж!
Аски шонді петас налы,
Кодлы олөм талун – тыш.
Сюрө вөля, гажмас олөм,
Сөмын повтөг овны колө!

Шараф.

Шуд йөзлы сюрө, гашкө, бөрын,
А миян вөля курыд көра.

Яраш.

Шараф, шог тэнө талун гөрө.

Шараф.

Мем дзескыд ывлавылыс,
Мем векни паськыд му.
Пыр шог шы сьөлөм кыліс,
Көть кытчө кок эз ну.
Дерт, абу со ме өтка,
Эм менам уна вок,

Тшөтш налы муыс тьотка,
 Му дзескыд, – тыртө лёк.
 Пыр олөм шудсө мыччө,
 Кыдз енэж – кодзув ёр,
 Сы динө кыссям, кытчөдз
 Оз аддзы нэм гудор.

Яраш.

Збыль... Миян вöлялы кысь шуд?
 Öд чужтис сийөс царлөн суд...
 Со уси биа ньöv моз кодзув,
 Медбöрысь сьавкныштіс ёр.
 Код шуас миян костын водзвыв, –
 Оз тадзи олөм сылөн ор?
 Сім енэж югдыштіс эз уна,
 Эз аддзыв кодзув кусөм морт.
 Тадз кусам, нимным миян вунö,
 Тшөтш сылөн, коді талун ёрт.
 Ми быдөн сылам, сотчам биөн,
 Ми быдөн сөмын ывла бус.
 Мед сотчөм збойджык вöлі миян,
 Кор югөр эз на дзыкөдз кус!

(Пуяс сайысь кылö увгөм, сёрни шы.)

– Эй, сувтöй! Петöй югыдинö.
 – Ми локтам шойччыны би динö,
 Ті войтыр, сьылөм серти, бур.
 – А сідзкө, мыйла дзебад юр?
 Код төдас мөвпъяс тіян кутшөм.
 Но нырщик төдмалас дзык сутшөн.
 Мый могысь кынькъяланнуд тан,
 Оз ылав некор атаман.
 – Ок, чожö, воши миян юрным.
 – А мый көть сідз, жаль, – кольö нюрным
 Да сөйтөм кольö пипу кач?
 Том морт, а, вөлөм, көч кодь нач.
 – Вай зіля тувччалöй, мый дувгад.

Яраш.

Эй, мый ті, кодкөд сэні увгад?

(Сайсянь)

Час воам, аддзан ачюд сэки.

Морт кык Яраш котырысь вайөдöны Ош Митрейөс да Опоньöс.

Со төдмав, шөйтөны мый сәні,
Көн шойччам ми, кор воя кад.

Яраш.

Ті кутшөм йөз? Туй мыйла тат?..

Митрей.

Да, сөмор! Петрө Яраш тайө!

Яраш.

Ош Митрей! Локтөй билань вайө.
А тайө коді?

Митрей.

Чойлөн пи,
А юөр важөн кывлім ми,
Збой котыр Эжваті пө катө,
Төв новлө, төдан, юөр татөн.

Яраш.

Вай висьтав, Митрей, кызди олад?

Митрей.

Эн сёрнит, олөм миян сола.
Скөнь зэвтө Шыпичалөн ки.

Яраш.

Ки сылысь кералід мед ті.

Митрей.

Вын сылөн ыджыд, овны ськөд
Пыр лоө полөм сорөн, зыктөг.

Опөнь.

Оз быдөн Шыпичаысь пов.
Эм, кодъяс доршасьөны вины,
И, гашкө, регыд сотчас Чов.

Яраш.

Чов? Чайтлім – олө Сыктывдінын.

Митрей.

Сэн. Човйын завод, вина пуан.

Опөнь.

Көть йөзлы сөйны абу нянь...

Митрей.

Йӱз вердчас, кызкӱ-мыйкӱ, пуӱн,
 Кач мян кынӱмъяслы шань.
 Чов завод йӱзӱс ӱна личкӱ.

Яраш.

Збыль, сотны важӱн колі, сідзкӱ.

Митрей.

Он вермы: Човйын бӱрря во
 Салдатьяс сълӱн, гашкӱ, – сӱ.

Яраш.

Салдатьяс, шуан? Сідзкӱ, зоньяс,
 Бӱр ковмас пальӱдавны оньяс,
 Вой кольтӱдз воны мед Чов сайӱ, –
 Водз босьтам Шыпичалысь лов,
 А бӱрын, йӱзкӱд ӱтув, – Чов.

Митрей.

Тшӱтш мянӱс тӱ босьтӱй вайӱ,
 Туй инда тӱянлы ме бурӱс,
 Туй меным важ Эжватӱ сурас.

Яраш.

Лок, Митрей, ӱзтам косьсӱ ми,
 А йӱзыс лӱдсаласны би.

(Мӱдӱдчӱны пыжлань.)

КОЙМӱД СЕРПАС

Шыпича керка. Керка пытшкӱс зӱв озыр. Шыпича гӱтыр – Шондӱ-Ныв гӱгӱр – Парма нывьяс, пасьтӱдӱны,
 вӱччӱдӱны Шондӱ-Нылӱс.

Нывьяс.

Мый шогсян, аньӱй? Мый пыр гажтӱм?
 Пыр сӱмын казьтылан тӱ важтӱ.
 Эм тӱнад быдтор, синтӱ чӱвт,
 Со гӱгӱр – эзысь, зарни, шӱвк.

Шондӱ-Ныв.

Эн вунӱд, – мича рӱма корйыс,
 Кор дзоридз гажӱдӱ веж бор,
 Он кытчӱдз нетшышт сӱйӱс бӱрйысь,
 Оз кытчӱдз дзоридзлӱн вуж ор.

Эн вунёд, бобув зарни съома,
Кор сылөн ас вөля эз кус.
Кор босьтан радейтыштны сөмын,
Сы мичысь кольё киад бус.
Эн вунёд, – лэбач гажла сьылё,
Кор сійөс кывзё шонді, сёрд.
Гаж бырё сыланкывйысь сылөн,
Кор кыяс радейтыштны морт.
Эн вунёд, – радейтём оз ньобсьы,
Он мырдысь некор сійөс кут.
Оз сьолём тшөктём серти небззы,
Көн абу вөля, – абу шуд.

Пырё Васька Йөрш.

Йөрш.

Тэ дінё пыравны мем позьё?

Шонді-Ныв.

А эм-ё, мый тэд тан оз позьё?

Йөрш.

Тэд пырті Шыпичалысь козин,
Виль дона сикөтш ыстіс, босьт.
Мем тшөктіс верөс тэнад шуны,
Мый сылөн талун чужан лун,
Да оз мед сійё тэнад вун.
Бур гөстьяс коралёма уна.

Шонді-Ныв.

Ми петам кадын.

Йөрш мунё өдзёслань, петігмоз лёкногөн дөзмөдө нывъясөс.

Шонді-Ныв бергөдлө сикөтш.

Төдсатор.

Тэ коян Лун Му шонді ёр.
Ме сэтчө вола-ё, код төдас.
Мем олём казьтыштін тэ мөдөс.

Нывъяс.

Тэ, Шонді-Нылөй, эн нин шогсьы.
Эн кыпөд ассьыд сьолём дой.
И Лунвыв Муысь оласногсө
Вай, бурджык, миянлы тэ мойд.

Шонди-Ныв.

Тасянь ылын зэв, лунвылын му эм,
 Во чөж өткодь пось шондыс сэн,
 Енэж лөзалө, оз овлы мугөм,
 Олө тулыс сэн помасьтөг нэм,
 Сэни дзоридзьяс уна сюрспөлөс,
 Налөн сынөдсө тыртө бур көр.
 Долюд ышловзём ывлалөн – төлыс,
 Енэж вевтулас гажыс оз төр.
 Саридз, кань моз, сэн ниртчөмөн мойдө,
 Көдзыд йи сийөс некор оз дор.
 Мортлөн сьөлөмыс долыдөн ойдө,
 Аддзас помтөм мич ывлалысь кор.
 Шонид сөдзваа саридзлөн подув
 Быдног пөртмасын изьясөн тыр,
 Найө – сэзь войө гылалөм кодзув,
 Лыдтөм кодзув оз енэжысь быр.
 Кыптө сьөлөмын радейтны колөм,
 Мичсө ывлалысь аддзас кор син.
 Менам инасьтөм вөт – Лун Му олөм,
 Ас му радейтөм нэмчөж оз чин.

Нывьяс.

Збыль, аньой, сэни гажа сэтшөм?
 Мич эм тшөтш тані абу этша.
 Эм мич и миян Парма мулөн,
 Мич, кутшөм некытысь оз сюр,
 Да сөмын Шыпича ки улын
 Ми, Парма йөз, ог аддзө бур.

1-ой ныв.

Нюрын да вутш костын Парма йөз пөдө,
 Эжөра гөпьясө вөйөма пыдө.
 Воштөма синьяссө пемыд сук вөрө.
 Синва сор вынтөм му вөр бердө гөрө.
 Парма му, чужанін, сьөлөмөй доймө,
 Кыла кор тэнсьыд ме войтөлөн ойзөм!
 Радейта тулысын тэнө веж сёнла,
 Еджыд льөм дзоридзөн меным тэ дона.
 Лун кодь югыдось тулысын войяс...
 Кор нө нин Вой Муыс палялас, збоймас!

Нывьяс.

Со миян олөм – бөрдөм, лөвтөм.
 Лун чөжөн өдө сьөлөм дой,
 И сөмын сэк, кор пуксяс вой,
 Ми долюд олөм тэчам мөвпын.

2-өд ныв.

Мыйон шондйлөн югöрыс кусö,
Кытöн енэжкöд йитчöма нюр;
Мыйон кизьöр лöз рöмьдөн мусö
Резас коз йывсянь тöлысьлөн сюр;
Мыйон кодзувьяс лöз дöра вылö
Енэж гажöдны öзталас вой, –
Гөгöр эзысьöн дзирдалö, сылö,
Сылö, кусö тшöтш морöссьыд дой.
Вунлö сэк сöмын лунся лёк олöм,
Помтöг увтыртöм, дзескöдöм, шог.
Сэки лэбавсьö мөвпъясөн, лолөн,
Тэчö мөвпид сэк олöм асног.

Нывьяс.

Гаж вöли эськö, эз кö помав
Шуд йöзлысь Шыпичалөн ки,
Эз йöзлысь вöлясö кö ви,
Нэм ортöм везийөн кö эз домав.

3-өд ныв.

Ме кужи лэбны кö да сывны
Лун саридзсайса лэбач моз, –
Ме вöчи эськö козийö поз,
Мед вермис сiм вөр сьылöм кывны.
Сэн сьыли шондi петан гаж,
Сэн кори вöтысь вöчны вемöс,
Мед кывзiс чуймöм ывла шемöс,
Кыз олöм дивита ме важ.
Ок, вына кö ме вöли, вына,
Кыз Шыпича, кыз мустöм тун, –
Ме öзтi эськö мустöм лун,
Мед вуджöрысь шог Парма мынас,
Мед сотчас шондiөн зиль ун,
Веж дзоридз чепöсьяс важ кынас!

Шондi-Ныв.

Пемыд вой оз волы помтöм,
Оз век лысваён му бöрд.
Садьмöм муöс асыв шонтö,
Войся лысва косьтö бөр.

Нывьяс.

Косьмö, косьмö лысва-синва,
Мыйон шондi югöр инмас.

Шонді-Ныв.

Көдзыд төв оз овлы помтөм,
Оз пыр вевтты юс йи.
Кынмөм муос тулыс шонтө,
Өзтө шондї бөр би.

Нывъяс.

Тулыс мездө йиысь юс.
Ытва саридзө шог нуө.

Шонді-Ныв.

Тулыс венө арся важсө,
Муос садьмөдө збой гым.
Пышйө повзёмла сэк гажтөм,
Збоймө сьолөм, оз ло кын.

Нывъяс.

Тулыс венө мустөм важсө,
Өзтө сійө муө гажсө.

Шонді-Ныв.

Тулыс миян, гашкө, ылын,
Гашкө, дыр на шуд оз шед.
Миян гажным сьыланкылын
Олас тувсов лунөдз мед.

Нывъяс.

Шуд кө миян, нывъяс, ылын,
Гаж мед олас сьыланкылын.
Нывъяс, кытшөн ворсам вайө,
Сетам ручөс верөссайө.
Лэптам сійөс серам вылө,
Коді йөзысь пышйө ылө,
Коді пуксьө йөзысь вылө.

(Сувтөны кытшөн, сьылөны да ворсөны. Йөктөмөн нерөны сват-сватъяос, том гозъяос.)

Джуджыд, сук вөрын оліс,
Пемыд, сук вөрын выліс
Мича руч,
Мелі руч.
Ылөдз мич ручлөн кывсис,
Сылысь мич көч тшөтш кывліс,
Полысь көч,
Пөрысь пөч.
Воліс көч, – пөрысь, дзөрысь,
Вайис көч көвдум сьөрысь:

– Ручө-чой,
Көвдум сөй.
Кад тэд, руч, верөссайө,
Пет тэ, руч, пий сайө.
Дөзмис руч,
Скөрмис руч:
– Абу ме көчкөд олысь,
Көчлөн кын сьөлөм полысь.
Тэд ме ань
Вывті шань.
Воис ур ручө ордө,
Корө монь вылө гортө:
– Пи кодь бур
Мөд оз сюр.
Пет тэ, руч, верөссайө,
Тэнө, руч, пий вайө.
Дөзмис руч,
Скөрмис руч:
– Уна зэв көсьян, урөй,
Верөс мем бурджык сюрө.
Тэд ме, ур,
Вывті бур.
Воис ош, шоньд пасьыс,
Ошкис ош писө асьыс:
– Менам пи, –
Веськыд ки.
Менам пи шань быдногөн,
Моньө тэ бура шогман.
Дөзмис руч,
Скөрмис руч:
– Эн тэ весь питө ошкы,
Ог ме овмөдчы ошкөд. –
Вывті лёк
Ошлөн кок.
Ручөс коралысь быри,
Арлыд вель уна тыри.
Шогсьө руч,
Эндөм руч.
Локтө корасьны көин,
Кыскө кок – чегөм тоин, –
Збой көть зон,
Веніс пон.
Лои нимкодь сэк ручлы,
Өдйө ладмисны лючки.
Руч да көин свадьба вылын
Йөзыс уна ызгө кылө.

Киссьö вина, киссьö сур,
 Кыптö кокъяс, съöктö юр.
 Сват да сватьясö вай йöткöй,
 Панöй гажсö, панöй йöктöм.
 Көн том гозъя? Перйöй шөрö.
 Вöтчöй сват да сватья бöрысь.

(Вочасөн ставныс öддзöны йöктыны.)

НЁЛЬÖД СЕРПАС

Шыпича ордын керка пытшкöс зэв озыр, гөгөр эзысь да зарни.

Сэтшöм жö Шыпичалөн паськöм.

Шыпичалысь чужан лун пасйыны чукöртчöмаöсь озыр
 гöстьяс: поп, царскöй чиновник да мукöд.

Гöстьяс

(сулалöны пызан сайын вина дозъясаöсь).

Шуд, шуд, шуд!
 Ми сиам Шыпичалы шуд.
 Мед дыр на, дыр на ен морт олас.
 Мед уна чужан лун на волас,
 Шуд, шуд, шуд!
 Ми сиам Шыпичалы шуд!

(Юöны да пуксьöны, Шыпича кисьталö вина.)

Шыпича.

Вай юö, юö, дона гöстьяс,
 Ме вина омöльöс ог кисьт.
 Кор съөлöм вöлі томджык, пöсь на,
 Кор синва нинöмысь эз письт,
 Кор кабыр вöлі кöрт кодъ вина,
 Кор вöлі синмын ломзьö би, –
 Сэк судзöдлі ме тайö вина.
 Вай казъыштамö томдыр ми.
 Ме овны томöн бура кужлі,
 Оз став лун нэмысь менам вун.
 Вай ошкö лунсö, кор ме чужлі, –
 Öд талун менам чужан лун.

Чиновник.

Лэдз кыв-мöд шуны юöm водзын.

Шыпича.

Мый юасян тэ, мян власть.
Кыз, чайта, быдён тан, ме дась
Бур сёрни кывзыны.

Чиновник

(перйö питиöгсьыс пакет).

Тан козин,
Тан царсянь козин, господа!
Царь киён кырымалом гижод
Москвасянь сьöрысь вайи ме.

Гöстьяс *(шызьöны).*

Царь киён кырымалом гижод!
Царь гижö! Югыд царным гижö!
Мый гижö царь? Мый царным гижö?

Чиновник.

Царь – сет ен сылы шуд, кузь нэм.

Гöстьяс.

Сет, енмö, царлы шуд, кузь нэм...

Чиновник.

Тан ошкö Шыпичалысь уджсö
Да сылысь еннoг оласног.
Сё сюрс казнаысь сылы удждö.
Тшöтш пасйö, – тöда пö, мый мог
Тэ аслыд ёна бурöс босьтін:
Христовöй вичкоö туй восьтан
Сьод вöрса пемыд йöзлы.

Поп.

Збыль,
Во истину ен морт!

Чиновник.

Мый выль
Тэд отсöг сетас, мыйён ковмас,
Пыр сöмын ёнмöд роч му овмöс.
Код зильö ёнмöдны царь трон,–
Царь вынён сийö ачыс ён.

(Чиновник сетö гижод Шыпичалы. Шыпича босьтö да кутлö чиновникöс.)

Шыпича.

Зэв ыджыд аттьö! Ъдждыд шуд...

Гөстъяс.

Шуд, шуд, шуд!
 Ми сиам Шыпичалы шуд!
 Сё, сюрс во Шыпича мед олас,
 Лёк йөз мед Шыпичаысь полас,
 Мед төдас сійөс дзик быд морт,
 Мед кывзас сылысь ва и сёрд.
 Мед дыр на, дыр на ен морт олас,
 Мед уна чужан лун на волас!
 Шуд, шуд, шуд!
 Ми сиам Шыпичалы шуд!

Юоны да пуксьоны. Өдзөсын пискөдчө пырны Ёгор, кодөс потшалө да тойлалө Васька Йөрш.
 Ёгор вермө пырны, шыбытчө Шыпича водзө пидзөс вылас.

Йөрш.

Скөт! Кытчө суйсян? Воштін садь!

Шыпича.

Мый, Ёгор, няйттө кыскин татчө?

Ёгор.

Ме йөзсянь. Кывзышт, миян бать!
 Тшыг кулам төвнас, енмыс аддзө.

Шыпича.

Код кулө? Мыйла? Мый сэн ме?

Ёгор.

Нянь гумла вылысь новлан тэ.

Шыпича.

А! Мынтысьны ті быдөн ньөжмыд.

Ёгор.

Тэ ачyd төдан,– кынмис нянь.

Шыпича.

Пыр зiляд кöйдыс уджiөз чöжны.
 Ог водзö нюжöдны лэдз, шань.

Ёгор.

Тэ төдан, миян муяс кутшөм.

Шыпича.

Мый меным мог. Ме ог өд кушөн,

Ті дышла, вина завод коль.

Ёгор.

Пуд сетлін кодлы, – босьтан нель.

Шыпича.

Сідз шусьылім.

Ёгор.

Йёз воис пикё.

Шыпича.

Кор йөрмад, – мезда, ладмам тікөд.

Ёгор (*сувтё, поплы*).

Тэ, батюшко, көть йёзёс дорйы.

Поп.

Кузь гожом колі енлысь корны,
Мый вёсна няньяс торкис пуж?
Енногон овны йёз оз куж,
Оз вичко тёд, оз кывзы властьёс.

Чиновник.

Оз мынты кадын царлы вот.

Ёгор.

Ми юрбитам, да нянь оз сод.

Поп (*индё Шыпича вылё*).

Сьом ен морт вичко тэчны дасьтё,
Со йёзлы вөчө кутшом бур.

Гөстьяс (*Ёгорлы*).

Дыш ыджыд тіянёс пыр личкё.

Поп.

Од, кодлы? – Тіянлы жё вичко.

Ёгор.

Кор кынём тшыг, оз эскы юр.

Чиновник.

А татшом сёрнисьыд, бур вокё,
Тэд плетьон кульны колё боктё.

Гөстъяс.

Йөз збоймис кызди!
 Небыд власть.
 Йөз дышмис скөнъ.
 Нянь корсьо тась.

Ёгор.

Ме аддза, – власть и вичко тані.
 Ті ставныд өтдор, – йөзлы паныд!
 Мед вөлі быд лун тіян пир,
 Йөз кисьтө пось. Ті юад вир!

Гөстъяс шызьоны, Ёгор писькөдчө петны, Йөрш паныдалө.

Шыпича.

Мый лоин! Кутө пөрчча!

Чиновник.

Бунт!

Йөрш.

Мый сэтшөм тэрыб...

Ёгор.

Вешйы, мун!

Гөстъяс.

Вай корөй отсөг, отсөг корөй.

Йөрш.

Он пышйы!

Гөстъяс.

Кутөй, чептөн дорөй.
 Со шусьо тшыгөн, кутшөм ён.
 Зык панны лысьтис кытөн пон.

Ёгор.

Он дыр тадз лөгсө йөзлысь кут!

Чиновник.

Ланьт!

Шыпича.

Бура розгаясон пывсьөд,
 Мед юөр Парма пасьта кывсьө.

Ёгорос петкөдөны Васька Йөрш да мукөд.

Чиновник (өдзөсын).

Но, кульой, потласяс мед ку!

Шыпича (өдзөслань).

Төд водзө, – менам кийн Парма,
И му, и ва, и вөр, и яг!
Став ловъя лолыс, гут и гаг!
Ме тані царь! Ме царсьыс царь на!

Гөстьяс.

Ним Шыпичалысь төдө быдөн.
Збой дзесью йөзлөн тэысь пыдө.
Со өти видліс талун вынсө
Да өні бөрдө, өні ымзө.
Войкөджса лөсьөдчөны лөктөг,–
Став вузос налы тэ пыр локтө.
Со рөзбой юяс вылысь быри,
Дыр збоялісны, өні зырин.

Пырөны Шонді-Ныв да Парма нывъяс.

Гөстьяс.

Вай кисьтө, юасны мед нывъяс.
Мед гажыс вөлі керка тыр.
А юөм бөрын сьыланкывъяс
Ті сьывны босьтсьөй пырысь-пыр.

(Гөстьяс юкталөны нывъяссө.)

Шыпича (Шонді-Нывлы).

Мый вуджөра пыр чужөмбаныд?
Вай дугды шогсьынытө, шань.
Көть өтчыд видзөдлы мем паныд
Тэ долыд синмөн, муса ань.

Шонді-Ныв.

Эз сьөлөм палявлы нин сэсянь,
Ас муысь гуин менө кор.
Пыр өти увтыртөм мем тэсянь.
Кыз олөм менсьым кодь он ёр.

Шыпича.

Көть мырдөн нуи, мый нө ворссин?
Эм тэд мый колө, мый нө корсян?

Шонді-Ныв.

Мый корся ме? Мый гуин менсьым!
Эм кӧнкӧ менам муса морт,
Оз сійӧ зарни вӧсна венсьы,
Оз вузав зарни вылӧ ёрт.

Шыпича.

Оз вермы йӧйлун аслам вунны,–
Кыз мунтӧдз сылысь лов эг босьт,
Кыз сылысь горшсӧ ме эг вунды!
Мыж татшӧм вунӧдны оз позь.

Гӧстьяс.

Вай, дона нывъяс, гажсӧ панӧй,
Мед шоглӧн вуджӧр эз вӧв тані!

Пырӧ Васька Йӧрш, сёрнитӧ Шыпичакӧд.

Йӧрш.

Морт вӧлӧм омӧль, унджык кульсис,
Ме чайта, ӧнӧдз сійӧ кувсис.

Шыпича.

Мед юр оз лэптавны зэв, скӧтъяс!
Нянь бура чукӧрт.

Йӧрш.

Регыд ӧкмас.

Шыпича.

Мем мыйкӧ талун абу долыд.
Оз сайкӧд вина тӧдтӧм шог.
Йӧз бӧрся кыйӧдыштны колӧ.

Йӧрш.

Мый шоглы талун татчӧ мог?
Вай, зарни нывъяс, сьылӧй, сьылӧй,
Мед сӧмын сьылӧм эз вӧв нор,
Мед Шыпичалӧн сьӧлӧм сылӧ,
Мед воссяс гӧстьяслӧн кыввор.

(Васька Йӧрш петӧ.)

Нывъяс.

Мед Шыпичалӧн сьӧлӧм сывмас,
Вай лыддям озырлунсӧ, нывъяс.

(Нывъяс сьылӧны.)

Став паськыд Парма ловъя ловнас,
 Став муыс, нэмчӧжыд кӧть мун,
 Дзик ӧти Шыпичалӧн овмӧс, –
 Со кутшӧм сьлӧн озырлун.
 Веж турун быдмӧ видзьяс вылын,
 Яг быдтӧ зарни пожӧм вӧр, –
 Ен сетӧс ставсӧ тайӧ сылы,
 Оз мӧдлы быдмы ӧти ньӧр.
 Эм гырысь, посни кыйдӧс вӧрас,
 Ош, кӧин, ручьяс, кӧчьяс, ур,
 Сӧ вожа сюра мича кӧръяс, –
 Дерт, Шыпичалӧн тайӧ бур.
 Став медся мича дона куяс
 Йӧз вайӧ Шыпичалы пыр.
 А сьлӧн помтӧм джуджыд юяс
 Быдпӧлӧс черинас дзик тыр,
 Быд кыйсьысь чери помтӧг вайӧ,
 Ӧд он кӧ – кыйдӧс оз и шед.
 А вӧралысьяс пӧтка яйӧн
 Пыр номсӧдлӧны, бурджык мед,
 Оз лӧгась, скӧрмӧдчы йӧз вылӧ,
 Мед лӧдзас кыйны сьӧла, тар,
 Мед вына кыла шуӧм сьлӧн
 Оз матыст косттӧ зӧра ар,
 Ӧд сьлӧн шуӧм лӧптӧ войтӧв,
 Сы шуӧм серти Эжва ойдӧ,
 Сӧм кымӧр вевттьӧ шондӧ бан.
 Сы кийн ставнас олӧм тан.

Шыпича (аслыс).

Мем збыльысь мыйкӧ абу долыд.
 Оз некызд юрӧ гажмӧм лок,
 И сьӧлӧм тунъялӧ мем шог.

Пырӧ Васька Йӧрш.

Йӧрш.

Оз буртор кыв, збыль, тэнад лолыд.
 Лӧк войтӧв пӧльтӧ, лӧчыд, ёсь,
 Сук вӧрысь вывтӧ збой шы вайӧ.
 Эм юӧр – рӧзбой ютӧ кайӧ.
 Дзик ставыс индӧ, – лоас кось.
 Кыдз Эжва ытва дырйи гызьӧ,
 Сӧдз олысь Парма пытшкын шызьӧ.
 А Парма йӧз, рӧзбойкӧд ӧтвыв,

Вын абу ичөт, төдан тэ.
Эн өти косьын врагөс вөтлыв,
И талун венам, эска ме.

Шыпича (скөрмө).

Кыз лысьтис шызьөдчыны Парма,
Кыз лысьтис панны талун зык.
Код катө Эжва паныд арнас,
Оз полөм меысь сийөс пык?

Гөстьяс.

Мый сідзи Шыпичаным пузьө?
Мый, кутшөм сөрни налөн сэн?

Шонді-Ныв.

Ой, енмөй, олөм татшөм кузь-ө?
Кор мынтан ставсьыс менө, ен?

Шыпича (гора).

Код войтөв нылыд гы кост сынө?
Йөй йөзөй, панад мекөд кось!
А гашкө, вунөдид ті вынөс?–
Он менө дзык куш киөн босьт!

Шонді-Ныв.

Мый пансьө тан?

Нывъяс.

Оз вежөр тырмы.

Гөстьяс.

Код лысьтө косьө талун пырны?
Мый керны, мөвпыштны он куж.
Ми налы петкөдлам ён пуж!
Ми тэкөд некытөн ог полөй,
Мед, кодлөн донтөм лолыс, волө!

Шонді-Ныв.

Кысь, кутшөм йөз нин татчө воө?
Мый вайө? Мезмөм, гашкө, мем,
А, гашкө, шоглы содтөд лоө,
Кыз ола коньөрөй ме нэм?

Шыпича (Йөршлы).

Ки улө матыст мем көрт паськөм.
Ва лэптөй мүдөд вылө.

Йөрш.

Дасьтім.

Шыпича.

Ми йөзөс повзьёдам медводз,
Рөзбойяс торйөн – өти содз,
А өтувтчасны, – венны сьёкыд.

Йөрш.

Өтпырйө лөсьөдіс тай рөкыд!

Шыпича.

Эн полйй, гөстьяс, сьылйй, нывъяс,
Эн полйй, миян гаж оз кус.
Вай сьылйй водзө сьыланкывъяс,
Вай йөктйй, чепөсийө мед бус.
Мед воча Парма ызгөм шылы
Гаж, серам эзысь шыён кылө!

Гөстьяс.

Ми төдам, – тэладорын вен.
Тэд косьын отсалө пыр ен.
Көн Шыпича, – сэн абу полөм!
Мед, кодлөн донтөм лолыс, волө!

ВИТӨД СЕРПАС.

Шыпича керка дорын ызгө Парма йөз. Куйлө Ёгор, дөрөмтөм, мышкыс потлөма вирөн.
Анна, Ёгорлөн гөтыр, лыддьөдлө, бөрдө.

Анна.

Эн куж тай видзтыны тэ асьтө.

Йөз.

Вай коньөр мортөс муртса пасьтөд.

Анна.

Ёгорушка, тшөтш миян овсис!

Йөз.

Кор воас Шыпичалы пом?
Эн вийсьы, Анна, гашкө, ловзяс,
Өд Ёгор вөлі ён дай том.

(Ёгорөс петкөдоны, Анна петө бөрсяыс, лыддьөдлө.)

Анна.

Эн коль тэ менё дөва юрөн.
Кызд тэтөг пессям ва да нюрын?
Тшыг кулө челядь, кынмас пасьтөг.
Эн куж тай видзтыны тэ асьтө.

Йөз.

Кор лоас мортног олөм, кор? –
Со мортос нинөмысь дзик виис.
Ок, эськө велөдыштны сійөс.
Кызд ен оз Шыпичаөс ёр?
Ен абу, тыдалө, голь дор.

Пөрысь йөз.

Йөз дорө Шыпичаөс корй,
Йөз водзө сёрни вылө корй.

Мукөд.

Оз кокньод, сёрнит көть пыр нэм.
Вын ыджыд, ёртъяс, миян эм,
Да сөмын полөм сійөс дорө.

Пөрысь йөз.

Ті асьныд төдад, сійө – тун.
Кось панысь ловйөн бөр оз мун.

Мукөд.

Ми кось кө панам талун, – венам,
Йөз Шыпичалөн кодось сәні,
Йөз кулө тшыг, пыр сылөн пир.
Вирьюысь! Пычкө йөзлысь вир.
Вай ланьтлөй, кылө кыськө сьылөм.
Кысь сьылөм, – войтөв нөйтө гы.
Оз, збылысь кылө сьылөм шы.
Збыль, сьылөм вадорланьысь кылө.
Йөз ыджыд пыжөн татчө катө.
Со вөлөм отсөг миян матын, –
Дерт, тайө, көнкө, локтө йөз,
Код йылысь кывсьө тшөтш нин татөн,
Мый найө – озырлы ён грөз.

Тыдовтчө пыж Яраш котырлөн, сибөдчө косө, пыжысь чеччөны йөз да локтөны Парма йөзлань.
Гора кылө сьылөм.

Ярашлөн котыр.

Гыысь гыё пыжа вуджө.
Ньöv моз веськыда, оз кеж.

Збой йӱз оз лыддысьны уджӱн,
Венсьӱм налы – сӱмын теш.
Налы мустӱм лӱня олӱм,
Сотчӱ сӱлӱманыс би.
Оз ков зарни, венсьӱм колӱ,
Найӱ быдӱн косьлӱн пи.

Йӱз.

Ой, Марья, сӱнӱ пиыд тӱнад.
Ош Митрей сӱнӱ! Опонь менам!

Марья.

Пи? Яраш?

Йӱз.

Яраш, Яраш сӱн!

Марья.

Син омӱль... Яраш... Вайӱ ен!

(Марья котӱртӱ Ярашлы паныд, кутлӱ сӱйӱс.)

Йӱз.

Йӱз вайӱ Яраш! Кутшӱм могӱн?
Тюрмаысь мынӱ кутшӱм ногӱн?
Сӱн, гашкӱ, пукавис нин, петӱс.
Эз, кывсьӱ – пышылӱма сӱтысь.
Код царлысь вот перйысьӱс виас,
Оз лӱдзӱм вылӱ дорны сӱйӱс.
А талун, войтыр, буретш колӱ,
Кыз Яраш, пуан вира морт.
Кысь усин, Яраш, чолӱм!

Яраш.

Чолӱм!

Йӱз.

Морт тӱ кодь талун колантор.
Дыр кешлӱ янсӱдлӱсны гортсьыд.
Ас муӱ аддзин туй, эн сорсьы.

Яраш.

Ас йӱзысь, войтыр, быри гаж.
Кыз олад?

Йӱз.

Олӱм миян важ.

Важ! Сёпөв важсьыс сійö курыд!
Скөнъ зэвтö Шыпичалөн ки.

Яраш.

Мед важөн бертид вужсö тi.

Йöз.

Вуж сълөн пыдын, вывтi дзурыд,
Сы кийн став бур му и видз,
А миян вөрберд муяс вынтöм.
Нэм уджйöз Шыпичалы мынтам.

Яраш.

А уджйöз содö водзö?

Йöз.

Сiдз.

Вын миян эськö ыджыд эм,
Да полöм йöзöс сёйö нэм.

Яраш.

Тi урлы синмас лыйны кужад,
И черөн ворсö тiян ки.
Вай öзтöй кусöм синмö би.
А, гашкö, нидзувъясөн чужид?

Йöз.

Збой сёрни татшöм медводз кылам.
Мöвп татшöм миянлы зэв выль.
А меным Яраш кывъяс мыла,
Кöч сёлöм миян, сiйö збыль.

Яраш (*парма йöзлы индö воысьяс вылö*).

Йöз аддзад, тiян кодъ жö тайяс,
Шог налөн öти, – тiян шог.
Эз вен ки нартитысьлөн найöс,
А чужтiс нэмчöж вылö мог.
Мог – нуны кось пыр налы паныд,
Нэм кодi гöльлысь нетшкö сөн,
Пыр нöйтны озырöс, кöть көн,
Тшöтш сiйö могаöсь и тани.

Ярашлөн котыр.

Ми сiйөн вуджам муяс-ваяс,
Мед торкны озыръяслысь ун,
Гöль йöзлысь пальöдны збойлун.

Мог сөмын өти татчөдз вайис:
Мед бертны Шыпичалысь вуж,
Мед сылысь жугөдны скөнъ овмөс.

Йөз.

Збыль, нинөм Шыпичаысь повныс,
Вын ыджыд мян, пуктам пуж!

Яраш.

Кось вылө, Парма йөз, вай пет,
Кыз петисны со тиян вокъяс!
Став олысь Пармаысь мед локтас,
Мед шуас Шыпичалы – сет,
Сет ставсө, чукөртим мый пөсьөн,
Пом воис юны тэныд вир!

Йөз (керкалань).

Тан гөстьяс соді, пызан лөсьөд,
Эн нюжөд, чеччас өдзөс дзир!

Яраш (керкалань).

Пом воис шойччыны тэд тані.
Тэ йөзкөд косьсө ачыл панін.

Яраш котыр.

Пет, важся ёртъясыдкөд сёрнит,
Кыв тэнад вөвлі важөн сыв.
Пет, тэрмась, регыд лоө сёр нин,–
Ми тэнсьыд кералам пеж кыв.

Пөрысь йөз (воысьяслы).

Оз пуртныд Шыпичалы мөрччы,
Шөвк паськөм вывсьыс кө оз пөрччы.
Өд, төдөй ті, өд сійө – тун.
Сы киысь ловйөн бөр он мун.

Мукөд.

Мед тун кө, керка пытшкас пырам
Да пежөс кок улын ми нырам.

Кодсюрө лэптөны кер, мукөд бөрыньтчөны.

Яраш.

Оз лөсяв тун мед, полад весь.

Мукөд.

Ми кутам чипанөс моз сэсь.

Пёрысь йёз.

Чöv, вермас пельса ваысь вöчны
 Вой саридз пасьта гудыр ю,
 Оз удит нюйтмём Эжва сöдзны,
 Чов улын лоас сійö, – су!

Воссö öшинь, петкöдчö Шыпича.

Шыпича.

Ог вөрзёд, мунад кö бөр бурён,
 Кось панад, – янсöдчанныд юрөн!

Йёз.

Эн серав! Миянлы тэ сюрин!
 Ланьт, босьтам тэнсьыд ми пеж лов!

Кодсюрö лыйöны пицальясысь, Шыпича тупкыштлö чужöмсö сойнас, серöктö да пöдлалö öшинь.
 Йёз пытшкысь унаён повзёмён бöрынтьчöны.

Шыпича.

Ог тiян пицальясысь пов!

Пёрысь йёз.

Со, войтыр, асьныд öнi аддзад,
 Ог венöй Шыпичаöс тадзнад.
 Лёк вын тан керка гөгөр олö.

Яраш.

Дзик кöчлөн мыйдта тiян полём!
 Эн полöй, войтыр, лэптöй чер!
 Вай босьтöй унджыкөн ён кер,
 Ми дзавъям öдзöс.

Йёз босьтöны кер, нöйтöны öдзöсö.

Йёз.

Дзавъям öдзöс!

Ми босьтам вирьюысьлысь водзöс.
 Ми босьтам водзöс, водзöс, водзöс!
 Он дзевсьы! Здукөн пасьям öдзöс!

Яраш (мукöдлы).

Би медся ён да медся сöстём,
 Вай öдйөн кос пу öзтöй тi,
 Вай керка гөгөр бипур öзтам,
 Мед лёксö voidөр сотас би.

Йӱз уськӱдчӱ лӱсьӱдны бипур.

Би медся ён да медся сӱстӱм,
Вай ӱдйӱн кос пу ӱктам ми
Да бипур керка гӱгӱр ӱзтам,
Мед лӱксӱ войдӱр сотас би.

ӱдзӱс жугӱданйнын Ярашлӱн котыр горӱдӱ сьывны.

Ярашлӱн котыр.

Налы мустӱм лӱня олӱм,
Сотчӱ сьӱлӱманыс би.
Оз ков зарни, венсьӱм колӱ,
Найӱ быдӱн косьлӱн пи.

Керка гӱгӱр ӱзйӱ ыджыд би, сӱк воссьӱны ӱшиньяс да сӱсь киссьӱ ва. Парма йӱз пытшкысь унаӱн бара повзьӱмӱн бӱрыньтчӱны.

Пӱрысь йӱз.

Ми шулӱм, – ӱнӱ асьныд аддзид, –
Ог венӱ Шыпичаӱс тадзи.

Яраш.

Эн полӱй, Парма войтыр, тӱ!
Вай зӱля пестӱй бурджык би.
Вай босьтӱй керкасӱ би кытшӱ.
Тӱ пыртӱй бисӱ керка пытшкӱ.

Йӱз ӱзталӱны чагьяс да сьумӱдьяс, лыйлӱны ӱшиньясӱ да керка вылӱ. Ыджӱдӱдӱны би.

Йӱз.

Со кыски гӱрдӱдз косьмӱм коз.
Ми татысь сотам лӱк вын поз.
Дзик ставнас керкасӱ би вевттис.
Со ӱзйӱма нин керка вевтыс.
Тшӱтш пытшсьыс чепӱсйис со тшын,
Сӱсь пышйис, тыдалӱ, лӱк вын.
Со валӱн дугдӱ нин сӱсь лӱччӱм.

ӱдзӱс жугалӱ.

Яраш.

Вай, ёртьяс, лӱптӱй пуртьяс лӱчтӱм!

Йӱз уськӱдчӱны Яраш бӱрся керкаӱ.

Ярашлөн котыр.

Налөн эмбур – повтём съёлём,
Вёсни, лэчталём пурт дор.
Коді оз төд налысь сьылём,
Сьылём долыд, абу нор?

Кось шы кылө керкаысь, кытчө пырисны йöз. Керка сайысь петö Шондi-Ныв.

Шондi-Ныв.

Кызд пемыд саридз, гөгөр вөр.
Коть нэм тан бөрд, коть горөн горзы,
Он аддзы туй тась петны бөр
Ас муö, шондi кытөн ворсö.

Котөрөн петö керкаысь Яраш.

Яраш.

Көн тэ, йöз эмбур вылө колысь?
Көн, кодi нимтö асьсö – тун,
Мед полис пемыд Парма олысь?
Тэ бурөн некытчö он мун!
Көн Шондi-Ныв, көн сьёлёмшөрöй,
Код вöсна нэм эг аддзыв ин?
А, гашкö, коньöр важөн вöрын
Нэм кежлö кунис сöстём син.

Шондi-Ныв петö гөлöс шы вылө, Яраш аддзö.

Тэ, Шондi-Ныв! Ме аддза тэнö!
А, гашкö, вунöдiн нин менö?

Шондi-Ныв.

Тэ, Яраш! Муса, кывтö кутiн.

Яраш.

Кызд көсьи, вои тэла со.

Шондi-Ныв.

Тэ локтiн сöмын көдзыд ютi,
Да коли уна көдзыд во.

Яраш.

Мый керан, паныдасим мöдног.
Он вермы олём водзвыв төдны.

Шонді-Ныв.

Ме – кусом морт, ме ловзи бара,
Шуд колём выльысь ловзис яра.

Яраш.

Кызд кӧсйим паныдасьны коркӧ,
Тан выльысь аддзисим со ми.
Ми мӧда-мӧдлы сетам ки, –
Смерть сӧмын вермас йитӧд торкны.

Сайласьӧмӧн пышйӧ Шыпича, Яраш сійӧс казялӧ, пансьӧ кось.

Со кӧні сайласьӧ збой тун!
Эн тэрмась весь, он ылӧдз мун!

Шыпича.

Тэ, гашкӧ, туйсӧ менсьым потшысь.

Васька Йӧрш сайласьӧмӧн петӧ керкаысь.

Яраш.

Дыр виччыси ме тайӧ лун!

Шыпича.

Лун эз на коль, эн водзвыв ошйысь!

Васька Йӧрш гусьӧн сибӧдчӧ да сутшкӧ пуртӧн Ярашӧс, кодӧ усӧ. Тыдовтчӧ керкаысь йӧз.
Шыпича да Васька Йӧрш пышйӧны.

Йӧз.

Тан Шыпича, эй, войтыр, локтӧй!
Збой тун, эн тэрмась, чеган коктӧ!
Йӧрш Васька ськӧд пышйӧ Човйӧ.
Он пышйы! Суам! Он мын ловйӧн!

Котӧртӧны, Шыпичаӧс да Васька Йӧршӧс вӧтӧдӧны, Ярашӧс оз казявны.

Шонді-Ныв (*уськӧдчӧ Яраш дінӧ*).

Ой, Яраш... Ловъя?..

Яраш.

Шонді-Нылӧй.

Смерть локтӧм шы мем матысь кылӧ.

Шонді-Ныв.

Ой, мыйла, мыйла шудтӧм ме!

Яраш.

Син пемдö менам. Кывзышт тэ.
 Мед Парма йöз оз дивит менö,
 Оз дивит сэсь, мый коли кось,
 Кор йöзлөн ылын на зэв венöм.
 Тэ, муса, пищаль менсьым босьт.
 Мун йöзкöд радын, водзö, шогтöг.
 Виль дой мед вынлы сетö содтöд.
 Пыр восьлав водзö, йöзкöд век,
 Шуд ылысь, водзысь аддзан сэк.
 Кöть тöдлi ме пыр сьöкыд олöм,
 Эз чинлы менам овны колöм.
 Смерть... Гусьöн воис мустöм смерть.
 Эн бöрд, эн сöстöм синъяс кöтöд,
 Ме тöда, сьöкыд тэныд, дерт.
 Пом... окышт, бөрья туйö мөдöд.

Йöз (*петöны керкаысь*).

Эй, кодi тöдö, нырщик кытöн?
 Шарафкöд аддзылим ми кыкөн,
 Кыдз Яраш петiс татысь ортсö.

Шондi-Ныв.

Бур йöзöй, татчö!..

Йöз (*локтöны Яраш дiнö*).

Кодкö горзö.
 Лöнь. Вирөн ойдö. Кутшöм дой?
 Збой нырщик миян... Ловтöм... шой.
 (Пөрччöны шапкаяс.)

Кыдз, кодi венiс тэнö, Яраш.
 Тэ шой, неповтöм, вентöм яр ош!

Мукöд йöз (*вайöдöны Шыпичаöс*).

Но, восьлав зiля, быри эбöс?
 А пышйиг рака моз дзик лэбис.

Шондi-Ныв.

Со кодi мыжа ставсьыс, со
 Вир юö кодi уна во!

Йöз.

Кöть шусян тунөн, пышйин, повзин!
 Виръяуысь! Олöм тэнад овсис!
 Пеж тунöс, войтыр, сiдз ми виам,
 Оз ловзья бөр мед сылөн шой.

Оз бурд мед весиг өти дой.
Тан сійӧс сотны колӧ мян.

Шыпича.

Тась мынтад юнад ставныд дзик.
Тшын йылӧ кыптас тiян сикт.

Йӧз.

Ланьт! Регыд ассъыд коляс тшын.
Ми тэнӧ сотам, Парма кӧин!
Тӧв нылыд тэнсьыд лэдзам пӧим!

Шыбытӧны Шыпичаӧс биӧ. Локтӧ Марья, бӧрдӧ.

Йӧз лӧгысь кокниа он мын.

Марья.

Югыд шондӧй, муса пийӧ да-й,
Та вылӧ ӧмӧй воин ас муад,
Кадтӧм кадӧ мед сэтӧн гуасьны?
Кутшӧм козин тэ вайин мамыдлы?
Коз пу сир дорысь курыд шогӧн тай,
Муса пийӧ, тэ мамтӧ козьналин.
Луншӧр лунӧ тай кусин, шондӧй,
Томысь-томӧн тай усин, пиукӧй,
Кыдз веж турун коса улын, тэ
Орин, коньӧрӧй, пӧрин, нюкыртчин.
Мамтӧ ӧтнассӧ колин, эновтин,
Позтӧм кӧкӧс моз, нэмсӧ кӧкавны,
Курыд синвасӧ синсьыс пыдзравны.

Йӧз.

Тась нуам Ярашӧс мам ордас.
Узь, Парма йӧзлӧн бур пи, узь.
Збой олӧм тэнад эз вӧв кузь,
Но вӧлі тэнад вына бордъяс.
Дыр олӧм сайласьӧмӧн, гӧля,
Дыр олӧм вӧлі – курыд сир,
Но воин тэ и йӧзлысь вир
Тэ пузьӧдӧн, мед корсьны вӧля.
Узь, Парма йӧзлӧн бур пи, узь,
Мед олӧм тэнад эз вӧв кузь, –
Пыр, кытчӧдз йӧзлы оз шед венӧм,
Пыр, кытчӧдз оз во бурджык лун,
Кось вылӧ чуксалас ним тэнад,
Ним тэнад Пармалӧн оз вун.

Ярашос нуоны, мукод кольчоны. Марья мунё шой борся да лыддьодло.

Марья.

Шызы, гызьодчы, паськыд Эжаой,
Джуджыд йирё тэ подты вөрөгс.
Козьяс, пожомьяс, шызой-вөрзьодчой,
Нырй, таялй, йозлысь вөрөгс.
Югыд шондй, чукорт му вылысь
Став йоз лөгсө да озы, дондчы,
Озы, дондчы, вир моз пузьодчы,
Йозлысь вөрөгсө сот тэ поимодз.
Ыджыд войтолй, лэбав му вывти,
Миян вөрөглысь разод поимсө.

Пыроны нывьяс, лөктоны Шонди-Ныв динё.

Нывьяс.

Вен, муса аньой, ыджыд шогтё!
Ми асьным бордам, синва подтё.
Виль лун, виль шог пыр йозлы содтё.
Көн, эм-о олём, шогсө тодтём?

Шонди-Ныв.

Медборья шог тан менё суис.
Мем сэсся виль шог оз нин мөрччы.
Ме кыла, – сьолём изйё портсис.
Мем оти коли водзё туйыс.
Дзик оти туй, но туй бур эм, –
Кось нуны нартитыськөд нэм.

Вооны Васька Йоршос вөтөдысьяс.

Йоз.

Йорш Васька пышйис, эз сюр кыйны,
Сук вөрүн эгө вермё лыйны.
Ок, мыні медся пурсьысь пон!
Вын Шыпичалон Човйын ён,
Йорш Васька ёни дерт нин Човйын.
Ог мыной ёни сыысь ловйён.

Шонди-Ныв.

Бур йоз, ти озырысь эн полй,
Кыз Яраш велөдліс, сідз олй,
Йоз кийн медся ыджыд вын,
Йоз кийсь нинөмтор оз мын,
Эн полй, войтыр, юрьяс лэптй,

Кось вылө черъяс выльысь лэчтöй,
Да мöдам Човйö. Сотам Чов!
Но, кодi кось нуны оз пов?

Йöз.

Мый повныс? Некод дзик оз пов.
Збыль, сотам Шыпичалысь Чов!
Мед туйыс Шыпичалөн бырö.
Код тöдас, овны коли дыр-ö,
А талун ыджыдалам ми,
Да вына öтвыла йöз ки.

Шондi-Ныв (*мунö пыжлань*).

Эй, войтыр, Човйö, Човйö, Човйö!..

Йöз (*вöтчöны Шондi-Ныв бöрся*).

Эй, пестам водзö öзтöм би!
Кöть öтчыд ыджыдалам ми!
Мед тöдö быдөн, – Парма ловъя!

Йöз ылысмöны, тöv вайлö йöзлысь чуксасьöм.

Эй!.. Ловъя Парма! Парма ловъя!

1929-40.

Надежда Митюшева

Митюшева Надежда Алексеевна – краевед. Начинала в 1972 г. научным сотрудником республиканского краеведческого музея, затем – зам. директора финно-угорского культурного центра. В 1978 г. закончила факультет журналистики Ленинградского университета. С 1995 г. – свободный исследователь, любимая тема – история коми языка, литературы и искусства. Имеет множество публикаций в республиканских СМИ. Автор книги «Коми театр. Свет минувшего» (2013).

Опера «Шыпича»: будет ли четвёртая попытка?

«Ӧнӧдз на нинӧм абу вӧчӧма коми опера лӧсьӧдӧм могысь. Дерт, зськӧ, тайӧ абу сӧмын писательяслӧн мог, бур композитортӧг операйд оз артмы. Но писательяс вермасны лоны чуйдысьяснас, тайӧ уджлы ӧдӧбтыны отсалысьясӧн. Ӧльӧк Ӧндрей. «Выль во вылӧ могъяс».

Журнал «Ударник», 1935 г., № 12.

Профессор, кандидат математических наук Николай Адрианович Фролов¹ и коми поэт Сук Парма – один и тот же человек. Но если, как автор семи вузовских учебников по высшей математике, блестящий лектор, организатор вузовской науки, он – обще-

¹Н.А. Фролов родился 14 апреля 1909 г. в семье бедного крестьянина в деревне Онтон Тентюковской волости (в настоящее время Тентюково – входит в черту Сыктывкара). В деревне Ягвив той же волости на 15 лет раньше родился Василий Александрович Молодцов (Сандрӧ Васьӧ) – создатель первого в советское время общепринятого коми шрифта, вошедшего в историю под названием «молодцовский». Близким соседом Фроловых по тракту (мир туй) в сторону Усть-Сысольска был выдающийся финноугровед и поэт Василий Ильич Лыткин (Илля Вась), который ещё в школьные годы Николая гремел своими поэтическими и лингвистическими успехами, – сначала в Москве, затем в Хельсинки и Будапеште. Такое соседство-землячество, конечно же, не могло не вдохновлять юного поэта. После окончания физико-технического факультета педагогического отделения Пермского университета (1927-1930 гг.) Н.А. Фролов год работал в Свердловске, затем Москва, аспирантура при МГУ, а через четыре года – успешная защита диссертации и возвращение в Сыктывкар в 1935 г. на должность преподавателя и зав. кафедрой физико-математических дисциплин КГПИ. И уже здесь: женитьба, рождение сына Юрия, выборы депутатом горсовета.

признанный авторитет, то в литературе у него весьма драматичная судьба. Непревзойдённый лирик, он по обычаю первого поколения советских коми поэтов выступал под псевдонимом Сук Парма (густой лес) с конца 1920-х годов. Его шедевр – драматическая поэма «Шыпича» опубликована в первом варианте как оперное либретто². Автору – 27 лет, он – доцент кафедры математики Коми государственного пединститута (КГПИ). Разрабатывать сюжет «Шыпичи» он начал в 1929 г., когда учился в Пермском университете на физико-техническом отделении педагогического факультета.

Горстка первых коми литераторов во главе с Нёбдінса Виттором (Виктор Алексеевич Савин) казалась ему не только кудесниками слова, но и богатырями-смельчаками, прорубавшими в парме просеку. И Николай мечтал быть таким же бесстрашным первопроходцем и в жизни, и в литературе и скорее войти в их поэтическое братство. Проходя путём комсомольского активиста, он ощущал себя строителем нового. Его увлекали призывы старших учиться, создавать национальную культуру, чтобы в театре, школе и литературе звучал родной язык. В стихах он обратился к молодым авторам: объединимся вокруг журнала «Ордым» (Просека)! Этот же призыв он повторяет и в стихотворении «Ёртлы» («Товарищу»). Для таких, как Николай Фролов, в журнале появилась рубрика «Гижны босьтычсыяс» (начинающие писать), и до 1930 г. под этой рубрикой выходят половина из 14 его опубликованных стихотворений. С января 1927 г., когда учился в девятом (выпускном) классе школы второй ступени в Усть-Сысольске и до отъезда в вуз, он отправил в редакцию стихи о В.И. Ленине и три лирические миниатюры. Их замечает классик коми литературы Нёбдінса Виттор и, ставя в пример сверстникам, предрекает юноше большое будущее. По этим публикациям молодой поэт Биа Огыр (Яков Иванович Чупров) понял: родился талантливый собрат по перу, и к стихотворению о празднике Первого Мая (1927 г.) сделал посвящение: «Тайё гижёдторсё сьёлбмсянь бурсиа гижысь ёртлы – «Сук Пармалы», да мукд пионерьяслы». Спустя 20 лет, вспоминая о своей поэтической юности, Н.А. Фролов писал: «...я был полезен своему народу тогда, когда коми литературный язык только ещё создавался, коми литература только ещё входила в жизнь...» (из письма В.В. Юхнину, 1946 г.).

После пятилетнего перерыва, вызванного учёбой в аспирантуре, именно в Сыктывкаре Н.А. Фролов смог вернуться к занятиям поэзией, хотя своё основное произведение «Шыпича» задумал ещё в Перми. Предание о Шыпиче имеет большую литературу. О Шыпиче писали многие краеведы и этнографы в XIX-начале XX века, в том числе К.Ф. Жаков, А.С. Сидоров. Авторы едины в том, что имеют дело с интереснейшим произведением народного творчества. Очевидно для всех и то, что в легенде получило преломление конкретное событие, а именно – нападение на усадьбу крупного усть-сысольского торговца Суханова и поджог его дома в 1739 г. Важным мотивом обращения к преданию было само происхождение Н.А. Фролова: от его родной деревни Онтон совсем недалеко до Човью и места слияния рек Сысола и Вычегда, где разворачивается действие предания о Шыпиче³. Сук Парма не стоял перед дилеммой, что писать: поэму или историческую драму, потому что не ощущал себя ни историком, ни драматургом. Просто литературная обработка

² Журнал «Ударник» (1936, № 9).

³ Как отмечали исследователи, устное предание о Шыпиче имело большое хождение в Усть-Сысольске и окрестностях. В 1924 г. Усть-сысольская комсомольская организация на сцене профклуба даже ставила инсценировку по этой легенде. А уроженец пригородной волости, коми поэт Илля Вась поэтическую балладу «Шыпича», которая имела подзаголовок «важ йбзлн висьталом», написал и опубликовал в коллективном сборнике трёх авторов «Вой төв шувгём» (Усть-Сысольск, 1921).

фольклорного материала его тоже не привлекала, ибо уже имелись образцы этого литературного направления (К.Ф. Жаков, М.Н. Лебедев). А цену себе как поэту он знал хорошо⁴. И подходящий ракурс в решении идейно-художественной задачи был найден. В основу концепции молодой поэт положил понимание, что переплетение исторической реальности и народной фантазии столь существенно в предании, что его следует включить в художественную ткань произведения. Поэтому Шыпича у Н.А. Фролова – не только художественный образ реального прототипа – местного князька, купца и крупного феодала Суханова, жившего в первой трети XVIII века. Автор придал ему проявление колдовской силы, как в фольклоре. О своём художественном подходе Сук Парма сказал во вступлении («Кывводзын»), которое в трёх вариантах произведения остаётся неизменным. Вот как начинается либретто:

*«Сідз кывлі Шыпичаӧс мойдӧм
 Ме уна вомысь унаноґ,
 Да вештам ылӧ йӧзлысь пойгӧм,
 Мед сӧрӧ, кодлы абу шог.
 Дерт, мойд, мый висьтала ме тані,
 Эґ мукӧд мойдкыв серти вӧч.
 Ме сідзи мойдӧм ассьым пані,
 Кыдз, чайта, мойдіс пӧчлы пӧч.
 Мед мукӧд Шыпичаӧс доръяс,
 Да шогла кӧрас ассьыс бан,
 Оґ на моз кысьт ме синва шоръяс, –
 Кось пана Шыпичакӧд тан...
 Збой йӧзлысь венӧм мойдысь гылі
 Да найӧс ошки, найӧс сьылі».*

На примере выше приведённой цитаты Н.А. Фролов объясняет свою поэтическую технику в письме студентке Наде (сохранился черновик, относящийся к 1979 г.): «Я стремился к тому, чтобы заботы о соблюдении размера и рифмы не нарушали естественного течения речи. Это в некоторых случаях мне удавалось. Обратите внимание на строки из «Кывводз пьдди»... В этой шуточной речи всё идёт естественно, а размер и рифма кажутся случайными, получились сами собой, без специального усилия. В коми поэзии такого добиться очень трудно, наш язык не так богат...»⁵ Как видим, Сук Парма намерен описывать исторические события языком образов в духе народного предания: архивным документам он отводит подсобную роль, они помогают восстановить реальность, но он облачит её в художественные образы и фольклорные одежды. Точно как сочиняли народные сказители. Проникнуться их мировоззрением и мироощущением, он верит, ему помогут родное слово, родовая память, зов предков. Поэт ощущает себя плоть от плоти своего народа, своей земли. Отказавшись прямо следовать документам, как и погружаться всецело в мир народной фантазии, – выбрав свой путь, автор сосредотачивается на социально-психологической характеристике своих героев, в душе которых есть место гневу, радости, удивлению, отваге и другим переживаниям. Создаётся психологическая реальность – причём это не заземлённая,

⁴ «В коми поэзии пока ещё нет ничего превосходящего мои поэмы «Шыпича» и «Домна» (из письма Н.А. Фролова 1952 г. к Г.А. Фёдорову).

⁵ Фонд Музея просвещения Коми края при СыктГУ.

бытовая правда чувств и характеров, а возвышенно-романтическая, яркая, запоминающаяся. Именно в выразительном поэтическом слове так силён поэт Сук Парма!⁶

Со второй половины 1930-х годов учителями для Н.А. Фролова становятся уже обнародованный к тому времени первый коми поэт И.А. Куратов и М.Н. Лебедев, живший в Корткеросе. Он стремится сделать свои стихи изящными и выразительными – как у И.А. Куратова, ёмкими и доходчивыми – как у М.Н. Лебедева. Помня, что Лебедев был зачинателем музыкальных постановок на коми языке (начиная с 1919 г. написал четыре народные оперетки «Бурань», «Настук», «Мича ныв» и «Пöрысь тун»), что В. Савин планировал организовать оперную коми студию, Н.А. Фролов решает продолжить эти начинания и добиваться создания оперы на сюжет «Шыпичи».⁷ Известны два отклика на этот, первый вариант «Шыпича», и оба принадлежат И.В. Изьюрову.⁸ Желая привлечь внимание широкой общественности к своим идеям, Н.А. Фролов устраивает 27 июля 1937 г. новое обсуждение либретто с приглашением всех желающих (артисты, режиссёры, читатели, студенты). С этой целью он повторно публикует либретто. На идеи Николая Адриановича откликнулись отдел художественного вещания радиокомитета, хор радио под управлением И.В. Оплеснина и артисты драмтеатра С.А. Пылаев и А.Г. Зин. Они подготовили литературно-музыкальную передачу «Шыпича», прозвучавшую в эфире в апреле 1939 г. – за два года до премьеры одноимённого спектакля по сценическому варианту, написанному Б.П. Семячковым и П.О. Мысовым. Десятилетия спустя С.М. Попова вспоминала, что участники будущего спектакля и режиссёр Н.М. Дьяконов были восхищены стихами поэмы, написанными отличным литературным языком, приподнято-романтическим характером всего произведения, проникнутого тонким лиризмом. Сценические достоинства произведения, изначально предназначавшегося для постановки и имевшего уже театральное решение, подчёркивал и Ф.В. Плесовский, отмечая значительно возросшее мастерство поэта, стремление к созданию произведений с острыми драматическими конфликтами из истории народа, из периода острых классовых столкновений. Упорство Н.А. Фролова не может не удивлять. Ещё не закончилась война, а он, приехав из Горького на несколько дней в Сыктывкар, снова через печать напоминает о коми опере.

Но вернёмся к тому, что последовало и как развивались события непосредственно после первого варианта «Шыпичи» (либретто). Пройдя конкурс на замещение вакантной должности заведующего кафедрой, к 1 сентября 1938 г. Н.А. Фролов перебирается в Горьковский пединститут, где успешно преподаёт 17 лет. Он понимал, что израненной репрессиями коми национальной интеллигенции не по силам продвигать идею оперной постановки как нового шага в национальном искусстве. Он перерабатывает либретто в драматическую по-

⁶ Из письма Н.А. Фролова 1956 г. другу, коми писателю И.В. Изьюрову: «В «Шыпиче» есть много мест, представляющих собой высокую поэзию» (НАРК).

⁷ Фролов Н.А. Шыпича. 4 акта опералы либретто // Журнал «Ударник». 1936. № 9.

Публикация сопровождалась послесловием автора: «Шыпича» вылын уджалом ог на лыдды дзикодз помаломон. Сы вöсна кора лыддысьсьысьöс «Ударник» журнал редакция пыр висътавыны асьсьыныс мовпъясьсö менам «Шыпича» кузя».

⁸ В литературном альманахе на коми языке «XV лет», в заключающей его статье «Коми художественная литература на широкой дороге», он писал: «...Как отрадный факт надо отметить появление, после очень долгого молчания, столь лирически насыщенных стихов у Биа Огыра и стихотворного оперного либретто «Шыпича» у Сук Пармы...» (перевод с коми). На общегородском собрании писателей 8 мая 1937 г., напомнив в прениях об обсуждении «Шыпичи» в писательской организации, И.В. Изьюров назвал либретто заметным литературным событием (НАРК, фондохранилище № 2, ф. 1, оп. 3, д. 381).

эму и публикует её под названием «Пемыд пармаын (Шыпича)».⁹ Одновременно он подаёт заявление о вступлении в Союз писателей, куда его и принимают 9 декабря 1940 г. Тогда же «Шыпичу» включают в школьную программу по коми литературе. В марте 1941 г. была поставлена музыкальная драма «Шыпича»: участвовали Коми национальный драмтеатр и Ансамбль песни и пляски Коми АССР. Музыка для спектакля (вступление, песни, финал) написал московский композитор Б.М. Терентьев. Помогал ему местный специалист по музыкальному фольклору П.А. Анисимов. Спектакль получился масштабным, ярким и запоминающимся. Спустя сорок лет, заслуженный артист Коми АССР Э.А. Попов писал: «...До сих пор помню сцену, когда артист Мысов – Шыпича высовывается из окна своего горящего дома, подожжённого восставшим народом, и при помощи своих колдовских чар заликает огонь водой. При этом щёки его надувались, глаза становились круглыми – борьба с огнём требовала напряжения всех его физических и колдовских сил! И когда огонь затухал, раздавался злорадствующий, сатанинский смех (дескать, «Что?! Взяли?!»), который до сих пор звучит у меня где-то в глубинах слуховой памяти...»¹⁰

Годы затишья после первой публикации «Шыпичи» – и вдруг такой успех?! В чём тут дело? Секрет успеха спектакля хорошо раскрывает рецензия, где отмечено, что спектакль «Шыпича» – начало того пути, по которому театр должен идти в дальнейшем. Это путь создания музыкальной драмы на материале народных легенд, сказаний и песен. Это путь объединения в театре всех элементов народного творчества. На этом пути театр ждёт действенной помощи от всех, кто знает, любит и изучает творчество коми народа. От всех фольклористов, сказителей, поэтов, писателей, хоровиков, певцов и танцоров. Такая помощь даст театру возможность и в дальнейшем создавать подлинно народные произведения. Но были и другие мнения. Их высказывали критик Андрей Алексеевич Попов (Ёльёк Ёндрей), не принявший либретто, и поэт М.Н. Лебедев, который отказался рекомендовать драматическую поэму к постановке. В отличие от них Ф.В. Щербаков видел спектакль, но в своей газетной рецензии главным образом остановился на недостатках поэмы.

Вопрос о возобновлении постановки «Шыпичи» в оперном варианте со всей остротой возник после войны, что было вызвано тремя обстоятельствами. Во-первых, сам автор хотел этого. В 1945 г. он передаёт театру отредактированное либретто, а в первом номере журнала «Войвыв кодзув» за 1946 г. анонсируется к публикации. Настойчивость Николая Адриановича объяснялась и тем, что в марте 1942 г. прошла премьера первой коми национальной оперы «Усть-Куломское восстание» (музыка А.А. Воронцова) и надо было закрепить этот успех. Он понимал, что, главным образом, благодаря его труду и упорству «коми культура обогатилась новым видом искусства – оперой» и провала этого дела нельзя допустить.¹¹ Во-вторых, в 1946 г. Н.А. Фролов вернулся в Сыктывкар на два учебных года для чтения лекций по математике и руководства кафедрой в КГПИ по совместительству. В-третьих, в Сыктывкар из Воркуты пригласили оперного режиссёра Б.А. Мордвинова, до войны работавшего в Большом театре. Ухтинскому композитору О.Л. Рассадину было предложено написать оперу «Шыпича». Хотя и О.Л. Рассадину, и Б.А. Мордвинову либретто понравилось, и они с большим желанием готовы были взяться за написание музыки и постановку оперы

⁹ Журнал «Ударник». 1940. № 8-9.

¹⁰ Попов Э.А. Народный артист П.А. Мысов. Сыктывкар. 1981.

¹¹ Письмо Н.А. Фролова к В.В. Юхнину, 12 октября 1946 г. (Переписка Н.А. Фролова с В.В. Юхниным хранится в архиве Союза писателей Республики Коми).

«Шыпича», но из-за бездеятельности чиновников замысел этот провалился. Виноват был, как считал Н.А. Фролов, и руководитель Союза писателей Коми АССР, который самоустранился от организации художественного перевода либретто на русский язык и в целом никакой заинтересованности не проявил.¹² В 1947 г. тучи сгустились над самим текстом «Шыпичи». Откликаясь на печально известное постановление ЦК партии по идеологическим вопросам, партийные литераторы в Коми именно эту драму в стихах выбрали для критики, как «не соответствующую духу времени и партийным установкам». Долгие годы как название «Шыпича», так и имя автора замалчивали в печати. В Национальной библиотеке Республики Коми имеется экземпляр издания стихов и поэм Н.А. Фролова 1941 г., из которого выдраны страницы с текстом «Пемыд пармаын (Шыпича)». Исключённое из школьной программы по литературе произведение было возвращено в коми школу в конце 1950-х годов.

Первым в новое время за Н.А. Фролова слово замолвил друг И.В. Изъюров. В статье «Некоторые вопросы истории коми советской литературы» он писал: «А субъективизма в оценке творчества наших писателей ещё много... в рядах коми писателей до сих пор не значит В.И. Лыткин, продолжающий и ныне заниматься литературным творчеством, по-разному оценивается творчество такого интересного и самобытного поэта, как А. Размыслов. Не заняли должного места в истории коми поэзии и такие поэты, как В. Латкин и даже Н. Фролов». А через два года в тёплой, но торжественной и деловой обстановке первого съезда коми писателей (17 сентября 1958 г.) случилось официальное возвращение Н.А. Фролова в коми литературу после длившейся более десяти лет разлуки. В этот день он – уже не гонимый и бесправный поэт, который разошёлся с товарищами по перу и защищается от обидчиков и клеветников разрывом отношений, а уважаемый член писательской организации, на равных участвует в работе съезда, выступает в прениях. Постановка оперы «Шыпича» вошла в проект постановления Совета Министров Коми АССР «О состоянии и мерах развития искусства в республике»: «Подготовить к 1960 г. оперы «Шыпича» и «Домна Каликова». Привлечь для создания оперных произведений совместно с коми поэтами и композиторами ведущих музыкантов центральных городов» (1958 г.).

Полная реабилитация драматической поэмы «Пемыд пармаын (Шыпича)» происходила следующим образом. Г.А. Фёдоров, сменивший В.В. Юхнина на посту председателя правления Союза писателей, назвал публикацию А.А. Вежева в «Войвыв кодзув» ошибочной.¹⁴ Процесс возвращения «Шыпичи» в коми литературу продолжился.¹⁵ В кратком очерке развития театрального искусства и национальной драматургии Коми АССР дана развёрнутая, объективная характеристика и поэмы, и постановки 1941 г. и сделан вывод, что «Шыпича» – хорошая заявка на создание на сцене широкого социального

¹² «Всем ясно, что опера была бы давно создана, если бы люди, от которых зависит организационная сторона дела, стояли на более высокой ступени культуры и могли различать мелочь, которую забудут завтра, от дела, которое, может быть, является началом нового этапа», – писал Н.А. Фролов и требовал оказывать «непрерывное давление на Управление по делам искусств, не давая соответствующим работникам предать забвению дело создания оперы». Письмо к В.В. Юхнину, 12 октября 1946 г. (Переписка Н.А. Фролова с В.В. Юхниным хранится в архиве Союза писателей Республики Коми).

¹³ Газета «Красное знамя». 1956. 16 сентября.

¹⁴ Фёдоров Г.А. Джуджыд идейность да партийность вöсна // Войвыв кодзув. 1957. № 3.

¹⁵ Коллективный труд «Очерки истории коми литературы». Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1958; Попова С.М. Страницы истории коми театра. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1965; Шуктомов Н.В. По законам красоты. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1967.

полотна из национальной жизни, недостатки произведения не зачеркивают его достоинств, театр – молодец, что пошёл на этот эксперимент, а автор имеет право на не полную удачу. Обратив внимание на песенность многих мест анализируемого текста, В.А. Латышева, первой из критиков, напрямую связала их с жанром оперного либретто, выбранным автором сознательно, в расчёте на будущую постановку.¹⁶ Статья была откликом на публикацию третьего варианта «Шыпичи» – под названием «Парма ловья».¹⁷

Конфликт с В.В. Юхниным в 1946 г. по поводу проволочек с созданием оперы и отлучением от писательской организации Н.А. Фролов переживал тяжело, но преодолеть унижение и обиду ему помогало написание учебников по высшей математике. Спустя годы он вступил в переписку с другом юности, писателем И.В. Изьюровым, а потом появилось и желание вернуться к либретто. Из письма 11 ноября 1956 г. (Москва): *«Как драма «Шыпича», вероятно, имеет существенные недостатки, так как я не драматург... Однако, я убеждён, что в «Шыпича» как оперном либретто есть всё для того, чтобы создать первоклассную оперу. Кроме того, в «Шыпича» есть много мест, представляющих высокую поэзию... У меня очень много серьёзной работы в институте. Но если бы в Сыктывкаре нашлись люди, которые готовы заниматься созданием оперы искренне, а не для служебного времяпровождения, то такие люди могут рассчитывать на моё горячее участие в этом деле. Я мог бы войти в контакт с композитором и вновь отредактировать либретто «Шыпича»... Я буду весьма признателен, если ты донесёшь до сведущих энергичных людей, готовых взяться за дело создания оперы, что они могут обратиться ко мне с деловым предложением по этому вопросу»*.¹⁸ Под возможной новой редакцией «Шыпичи» подразумевалось то, что в 1946 г., параллельно с работой в КГПИ, Н.А. Фролов обстоятельно изучал фольклорные и исторические материалы в Коми филиале АН СССР и, как он считал, ему открылся подлинный смысл легенды о Шыпиче. Кроме того, вариант либретто 1946 г., на который он возлагал такие надежды, был не только не опубликован и не поставлен, но и безвозвратно утерян. И Николай Адрианович, как видим, готов всё начать сначала, т.е. взять за основу варианты 1936 и 1940 г. и представить театру заново отредактированное либретто. Забегая вперёд, скажем, что открывшийся в Сыктывкаре музыкальный театр планировал поставить национальную оперу «Шыпича».¹⁹

В 1956 г. в Сыктывкаре создаётся оргкомитет Союза композиторов в составе В.В. Микоши, М.М. Зерницкого, Я.С. Перепелицы, П.И. Чисталёва, А.Г. Осипова, М.И. Носырева, М.В. Сивергина, В.И. Мастеницы. Писатель И.В. Изьюров, видимо, тогда же разглядел в М.И. Носыреве талантливого и образованного композитора, способного взяться за оперу. И теперь, после неудачной попытки О.Л. Рассадина, уже М.И. Носыреву поручают написать оперу «Шыпича». Михаил Иосифович Носырев в 1943 г. студентом Ленинградской консерватории был сослан в Воркуту. По окончании лагерного срока работал в Сыктывкаре. Воодушевлённый тем, что его произведение реабилитировано и вновь оценено как одно из лучших в коми поэзии, Н.А. Фролов трудится в поте лица, перерабатывая драму уже во второй раз в либретто. А он – заведующий кафедрой математики в Московском энергетическом ин-

¹⁶ Латышева В.А. Шыпича (Н. Фроловлөн романтичеськёй драма) // Миян кывным мыйён шыася... Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1991.

¹⁷ Войвыв кодзув. 1981. № 9, 10.

¹⁸ Национальный архив Республики Коми (Личный фонд И.В. Изьюрова).

¹⁹ Газета «Коми колхозник». 1958. 26 августа.

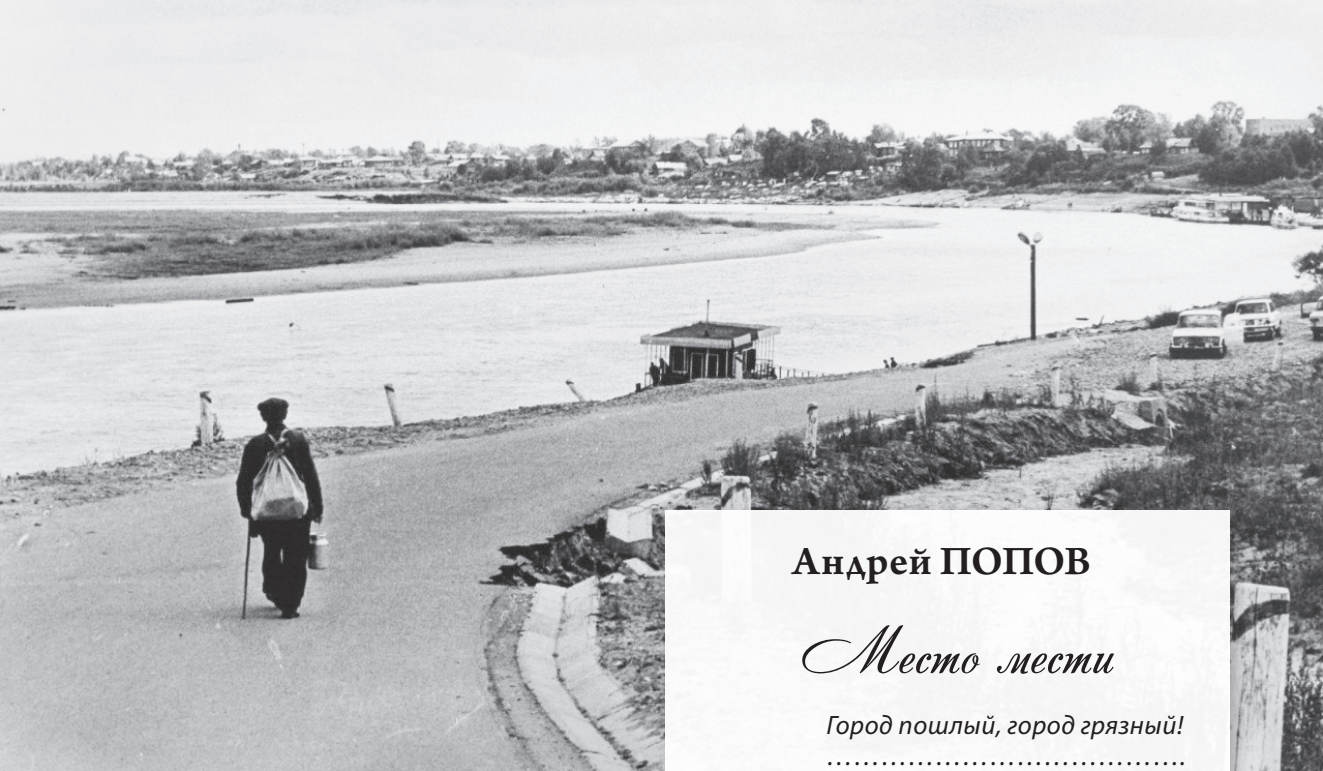
ституте, в его подчинении более 20 преподавателей, и со временем очень туго. Но композитор торопит, да и сам автор не бездействует. И вот в конце декабря 1957 г. доработанное либретто уже в Сыктывкаре и его обсуждают в Союзе писателей.

Но в марте 1958 г. семья Носыревых покинула Сыктывкар, и всё последующее творчество композитора было связано с Воронежем.²⁰ Музыковед Пер Сканде, бывший продюсер отдела музыкального вещания шведского радио, даёт в интернете такую характеристику его музыке: «Когда несколько лет назад я впервые познакомился с музыкой Михаила Носырева, у меня рот раскрылся от удивления. И не только потому, что технический уровень этой музыки в смысле мелодии, гармонии, ритма и оркестровки является высочайшим, что находится в русле блестящей русской традиции в этом направлении, но и потому, что каждый аккорд носыревских партитур пронизывает глубокий драматизм. Я считаю чудом, что композитор смог писать такую музыку после всех испытаний судьбы, описанных в его биографии. Это редкий факт, свидетельствующий о том, что Михаил Носырев обладал не только незаурядным музыкальным талантом, но и что ему был присущ необыкновенный гуманизм».

В заключение хочется подчеркнуть в Н.А. Фролове способность заглядывать в будущее коми искусства, создавать произведения, над которыми не властно время. Масштабность личности и грандиозность таланта сочетались в нём с гражданским мужеством. Вспомним хотя бы дату написания «Шыпичи» – 1935-1939 гг. Да, лично для него политические репрессии прошли стороной. Хотя в июне 1937 г. был арестован его 66-летний отец, Адриан Михайлович Фролов, осуждён на 10 лет лагерей и там погиб. Друзья-писатели, молодые и старшего поколения, были или в лагерях и под следствием, или, опасаясь ареста, покидали республику. Так поступил и сам Николай Адрианович. Но сохранённую ему судьбой жизнь Н.А. Фролов прожил очень достойно. В 1972 г. он на пять лет возвратился на родину, чтобы помочь становлению открывшегося тогда Сыктывкарского университета. В 1981 г. он подготовил окончательный вариант своей драматической поэмы «Шыпича», назвав её романтической драмой «Парма ловья». Она была издана Коми книжным издательством в 1985 г. Умер Николай Адрианович в 1987 г. в Москве. Ему первому в Сыктывкарском государственном университете была открыта мемориальная доска, а премией его имени отмечали успехи студентов-математиков. В его честь раз в два года проводили научно-гуманитарные конференции.

Опера «Шыпича» – так будет ли четвёртая попытка?

²⁰ Н.А. Фролов дружил с коми композитором А.Г. Осиповым: сотрудничая, они написали семь песен. Они готовы были работать вместе над оперой «Шыпича». По одной из версий, А.Г. Осипов подключился к созданию музыки к «Шыпиче» в связи с отъездом композитора М.И. Носырева из республики. Но совмещать учёбу в аспирантуре, защиту кандидатской диссертации и написание оперы оказалось невозможным, а во второй половине 1960-х годов А.Г. Осипов весь ушел в музыкальное просвещение. Когда сорвалась третья попытка создать оперу, Н.А. Фролов решает публиковать отрывки из либретто в качестве самостоятельных стихотворений, или, как в «Антологии коми поэзии» (Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1967), с пометкой – из оперы «Шыпича». Так появились небольшой сборник «Эжва дорын» (Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1958) с включёнными в него пятью отрывками из «Шыпичи»: «Эн вунёд», «Кыйсьысьяслон сьыланкыв», «Парус», «Эндём руч» и «Ме бара вои чужан муё». От стихотворения о любви «Аддзы тулысын» пришлось отказаться, так как книжечка вышла в серии «Школьной библиотека». Три из названных шести стихотворений А.Г. Осипов положил на музыку, ноты же сохранились только к «Эн вунёд». Этот красивый романс опубликован в нотном сборнике «Северная весна» (Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1985), но после ухода со сцены Е. Орловой, А. Оплесниной и Н. Игнатовой почти двадцать лет он не звучал. Сейчас его исполняет молодая певица Светлана Николаева. В действительности, это песня Сандры – всё, что осталось от попытки А.Г. Осипова написать оперу.

Валерий ТУРКИН

Устоки

А для кого-то вовсе не имеет смысла
Река с названием негромким Сысола.
И кто-то разве только возле карт
Произносил невнятно: «Сык-тыв-кар».
Снедаемый разлукою в тиши,
Я вновь и вновь крушу карандаши,
Ищу в пределе слова и строки
Молочное дыхание реки
И города предутренний покой –
Всё, что во мне и что всегда со мной.
Воображенье, ты второе зрение,
Я на крылах лечу воображения...

Андрей ПОПОВ

Место мести

Город пошлый, город грязный!

*Погрязай в рутине вечной,
Город сплетен и клевет,
Град пустынный, град увечный,
Град презрения предмет!*

И. Куратов, «Усть-Сысольск»

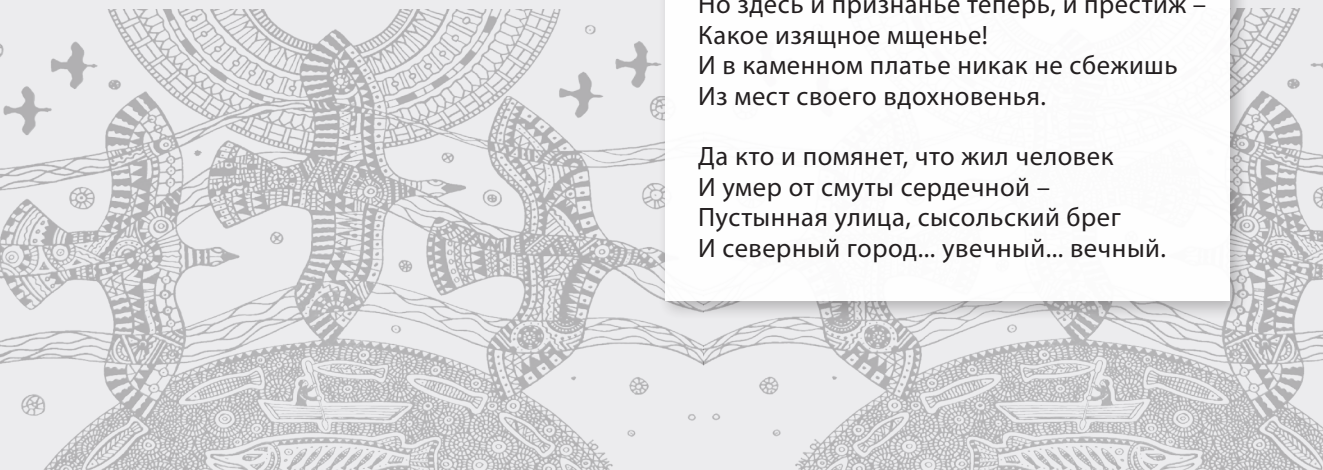
Волнуясь, заметил поэт, а не злясь,
Высокое чувство не злится –
Какая на улицах давняя грязь!
Как мрачно в зырянской столице!

И то, что открылось душе и уму,
Доверил стиху безоглядно...
За это и памятник ныне ему,
Чтоб было другим неповадно,

Поставлен не там, где порядок и свет,
Где мысли чисты и трактиры,
А именно в граде, который предмет
Презренья гражданственной лиры.

Но здесь и признание теперь, и престиж –
Какое изящное мщенье!
И в каменном платье никак не сбежишь
Из мест своего вдохновенья.

Да кто и помянет, что жил человек
И умер от смуты сердечной –
Пустынная улица, сысольский брег
И северный город... увечный... вечный.

Михаил Рогачёв

Рогачёв Михаил Борисович, 1952 г.р., уроженец г. Рига, Латвия. В 1975 году окончил исторический факультет Ленинградского госуниверситета. В 1975-1976 – учитель истории Туискеросской средней школы (Усть-Вымский район), 1976-1979 – аспирант Коми филиала АН СССР, 1979-1992 – научный сотрудник отдела этнографии ИЯЛИ КНЦ УрО РАН, 1992-2009 – зам. директора, учитель Коми республиканского лицея при СыктГУ. В 1991-2007 – председатель правления Сыктывкарской общественной организации «Мемориал». С 2000 – председатель правления Коми республиканского благотворительного общественного фонда жертв политических репрессий «Покаяние», главный редактор Коми республиканского мартиролога жертв политических репрессий «Покаяние». Кандидат исторических наук.

Усть-Сысольские зарисовки: что писали о «столице Зырянского края» в XVIII–XIX вв.

Усть-Сысольск, самый отдалённый восточный город Вологодской губернии (а дальше до Урала и вовсе городов не было), не так уж часто привлекал внимание путешественников и писателей. Но эти немногочисленные заметки позволяют познакомиться со многими интересными страницами жизни «столицы Зырянского края», взглянуть на неё глазами «просвещённого общества Российской империи». Приведём некоторые из них, основанные на личных впечатлениях авторов, посещавших, а порой и подолгу живших в Усть-Сысольске.

Первым, кто удостоил своим вниманием Усть-Сысольск, тогда ещё погост, а не город, был будущий академик **Иван Иванович Лепёхин**. В 1768-1772 гг. молодой учёный руководил академической экспедицией по исследованию Поволжья, Урала и Европейского Севера, во время которой, в 1772 г., он посетил Коми край. Описание экспедиции он опубликовал в «Дневных записках путешествия... по разным провинциям Российского государства». Усть-Сысольск упоминается в 4 томе записок, изданных в 1805 г.:

Городской Троицкий собор. «Две каменные изрядные церкви» (Лепёхин).

«29 июля через Вильгарский погост... в славную приехали зырянскую селитьбу, Устьсысольским погостом называемую. Да и поистине, село сие у зырян в особливом почтении. Оно построено было в трёх верстах от устья реки Сысолы. Дома в нём отменнее пред другими сёлами, и построены две каменные изрядные церкви, одна во имя живоначальной Троицы, а другая Покрова пресвятыя Богородицы.

Не храмы сии вперяли у зырян почтение к сей селитьбе, но живущие в нём богачи, Сухановы прозываемые, которые и сами произошли от зырянского племени. Проворство их в торговле обогатило их и сделало зырянскими князьками. Каждый зырянин составляет их как бы природного крестьянина, и всё его стяжание почти надлежит Сухановым. Они их задатчивают на хлеб и на звериные промыслы и после обирают всё их житьё-бытьё-богачество. Если где увидишь лучшие нивы в ближайших селениях к Усть-Сыsole и спросишь, кому они принадлежат, отвечают: Сухановым; если где пасутся стада, стада надлежат Сухановым; да и бывший на Печоре зырянский промысел в добывании точильного камня ныне надлежит Сухановым.

Зырянские сии господа хотя записаны в число великоустюжского купечества, однако живут в сём отдалённом месте от города, и страх, который они почасту претерпевают от наезду разбойников, не может преодолеть их вкоренившегося над зырянами господствования. Сему страху так они подвержены, что и малолюдный мой

приезд наделал им много сует, и я с великим трудом мог добиться, чтобы допущену быть пред лицо сего зырянина и уверить его письменными свидетельствами о наложенной на меня должности, которая зырянину казалась непонятною...

Сколь вредны вообще и сколь тягостны для крестьянина такие посторонние помещики и не по своим местам живущие промышленники, всяк удобно видит...

Таким образом кончили мы реку Сысолу, которая... в трёх верстах пониже села Усть-Сысолы соединяется с Вычегдою. Противу устья реки Сысолы с правую сторону в Вычегду впадает река Дырнас, на которой заведены мучные мельницы, принадлежащие вышеупомянутым Сухановым».

Не правда ли, впечатляющая характеристика «зырянских князьков» Сухановых (Лепёхин немного ошибся – они были приписаны не к устюжскому, а к яренскому купечеству)? Именно Сухановы и «пролоббировали» выбор «погоста на устье Сысолы» в качестве уездного центра новообразованной Вологодской губернии, и через 8 лет после посещения его Лепёхиным он стал городом Усть-Сысольском.

Прошло более 40 лет, и в маленьком уездном городе Усть-Сысольске (его население тогда едва превышало 2 тыс. чел.) побывала **Александра Ишимова**. Ну как побывала – приехала вместе со своим отцом Осипом Филипповичем Ишимовым, высланным в «места не столь отдалённые». В Усть-Сысольске Ишимовы жили в 1819-1821 гг. Образованной петербургской девице (воспитывалась в пансионе, собиралась поступать в Екатерининский институт) Александре Ишимова, когда она впервые вступила на устьсысольскую землю, было всего 14 лет. Это потом, уже вернувшись в Петербург, она станет известной детской писательницей (самая известная её книга – многократно переизданная «История России в рассказах для детей»), переводчиком, издателем. В 1870-е гг. написала обширные воспоминания, в том числе о жизни в Усть-Сысольске. Этот отрывок под названием «Уездный город сто лет назад» был опубликован в 1923 г. в журнале «Голос минувшего»:

Дом Суханова: первый каменный дом в Усть-Сысольске (нач. XIX в.). Один из двух каменных домов, упоминаемых Ишимовой и Засодимским.

«О наружности города и говорить нечего: это были две-три улицы с деревянными домиками на довольно большом расстоянии один от другого и только с двумя каменными домами двух первых купцов города: Сухановых... Общество состояло из обыкновенных чиновников прежнего уездного города: Городничего, Исправника, Судьи, разных заседателей и стряпчего; и купцов, – по большей части разбогатевших зырян... Все эти господа довольно резко отличались от тогдашнего петербургского общества, но так как я ещё в этом последнем не бывала в моём 14-ти-летнем возрасте, то ни они ни семейства их не казались мне слишком странными. Я с удовольствием знакомилась с ними, и по вечерам довольно часто бывала у них в гостях, а по утрам была занята уроками, которые давала моему брату и ещё 12-ти-летнему сыну городничего, которого маменька через несколько дней после приезда нашего прислала к нам с банкою помады в руках и просьбою поучить его по-французски. Этого мальчика, по имени Васеньку, всегда звали Василием Николаевичем и одевали в чёрный нанковый сюртук с красным воротником, точь-в-точь такой же, какой был у его отца. Сначала я не могла смотреть без смеха на этого маленького городничего, но потом я привыкла к костюму его и очень усердно занималась с ним и братом русским и французским языками. После уроков я помню, что часто играла с учениками моими в горелки. Но кроме того, я усердно занималась сама изучением французского языка и несколько немецкого, переводила разные рассказы из книг, оставшихся от нашего разорения. Руководителей в этом учении никаких не было там: никто во всём городе не знал никакого языка, кроме русского и зырянского, но у меня было несколько французских книг и какая-то толстая французская грамматика. Я изучила её с первой до последней страницы... Кроме этих научных занятий, я имела в Усть-Сысольске и другие, отнимавшие у меня также много времени.

Побывав в первый раз на вечеринке у именинника-судьи (лицо очень почётное в то время в уездном городе) – я поражена была удивлением, когда вдруг раздалась хороводная песня и хозяйка, взяв за руку одного из молодых людей, начала ходить с ним по зале, он взял другую даму, та опять другого кавалера, и так продолжалось до тех пор, пока не составила длинная цепь на всех молодых дам и мужчин. Как скоро эта цепь сомкнулась в большой круг, началась какая-то хороводная игра, для которой выбирались одна или две пары мужчин и дам. Для меня показалось это очень странным зрелищем: в Петербурге я слышала, что играют в хороводы только крестьяне да крестьянки в деревнях да ещё где-то в Ямской в праздник, который называется Семик. Я, несколько не стесняясь, объявила всем девицам, что у нас, когда собираются, то танцуют. Они откровенно признались, что слышали о танцах, но что у них никто не умеет танцевать, да и музыки никакой нет в городе. Тогда я обрадовала их обещанием выучить их всех танцам, какие танцуют в Петербурге, а что касается музыки, то у нас был человек, который играл на скрипке. Родители мои завезли с собою целую семью людей, и этот доморощенный музыкант был сын нашей кухарки. И так, на первом же вечере все молодые девушки решили, что начнут учиться танцевать и, выучившись, перестанут играть в хороводы. Вот у меня и было новое занятие – учить их: усердие их к этому учению было так велико, что прежде нежели наступила зима, они танцевали уже все танцы, каким я сама научилась в пансионе: польской, вальс, экосез, мазурку и ещё какой-то, теперь забытый мною, танец: *tempete*. Нельзя описать того удовольствия, какое чувствовали мои ученицы, когда в первый раз на чьих-то именинах раздалась звуки скрипки нашего Егора, и все они пошли парами польской. С этих пор танцы так понравились всему обществу, что в лучших домах хороводы были совсем

Улица Спасская в начале XX в. (совр. Советская). Одна из двух улиц у Ишимовой.

оставлены. Может быть вы спросите, кто же научил танцевать мужчин? – Сёстры их; да, впрочем, молодых людей было очень немного в городе: сыновья купцов жили по большей части в Архангельске, в котором вели торговлю отцы их, а между чиновниками не было ни одного такого молодого, чтобы мог он пуститься в танцы; ученицы мои и не заботились о кавалерах, и превесело танцевали дамы с дамами. Вместе с танцами мне удалось ввести некоторые новые порядки и в туалетах их. Самых богатых семейств было только два, и те были купеческие, и в городе было только два каменных дома, принадлежащие им. Всё чиновничество было бедное. В обоих семействах было много дочерей. Все они носили на головах шёлковые платочки, повязанные по-купечески. Я уговорила их оставить эту моду и носить волосы под гребёнку, как носили тогда все молодые девушки в Петербурге. Они охотно согласились, выписали себе черепаховые гребёнки из Архангельска; передние волосы завивали в локоны, как также носили тогда. Для платьев сняты были фасоны с моих и моей матери платьев. Я была в 14 лет высока ростом и могла служить моделью для взрослых тамошних барышень. К тому же, обаяние Петербурга действовало так сильно на всю молодёжь, что мне, петербургской барышне, верили на слово во всё, что я говорила им, и беспрекословно исполняли все советы мои и моей матушки, которая так же скоро сошлась с матерями и старшими замужними сёстрами моих молодых приятельниц. Они в самом деле сделали скоро моими истинными подругами. Я любила их всею душой за их ис-

кренную привязанность ко мне и покорность всем моим желаниям. Эту покорность довели они до того, что не прошло двух лет от нашего знакомства, как они под руководством моим победили свою природную робость и не видав никогда ни театра, ни чего-либо похожего на театральное представление, решились сыграть небольшую пьеску того времени: «Филаткина свадьба». Это представление до того понравилось всем, что даже старик-купец и хозяин того дома, где оно происходило, с удовольствием смотрел, как его дочери и подруги их разыгрывали свои роли.

Вот вам пример того, как последние культурные веяния доходили до самых глухих уголков Российской империи! Между прочим, «Филаткина свадьба» («Девишник или Филаткина свадьба» – одноактная комическая опера «в народном стиле» Александра Княжнина) – первая театральная постановка в Коми крае. Так что Александру Осипову Ишимову можно по праву назвать «устьсыольским культуртрегером».

Проходит ещё полвека, и в Усть-Сысольск приезжает молодой учитель **Василий Евгеньевич Кичин**. Вообще-то это его родной город – Василий Евгеньевич родился в 1848 г. в семье штатного смотрителя Усть-Сысольского духовного училища, краеведа Евгения Васильевича Кичина. Но в начале 1850-х гг. (точная дата неизвестна) отца перевели в Вологду, где Евгений и учился, а в Усть-Сысольск он вернулся в 1863 г., уже учителем географии и истории уездного училища. В 1866-1873 гг. преподавал в Вологде, а затем вернулся в Усть-Сысольск, теперь уже навсегда. До 1884 г. был штатным смотрителем уездного училища, затем инспектором народных училищ Усть-Сысольского уезда, преподавал в городском училище (быв. уездном), женской прогимназии, вышел в отставку в 1906 г. А ещё В.Е. Кичин был постоянным корреспондентом газеты «Вологодские губернские ведомости», где опубликовал много краеведческих статей. Одна из них, опубликованная в 1866 г., – «Поездка в Усть-Сысольск», рассказывающая о быте горожан середины XIX в. (приводится в сокращении):

«Я ехал зимой, на протяжных по просёлочной дороге через Лальск к Усть-Сысольску... Просёлки длинные и утомительно скучны. Прогреться до костей и рад, рад отогреться в курной избе зырянина... Русского слова не услышишь. Крикливая протяжная зырянская международная речь на первый раз навеивает на душу какое-то грустное, безотрадное чувство... Едва отогреться в курной избе – снова в дорогу! Садись в сани непрезентабельной наружности... чтобы продолжить однообразно-утомительный путь. Иногда до десяти лошадей, запряжённых гуськом, если чуть больше дорожный омнибус, двигается вперёд понуканием ямщика...

Но вот дорога становится разнообразнее: деревни, поля, леса перемежаются; деревенские постройки красивее и чище. Скоро и Усть-Сысольск, столица зырянского края. Полагаешь, что вот увидишь вдали красивый и обширный город; напрягаешь зрение и удивляешься при виде вдали церкви с колокольней и нескольких разбросанных на значительном расстоянии строений. Вот и Усть-Сысольск!..

Полагаешь скучать и скучать, слышать разговорную речь не на родном языке... Но на деле выходит другое. В Усть-Сысольске можно встретить общество, лучше многих городов Вологодской губ.: там существует общественная библиотека, выписывается много газет, журналов и прочих периодических изданий, учреждён клуб, ежегодно возобновляются общественные спектакли любителями драматического искусства...

Заглянем в быт устьсыольского простонародья: он мало отличается в общих чертах от обыденной жизни соседей зырян и русских поселян. Устьсыольские зыряне-домовладельцы заводятся слишком незавидными постройками, ни по архитектуре, ни по внут-

ренному устройству: комнаты словно клетки... На пятивёрстном пространстве примыкает к Устьсысольску ряд деревень; жители их причисляются к городскому населению...

Одежда простых городских зырян-мужчин длинные шерстяные зипуны, род халатов, из-под которых виднеется воротник белой холстиновой рубахи, обувь – коты с пёстрыми шерстяными чулками. Женщины носят китайчатые шугаи, и по зимам шубейки, крытые зелёной нанкой с беличьей опушкой. Головной убор зырянок-женщин – кокошник, покрытый большим, распущенным на спину платком; зырянские девицы повязывают головы шёлковыми платками, из-под которых выпускаются, с вплетёнными на концах лентами, косы. Вообще, в одежде зырян пестрота и яркость цветов. Это разнообразие всего скорее можно заметить в различных народных собраниях зырянских парней и девиц, когда ими составляются весёлые хороводы. Странно, – зыряне обыкновенно поют в хороводах песни русские, часто не понимая значения слов. Фальшивое произношение, пение протяжное, без порывов.

...А на лугу, около ската к реке Сыsole, наблюдателю так привольно, так весело! Городские строения раскинулись на возвышении правильно и красиво... Направо городское кладбище, к которому амфитеатром примыкает ряд мещанских строений; это по-зырянски кэр ул (под горой); русские же называют Кирулем, одинокая кладбищенская церковь погрузилась в зелёное море... Хороводы разрознились. Здешние зырянские парни и девицы не считают предосудительным пойти с гулянья под руку, или обнявшись; девица не стесняется оказывать предпочтение любимому парню, здесь невеста часто выбирает себе жениха. Обычай странный!

Если заглянуть в избу к зырянину, – он не откажет в гостеприимстве. Начинается угощение. Любимые кушанья зырян: яичница, щи из мяса без всякой приправы, ярушники – пироги из ячневой муки, хлеб, намазанный слоями скоромного масла. Самое любимое блюдо зырянского стола – ляз; оно готовится из высушенных толчёных черёмуховых ягод. По праздникам перед обедом зыряне пьют гэрмога-чужва – сусло с перцем стручковым. Это зырянский кофе; о настоящем же они и понятия не имеют, да пожалуй и пить его не станут. Любимые напитки зырян вино и пиво, последнее готовится в каждой зырянской избе, в продолжении почти целого года...»

В 1874 г. в Усть-Сысольске побывал довольно известный в то время писатель-народник **Павел Владимирович Засодимский**. Результатом этой поездки стал очерк о Коми крае «Лесное царство», опубликованный в 1878 г. в журнале «Слово». В первой главе есть и страницы об Усть-Сысольске, который Засодимский, между прочим, впервые назвал Сыктывкаром:

«...в северо-западной части зырянского края, при впадении рек Сысолы и Вычегды, нам бросается в глаза очень большое селение. Расположилось оно на левом берегу Сысолы и далеко расползлось по реке. Это – Сыктывкар, столица, краса и гордость зырянского края. По-русски же сказать, это просто – уездный город Устьсысольск.

...Хотя в Устьсысольске существует и уездный суд, и казначейство, и полицейское управление, и почтовая контора, есть даже женская прогимназия, но, несмотря на все эти очевидные атрибуты всякого порядочного и непорядочного русского уездного городка, всё ж таки довольно трудно помириться с той мыслью, что Устьсысольск действительно город, а не погост, каким он был сто лет тому назад. Самый город, т.е. место, где ютится чиновничество с высшим купечеством и духовенством, не составляет и половины того, что собственно называется Устьсысольском. Предместья, слободы устьсысольские обширнее города, и они-то придают маленькому городку довольно внуши-

тельный вид. «Наш город – не в пример прочим! – говорят устьсысольцы. – Наш город – крестьянский». И они правы. Лиц привилегированных сословий в этом городе 526, непривилегированных же сословий (мещан, солдат и крестьян) 3,178 чел. Мещане, бессрочно-отпускные и отставные солдаты в действительности от крестьян ничем не отличаются, кроме названия. Такая же одежда, такое же жильё и тот же образ жизни. Они и пашут, и скотоводством немного занимаются, и рыбу ловят, и в лес на зверя ходят – словом, те же самые крестьяне. «Дальше нашего города и почта не ходит!» – рассуждают устьсысольцы. Устьсысольск, действительно, один из тех крайних пунктов Европейской России, откуда почта может лишь возвращаться вспять. По всем этим причинам, по мнению устьсысольцев, их родной город должен состоять «на особенном положении». Поэтому-то администрация никак и не может добиться того, чтобы придать городу более цивилизованную физиономию, приличествующую «нашему веку прогресса». Нет в Устьсысольске ни городского сада, ни бульвара; улицы не мощены и освещаются по сторонам лишь светом небесных светил; во всякую пору дня и ночи по улицам бродят лошади и слоняются целые стада овец. Если бы принято было измерять прогресс числом каменных зданий, то в таком случае пришлось бы заключить, что Устьсысольск положительно падает, ибо в первой четверти нынешнего столетия каменных строений в нём было 3, а ныне осталось только 2. Третье же здание, бывший театр, стоит в развалинах, а строящийся вместо него каменный дом на набережной ещё недостроен. В каменных же зданиях помещается уездное училище и некоторые присутственные места. Кроме каменной кладбищенской церкви, в Устьсысольске существуют ещё соборные каменные церкви, одна церковь маленькая, деревянная, принадлежащая монастырю, да ещё строящаяся каменная церковь во имя Стефана Пермского.

Характеристична постройка устьсысольских домов. У большей части из них, кроме крыльца во дворе, проделаны были двери на улицу, и жильё с лицевой стороны дома приновлено так, чтобы в нём удобно могло поместиться какое-нибудь торговое заведение. Можно подумать, что люди, строившие эти дома, все почему-то рассчитывали заниматься коммерцией. В настоящее время эти двери, лишь за малым исключением, или заделаны окончательно, самым тщательным образом, или наглухо заколочены. Эти забытые двери – безмолвное, но красноречивое доказательство того, что добрые люди ошиблись в расчёте, что торговля не закипела в таких широких размерах, в каких ожидали они. Вообще торговля в зырянском крае главным образом производится на местах сбыта пушных товаров и на двух-трёх ярмарках».

Вот этими несколькими очерками о различных сторонах жизни маленького уездного «полусельского» города Усть-Сысольска, единственного города Российской империи, где коми составляли большинство населения, и ограничимся. Исчерпывающего представления об Усть-Сысольске XVIII-XIX вв. они, разумеется, не дают. Но и без них никак не обойтись тому, кто интересуется историей столицы Республики Коми.

Валентина Лимерова

Лимерова Валентина Александровна, литературовед, канд. пед. наук, ст. научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Автор более 100 работ по истории литературы, теории и методике литературного образования.

Образ коми столицы в региональной печати XIX-начала XX веков

Как известно, особое место в литературном пробуждении российских регионов принадлежит провинциальной периодике XIX века, начало которой положили «Губернские ведомости». Не является исключением и словесность Коми края, характер которой во многом определила репертуарная политика учреждённых в 1838 году Архангельских и Вологодских губернских ведомостей, долгое время остававшихся единственными печатными органами в северной оконечности России. Своими программными задачами газеты объявили «доставление в надлежащее время сведений о постановлениях и распоряжениях губернского начальства» и «сверх того» — о других предметах, «замечательных, любопытных и полезных». В числе последних редакциям газет виделись «типические черты населения», при-

родные и рукотворные достопримечательности губерний, описать которые настойчиво предлагалось местной интеллигенции, знающей огромный край «в подлиннике». Хорошо представляя трудности, которые мог встретить местный краевед в описании собранного этнографического или природоведческого материалов, газеты публиковали своеобразные методические рекомендации по их текстуальному оформлению. Так, убеждая своего читателя взяться за перо, редактор «Вологодских губернских ведомостей» Н.И. Полиевктов пишет: «Мы позволяем себе думать, что описательный характер корреспонденции далеко не заключает в себе трудностей для изложения: имея целью только наглядную, добросовестную передачу существующих фактов и явлений, он не требует никакой специальной подготов-

ки, поэтому всякий, владеющий без особых затруднений описательным способом изложения, при известной степени наблюдательности – может принести в этом отношении большую пользу».

Между тем, опубликованные в газете «описательные корреспонденции» никогда не воспринимались только в качестве научного сырья: прикрепленность к фактам была необходимым условием для публикации материалов в газете, но не меньшее значение для портретирования края имела выраженная в тексте, сходная с литературной авторская позиция. Фактически перед местным сочинителем стояла задача создания родиноведческой идеологической конструкции, в которой местная оригинальность обеспечивалась не взглядом из культурно-географического центра империи (в отечественной словесности эту задачу выполнял травелог – рассказ о путешествии), а за счёт описания далёкой от центра территории изнутри. Так возник новый вид «газетной» прозы – развёрнутое описание конкретного места: участка местности, города, селения и даже, как указывает тот же Н.И. Полиевктов, какого-либо «замечательного строения». Возникнув и укрепившись на страницах «губернских ведомостей», этот вид сочинения получил широкое распространение в губернской печати в целом, сохраняя популярность и в начале XX века. Заметим, что одновременно с региональными изданиями лучшие образцы таких описаний публиковала и центральная печать, в частности ряд очерковых произведений северных авторов вышел в столичной «Северной пчеле». Благодаря родиноведческой модели описания провинции, заочно знакомившей читателя с географическими и культурными достопримечательностями Архангельска, Вологды и окрестных им земель, в состав которых входил Коми край, малоизвест-

ная и дальняя сторона российского Севера приобретала образ не только знаковой, но своей земли. Правда, переход от описания к самоописанию, трансформация образа географической окраины в образ родного края произошли не сразу: сказывалась устоявшаяся в русском общественном сознании негативная оценка глухой провинции и провинциального жителя, а в сочинениях о Коми крае она к тому же дополнялась стереотипами изображения российских инородцев и населённых ими земель.

Если обратиться к «местно-описательным» (термин, предложенный Н.И. Полиевктовым) сочинениям, составившим портрет Коми края, можно заметить особое внимание местного автора к населённым пунктам, служившим торговыми, экономическими, культурными центрами разных провинций обширной зырянской родины. «Ярмарка на Вашке» И. Титова (1840), «Нёбдинская ярмарка в Усть-Сысольском уезде и несколько слов об ижемцах и самоедах» М.И. Михайлова (1848), «Несколько слов о г. Усть-Сысольске и его уезде» (1849) и «Прогулка по Княжпогосту» (1851) П.Б. Богданова, «Корткерос. Зырянское селение» Е. В. Кичина (1852), «Пути сообщения Усть-Сысольска с Вяткою» С.Е. Мельникова (1853) и др. – в совокупности предлагали альтернативную точку зрения стороннего наблюдателя картину Зыряндии, превращая её из «до крайности бедной», затерянной в угрюмых лесах земли, которая «даже впереди не может ожидать лучшего», в богатый, оживлённый, населённый предприимчивыми людьми край.

Существенную часть местноописательной прозы составили сочинения об Усть-Сысольске. Их создание шло на фоне и в контексте опыта семиотизации зырянской столицы в русской литературе метрополии, использовавшей Усть-

Сысольск и его обитателей в качестве «символа провинциальной отсталости и дикости» («Мёртвые души» Н.В. Гоголя, «Дневник провинциала в Петербурге» М.Е. Салтыкова-Щедрина и др.). Стереотипический образ Усть-Сысольска – глухого места поддерживался также авторами, позиционировавшими себя представителями центра и «имевшими удовольствие» познакомиться с Усть-Сысольском очно (П. В. Засодимский, «Лесное царство»; А.О. Ишимова, «Зырянка»).

Первые описания Усть-Сысольска краевыми писателями могут быть отнесены к 1840-1850-м годам. Это «Несколько слов о г. Усть-Сысольске и его уезде» П. Б. Богданова (1849), «Зима в Усть-Сысольске и северное сияние» М. И. Михайлова (1849), «Заметки о городе Усть-Сысольске» и «Об основании города Усть-Сысольска» Е. В. Кичина (1851), «Топография Усть-Сысольского уезда» неизвестного автора (1855). Из более поздних текстов можно назвать «Нечто об Усть-Сысольске» и «Краткие статистические и этнографические сведения об Усть-Сысольском уезде» В. Е. Кичина (1865), «Заметки о театрах» некоего В., «Письмо корр. «Светоча» из Вологодской губернии» М. Куклина (1882) и др. На первый взгляд, эти тексты лишь тиражируют сложившиеся стереотипы провинциального города. Однако в ситуации пробуждения краевой словесности повторение известных схем мифологизации российской глубинки играло положительную роль и как форма литературного опыта, и как импульс к выявлению характерных черт реального города, и в конечном итоге – созданию оригинального образа своей столицы.

В описаниях Усть-Сысольска местный автор, как правило, учитывает впечатления посетителей города, отталкивается от них, но предлагает противоположную или компромиссную оценку городских

объектов и видов, оказавшихся в поле критического зрения заезжего человека. Складывается своеобразный тип местного текста, в котором автор ведёт скрытый диалог, полемику с неназванным собеседником, имплицитно олицетворяющим точку зрения «чужого». Как справедливо отмечает В. И. Чупров, на всём протяжении XIX века приезжему человеку Усть-Сысольск представляется «обыкновенным городком, нелепо растянувшимся на протяжении чуть ли не десяти вёрст», в центре которого «встречаются пустыри и площади, на которых пасётся скот, едва ли не косят сено». Местный писатель соглашается со сторонним наблюдателем относительно не столичного и не городского вида уездного Усть-Сысольска, но в тех же чертах ему открывается природность городка, видится особый, непривычный русскому человеку тип поселения – не города и не села. Усть-Сысольск в описаниях не имеет устойчивого центра и окружающей его городской окраины. В нём нет центральных и периферийных улиц, одна и та же улица пересекает весь город, лучшие дома находятся в разных частях, а середина города равно состоит из административных учреждений и сельскохозяйственных угодий. Усть-Сысольск застраивается не по привычным для русского человека правилам градостроения, а как пожелается его жителям, поэтому имеет нестрогий, вольный характер. Самые распространённые в использовании местного автора выражения, живописующие зырянский город: «раскинулся», «расположился», «растянулся», «лежит при реке».

В этой зооморфной пассивности Усть-Сысольск не только не похож на известные литературные модели главных российских городов, но и противоположен как «вытянутому в струнку» (Н. Гоголь) логично-правильному, искусственному

Петербургу, так и естественному, «великолепно разросшемуся» (А. Григорьев) городу-растению Москве. Усть-Сысольск организован волей реки, а не человека, поэтому он не может «вести себя» по-петербургски «в соответствии с предусмотренной схемой, планом, правилом». С другой стороны, живущий в согласии с рекой и ведомый ею, он не имеет возможности к самовольному росту в разные стороны, как Москва. Главным пространственным ориентиром в описаниях Усть-Сысольска служит сама Сысола: острова, береговые скаты, изгибы, излучины. Вот одно из таких описаний, принадлежащее Е.В. Кичину: «Собор здешний стоит на скате к реке Сыsole, на левом её берегу. У этого же храма идёт к почтовому Яренскому тракту одна из лучших улиц города Усть-Сысольска, на которой расположено несколько благовидных домов, и в том числе каменный двухэтажный дом, принадлежащий здешним уездному и приходскому училищам. От сего дома, по дугообразному берегу Сысолы, до самого кладбища, которое зовётся здесь Кирулями, взорам представляется прекрасный вид: набережная включает в себе несколько домов, сливающихся как бы в одну неразрывную толщу, а ниже их рынок с деревянными лавками, за которыми, на самом скате к реке, гнездится бесчисленное множество избушек. На самой Сыsole находится остров, покрытый зелёным ковром растительности и испещрённый разными цветами. За рекой, на взволнованном холмами пространстве, красуется мелкий кудрявый лес, а в конце набережной высится на Кирулях каменная Вознесенская церковь, за которую у опушки леса видна деревянная часовня, стоящая близ зеркальной воды небольшого озера». Автор вносит в описание минимум рукотворных объектов, обозначает их местоположение относительно линии

реки, но ни на одном из них не задерживает взгляда. Усть-Сысольск на этой картине практически не имеет обычных материальных маркеров городского пространства: парков, площадей, садов и т.д. Немногочисленные здания, попавшие в авторский объектив, не имеют индивидуальных черт: собор, «храм на Кирулях» и часовня так же, как и главная улица, – безымянны; «несколько домов», расположенных на последней, удостаиваются лаконичной однословной характеристики – «благовидные»; дома на набережной так похожи друг на друга, что сливаются «в одну... неразрывную толщу», а жилища рядовых горожан составляют «бесчисленное множество избушек». Из ряда «благовидных домов» выделяется училище – оно каменное и двухэтажное, именно в этих «особых приметах» состоит оригинальность самого интересного здания Усть-Сысольска. Несмотря на более чем скромный набор признаков городского, увиденных автором на территории Усть-Сысольска, его описание не отягощено иронией, а подано в тёплых, почти лирических тонах. Автор предлагает концепцию города, уникальность которого обеспечивается первенством природного начала над культурным. Вид Усть-Сысольска, открывающийся с высокого берега Сысолы, прекрасен божьими творениями: дугообразный берег реки, покрытый зелёным ковром растительности и испещрённый разными цветами остров, взволнованное холмами пространство за рекой, кудрявый лес, зеркальная вода небольшого озера. Человеческие жилища не отвлекают внимание на себя, не соперничают с красотой природы, не изменяют естественный географический ландшафт устья Сысолы. Человек, живущий на этом месте и называющий его речным именем Усть-Сысола, является восприимчивым природной силы реки, бережно обживает её бере-

Усть-Сысольск. Общий вид.

га, сохраняя естественный прибрежный ландшафт.

Необходимо уточнить, что Усть-Сысольск в своём литературном образе не вписывается в известную типовую природно-культурную парадигму городского пространства, в котором природа существует в своём окультуренном, садово-парковом, подчинённом человеку варианте. Отличительная черта устьсысольца – селиться сообразно первозданному ландшафту, приспособляясь к нему со своими хозяйственно-бытовыми нуждами. Отсюда происходит параллельное реке расположение улиц Усть-Сысольска, выражающих первенство природной стихии в принципах застройки города, а также выше обозначенный оттенок пассивной подчинённости человека физической силе реки, которая присутствует в метафорике образа города («лежит при реке»). Таким образом, ментальность Усть-Сысольска, какой её осознаёт Е.В. Кичин, принципиально инакова городам, символизирующим победу че-

ловеческой воли над природными стихиями земной тверди и воды (города Урала, приморские Санкт-Петербург, Архангельск). Мотивика «борьбы» в такой модели Усть-Сысольска полностью отсутствует как неактуальная для местного автора, вместе с другими устьсысольцами мирно принимающего власть реки над собой. Е. Кичин подмечает, что инициативную роль в отношениях устьсысольца и Сысолы играет река: не человек изменяет ландшафт, обустроивая и изменяя прибрежную зону, а она включает человека в своё пространство, украшая берега домами. Закономерно возникает мотив орнитоморфности человека: крестьяне, подобно птицам, «гнездятся» на речных скатах. Да и в целом, устьсыsoleц в приведённом описании равнодушен к искусству украшения домов, чем также подчёркивается его безмятежное согласие с природными формами.

Усть-Сысольск – не единственное «приречное место» на литературной карте региональной словесности. Река –

доминантный признак краевого пространства в целом. В сочинениях краевых авторов XIX века река ещё далека от подтекстовых значений, от ёмкости поэтического символа, но уже главное место действия, самая заметная геологическая достопримечательность края, поэтому лесной зырянский край зачастую выглядит в описаниях краем речным (См.: Мельников С.Е., «Описание сплавной реки Вычегды, расположенных окружностей её с подробным объяснением таковых же рек, в неё втекающих, и речек и замечательных озёр, также посторонних речек, приемлемых сими последними реками»; Богданов П.В., «Несколько слов о г. Усть-Сысольске и его уезде», «Путевые заметки от Солеваренного завода до деревни Вильгортской Яренского уезда» неизвестного автора; Волков Н.Д., «Удорский край» и др.). Названия рек фигурируют в значительной части заголовков произведений, по описаниям рек и речных бассейнов складываются представления о промыслах и образе жизни разных этнических групп коми: ижемцев, печорцев, сысоличей, вычегжан, «лузцы». Река и её берега – приют для зырянина, защита от всепоглощающей тайги, полоса земли, освещаемая солнцем. Река – водный путь, по ней зырянин справляет хозяйственные дела, она соединяет один зырянский род-село с другим, скрепляет в один народ, создаёт границы и внутренние скрепы зырянского пространства. Русский простор испещрён дорогами, они соединяют города, переходя в городские улицы и пронизывая их; вдоль улицы-дороги лицом к ней рядами строятся дома – такова геометрия русского города. Имея естественные транспортные магистрали и довольствуясь ими, зыряне не прокладывают «пыльных шрамов дорог» на теле земли. Вот почему так незначительно место Яренского почтового трак-

та – единственной въездной улицы – в описаниях Усть-Сысольска. Главным «трактом», следующим в Усть-Сысольск, и главной улицей является сама Сысола.

Вместе с темой реки в постоянный, основной мотивный комплекс местно-описательного текста входят темы пути и бездорожья: бездорожье доставляет неудобства для приезжего человека, привыкшего передвигаться сухопутным способом, но не ощущается самими жителями края, спокойно передвигающимися по рекам. «Путешествие от города Вологды до города Усть-Сысольска... не представляет никаких затруднений, так как весь путь совершается на пароходах по рекам: Вологде, Сухоне, Северной Двине и Вычегде», – поясняет читателю священник Щугорского Стефановского прихода Андрей Попов. Местный автор питает уважение к чужой точке зрения и описывает неудобства, с которыми встречается или может встретиться цивилизованный путешественник. К примеру, «Вологодские губернские ведомости» устами одного из своих корреспондентов предостерегают всякого, кто «по не терпящему отлагательств случаю» вынужденно решится на пешеходное странствие по какой-либо из зырянских провинций: «Ходят, правда, прямым путём, но к нему прибегают только в крайности, именно в начале весны и осени, когда ранние оттепели в первом случае и ранние морозы – во втором прекращают сообщение реками. Он действительно прям, но за то во всё его протяжение нужно идти пешком по пояс в воде, ...кроме того, он совершенно не обитаем, и чтобы решиться на него, нужно иметь много уверенности в своей силе и терпении». Имея собственный опыт передвижения по краю, автор советует пользоваться водным сообщением, которое тоже имеет неприятности, но «как они ни тяжелы для новичка,

ничтожны в сравнении с тем, которым подвергаются пешеходы». «Безветрие и большая вода» – всё, что нужно «для самого быстрого и удобного переезда», – считает он. Подобные рассуждения свидетельствуют о том, что пространственные образы провинций края и конкретно Усть-Сысольска начинают строиться с учётом взгляда изнутри – в этих случаях тема бездорожья либо не актуализируется в тексте, либо принимает форму открытого противопоставления двух мнений, принадлежащих посетителям края и его столицы и коренным его жителям.

Сопоставление разных культурных сознаний ощущается в интерпретациях ещё одного свойства столицы зырян: не отвечающий требованиям урбанистического, геометрически упорядоченного пространства город на Сыsole неизбежно ассоциировался с городской окраиной – промежуточной между городом и не городом территорией. Среди признаков окраинности Усть-Сысольска особо выделяется локус, привносящий в его образ элемент неразвитости городского начала – это незастроенные места, промежутки между «гнездовьями» домов, по причине которых город кажется наблюдателю «раскинувшимся неправильными кучками серых строений» (Ю.А. Волков), «разбросанным и некрасивым» (Ф.А. Арсеньев). В плане литературной традиции свободное от жилых строений место отсылает нас к понятию «пустыря», пустого места, противоположного полноте и тесноте городского пространства. «В отношении к пространству пустырь выступает как минус-пространство и реализует значение «дезорганизованная искусственная среда»... Маргинальность пустыря подтверждена его локализацией в урбанистической застройке – на краю города», – отмечает Н.В. Злыднева, рассматривая пустырь в качестве одного из основных архаических стереотипов

города. Готовый семантический резерв «пустыря» сказывается и на образе Усть-Сысольска: в разных описаниях прерывистость его пространства – главный источник внешней непривлекательности города, особенно – со стороны реки, т.е. с точки зрения прибывающего в город. Вместе с тем, на практике к слову «пустырь» местный автор прибегал крайне редко, объясняя существование незастроенных мест на территории городка и его разбросанность особенностями зырянского «градостроительства». Характерен в этом отношении очерк Е. В. Кичина об истории основания Усть-Сысольска, в котором даётся ясное представление не о линейном, привычном для человека из центра, а «гнездовом», состоящем из отдельных частей (деревень, слободок, местечек и т.д.) формате города. В своём сочинении Е.В. Кичин приводит и поясняет более десяти названий современных ему «составных частей» усть-сысольской территории: Вичкодор, Подгорье, Микул сикт, Кыруль, Кокулькар, Половина, Көдзвыл, Изкар, Куешга, Кошинева, Тентюков грезд, Титов грезд, Ганя грезд, Сыктылдинпон.

Промежутки между селениями-местечками и составляли те самые «пустыри», придавая Усть-Сысольску некомпактный вид. Симптоматично, что «пустырём» Е. Кичин называет поле, очевидно, не найдя в русском языке другого смыслового адекватного участку внутри городской черты, используемому под посевы (Көдзвыл). «Незаселённые промежутки», о которых упоминает Е. Кичин, – это поля, огороды, сенокосные угодья, располагавшиеся в разных частях города: для устьсысольца, «не отставшего от занятий крестьянских в противность правилам для городских жителей установленным», они представлялись вполне естественными и необходимыми компонентами города, обеспечивающими

ми непрерывность и полноту обжитого человеком пространства. Чрезвычайно существенно, что акцент на визуальной прерывистости Усть-Сысольска получал у краевого писателя аксиологическую двойственность: упоминания о «заселённых промежутках» укрупняли негородские черты «столицы» и развивали идею её окраинности – в этом сказалась связь с привычным модусом феномена городского пустыря; с другой стороны спокойный тон повествователя, с которым он описывал сельскохозяйственный уклад жизни горожан, придавал этим же «промежуткам» статус обыкновения, положительной нормы.

Литературная топка Усть-Сысольска тем и отличается от других заселённых мест края, получивших описание, что именно она содержит указания на сельскохозяйственные интересы жителей. Крестьянские черты Усть-Сысольска обнаруживаются не только в его более или менее развёрнутых описаниях, но и в различного вида заметках о современной для публикатора событиях в жизни города и края. Сошлёмся хотя бы на усть-сысольского корреспондента «Вологодских епархиальных ведомостей», который подробно рассказывает о ходе празднования столетия со дня освящения одного из городских храмов и замечает, что «настоящее торжество привлекло много народа, несмотря на то, что уже начался сенокос». «...События, интересные с точки зрения полицейской хроники, редко имеют место в Усть-Сысольском крае, – делится своими наблюдениями «Вологодский листок». – Не бывает в городе сенсационных процессов, грандиозных банкротств, открытий памятников, – скромной и незаметной кажется будничная, трудовая жизнь столицы маленького крестьянского народа». Можно сказать, что по содержанию примет крестьянского быта столица представляет контраст сельской местнос-

ти, в процессе портретирования которой упоминания о нерадивости зырян к полевым работам и скотоводству принимают характер общего места. «Вообще, полевыми работами зырянин занимается небрежно, как попало, без всякого усердия, лишь бы кончить дело. Вследствие этого и родилась любимая пословица зырян: дыш, да агсая – «лень, да бороню», которую они часто употребляют при занятиях, которые им не по сердцу», – рассуждает М.И. Михайлов. По его мнению, зыряне не усердны и в скотоводстве: «Принимая в соображение сторонние требования на разные роды скота, нельзя не удивляться слабому у зырян развитию этой отрасли сельского хозяйства при повсеместном в краю обилии трав и питательных солончаков». Михайлов пишет, что к «разведению домашних животных» больше приучены городские обыватели, чем сельчане, но и те держат его «не столько для собственного потребления или же из видов промышленных, сколько для удобрения пашни, требующей ежегодного унавоживания...».

В целом, по наблюдению литераторов-зыряноведов, возделывание полей и разведение скота являются занятиями городских жителей, так как единственно при Усть-Сысольске имеются обширные участки открытого, освобождённого от леса пространства. По сведениям того же М.И. Михайлова, «под городом Усть-Сысольском считается до 15000 десятин всякого рода земли, всего в окружности на 60 вёрст. При таком богатстве в земле и всегдашнем обилии трав землепашество и скотоводство сделались не только существенными промыслами горожан Зырянского края, но даже предпочтительно перед поселянами. Владея лучшими, чем эти последние, пашнями и лугами, купцы и мещане возделывают свои земли тщательнее, и большие выгоды извлекают из сельского хозяйства. Оттого и хлебо-

пашество у них находится на гораздо высшей степени, чем у поселян». Как представляется, манифестация крестьянских черт столицы зырян – лесного народа, «в жизни которого звериные промыслы составляют главное средство к пропитанию», объясняется не только объективным географическим и экономическим положением города, но связана с реализацией известной цивилизационной теории, согласно которой производящий сельскохозяйственный уклад жизни более способствовал оседлости и, как следствие, социально-культурному развитию народов, чем присваивающее хозяйство кочующих охотников. Образ крестьянского Усть-Сысо́льска формируется по типу древних городов первых скотоводов и земледельцев, перешедших к оседлому образу жизни: в «возделывании полей и размножении домашних животных» (М.И. Михайлов) местному автору видится путь приобщения зырян к цивилизованной жизни, средоточием которой в его представлении и является город. Таким образом, внешне, визуально столичность Усть-Сысо́льска в его описаниях обеспечивается не столько «каменными зданиями», сколько приобщённостью его жителей к сельскохозяйственным видам труда. Именно поэтому используемые под посе́вы «незастроенные места» в пространстве усть-сысо́льского пейзажа принимают на себя функцию, обратную деструкции городского начала. Они не нарушают, а обеспечивают регулярность урбанистического пространства, представляясь своеобразными дубликатами характерных для городской среды природно-культурных локусов – садов и парков.

Существует ещё одна образно-семантическая составляющая Усть-Сысо́льска – он не имеет точно очерченных границ. Окружающие его деревни плавно переходят в деревенское же пространство го-

рода, составляя с ним единый ансамбль. Имея административные границы, Усть-Сысо́льск в описаниях лишён чёткой разделительной черты между территорией, принадлежащей городу, и пригородной зоной, что объясняет перманентное присутствие в его портретах мотива «разбросанности». Этим он отличается от других столичных городов Севера – Вологды и Архангельска, имевших в рецепции литератора XIX столетия типично городскую структуру, т.е. основную часть с окраинами. Усть-Сысо́льск и примыкающие к нему территории имеют тенденцию к общему описанию, составляя одно целое – «усть-сысо́льский край». Смыкание Усть-Сысо́льска с уездом – предмет одного из очерковых произведений П.Б. Богданова. Большую часть его сочинения, опубликованного под названием «Несколько слов о г. Усть-Сысо́льске и его уезде» (1848), занимает рассказ о произрастающих в уезде лесах и трудностях сообщения, об охоте, для которой «в усть-сысо́льском уезде раздолье», о минеральных богатствах края, «приметных по всей Сысо́ле». О топографических особенностях самого уездного центра он сообщает немного: «Город Усть-Сысо́льск окружён первобытными лесами, пересечёнными в разных направлениях реками, речками, ручейками и множеством озёрков, непроходимых болот и топких мест, которые тянутся на несколько десятков вёрст», но в этом лаконичном замечании как раз и намечаются пространственные рубежи города: Усть-Сысо́льск выглядит островной территорией в океане бесчисленных рек и речек, озёр и болот. К образно-смысловому ряду водных, топких мест присоединяется и первобытная непроходимая тайга, на фоне которой город на Сысо́ле – это весь участок суши, по которому возможно свободно передвигаться, открытая и доступная визуальному осмотру

местность, возделываемая человеком земля среди царства лесов.

Усть-Сысольск – географическая и культурная сердцевина края, по усть-сысольской погоде зачастую судят о природно-климатических условиях всей Зыряндии, а по устьсысольцам – об особенностях всего зырянского народа. Будучи столицей, Усть-Сысольск вбирает характерные для всего уезда и края особенности, но, как и любому другому столичному городу, ему приписывают исключительные и даже фантастические черты. В одних случаях Усть-Сысольск по-северному суров: большую часть года Сысолу покрывает лёд, зимние морозы не только «стучат по углам и стенам» домов, но нередко дробят и стёкла, горожане имеют удовольствие продолжительное время наблюдать спутник сильных морозов – северное сияние, и, по рассказам жителей, вблизи Усть-Сысольского соборного храма «пойман был... молодой белый медведь, житель Ледовитого океана». Усть-сысольская зима в описаниях необыкновенно морозная, но не лютая, не способная победить человека. Местный сочинитель рассказывает о ней с весёлой усмешкой, оживляет её, чаще, чем другим временам года, придаёт её образу литературность: «Нынешняя зима в нашем гиперборейском краю, по сравнению с прошлыми годами, наступила очень рано и с самого начала оказалась не в пример жестока в обращении как с нами – личными её врагами, так и с безвинными нашими керками, на которые безжалостно напала с шумом и треском... Несмотря на безвременное и нецеремонное посещение этой гостью, мы встретили её с должным вниманием и не слишком стесняясь: нарядились в шубы, а кто потрусливей, тот для храбрости оделся совершенно зверем, натянул на себя приличные в таком случае совик или малицу, пыжиковую дол-

гоушку-шапку и пимы. Вооружившись таким образом, ходим и расхаживаем свободно по городу и также свободно думаем себе: покорно просим, Матушка, гостя нежданная, пожалуйста...» Несмотря на то, что в зимнюю пору даже от домов-керок «веет морозом», усть-сысольский климат невероятно благоприятен для земледелия. «Труд земледельцев, судя по здешнему краю, значительно вознаграждается урожаем», – пишет Е. Кичин и замечает, что «в огородах некоторых здешних домохозяев созревают огурцы, тыквы, арбузы и дыни», т.е. невероятные для этих мест южные плоды.

Кроме полярных погодно-климатических атрибутов усть-сысольской действительности в модальности превосходной степени подана гастрономическая часть жизни горожан. Столицей страны изобилия, гастрономическим раем, в котором человек щедро вознаграждается дарами не только возделываемой, но и дикой природы, выглядит Усть-Сысольск у Б.П. Богданова, который готов вступить в спор со всяким, кто необоснованно «отнимает должную славу от усть-сысольских рябчиков». «Не верьте, господа, этой молве, – восклицает он. – Лучшие рябчики усть-сысольские... Кроме превосходных рябчиков мы лакомимся тетеревами, куропатками, которыми полны окружающие усть-сысольского леса; утками, которых такая бездна, что если вам захочется попозже вечером прогуляться на близлежащие озера, то по приближении к ним вас удивит непонятный шум, как бы говор 1,000 голосов, подходите к озеру и узнаете причину: оно покрыто, как тёмною тучею, множеством уток, которые гогочут, полощутся, ныряют и не знают, как выразить своё удовольствие, что наконец могут вполне насладиться в любимой ими стихии. Но радость никогда не бывает продолжительна: злодей охотник уже подкрадыва-

ется, раздаётся выстрел, и много недавно весёленьких, бодрых уток остаётся на месте». А «...когда устанавливается зимняя дорога, Усть-Сысольск обогащается дарами Печоры – кедровыми орехами, вкусными рябчиками и рыбой-осетриной, сёмгой, стерлядью, лоховиной и др. Кроме того, мы изоощряем вкус свой и чудной белой рыбицей, нельмой, сигаами, хариусом и проч.» Усть-Сысольск, олицетворяющий Север, подаётся и полагается П. Богдановым особой зоной, средоточием положительных географо-климатических условий жизни человека: «Всё заставляет удивляться всемогуществу и премудрой благодати Творца; ни что им не оставлено, всё уравновешено. Юг красуется его нежными, величественными растениями и громадными слонами, львами, и т.п.; житель Севера гордится маленькими, да удаленькими горностаями, росомахами, лисицами и благодарит Создателя, избавившего его от страшных бурь и ураганов, столь часто свирепствующих на противоположном конце земли».

Приведённые примеры являются превосходной иллюстрацией того, что в формировании литературного образа зырянской столицы участвует не только её реальный прототип, но и архаические семы, восходящие к представлениям о городе как «центре своей земли», «идеальном её воплощении», «прообразе небесного града» (Ю. Лотман). Движущим началом в создании образа Усть-Сысольска является постоянное напряжение между действительным и желаемым, реальностью и идеалом, что объясняется диффузным состоянием авторского сознания, неустановившейся культурной идентичностью автора. Литературная топография Усть-Сысольска строится на балансировании того, что есть, и того, что в ней видится или хочется видеть неокрепшему в собственном региональном самоосознании автору. Закономер-

но, что в текстах региональных авторов пересекаются самые различные впечатления об Усть-Сысольске. Тот же самый П. Богданов, обрисовывавший в восторженных тонах впечатляющие усть-сысольские лакомства, поставляемые зырянами-промысловиками, словно осаживает своего читателя, призывает его к трезвой оценке изобильного естественными богатствами края: «Обширные леса усть-сысольские изобилуют разного рода зверями, доставляющими дорогие меха... Угадываю теперь, благосклонные читатели, ваши мысли и сознаюсь вам, и я так думал, и я услаждал себя надеждою, что все здесь заведены лисицами, росомахами и другими богатыми пушными зверями; приезжаю, – прощайте радостные мечты: и здесь ветерком подбитые шинели очень обыкновенны, а меха, закупаемые торговцами у зырян, отправляются далеко из Усть-Сысольска...»

Одни и те же реально-географические и связанные с ними черты Усть-Сысольска в процессе становления его образа принимают различные толкования и символические смыслы. Удалённость от центра, труднодоступность, предполагающая длительный и нелёгкий путь, физическая обособленность Усть-Сысольска, «окружённого первобытными лесами», опредмечивают захолустную дикость уездного городка; эти же черты в сочетании с природным изобилием усть-сысольского края и благоуспешным земледелием соотносят зырянскую столицу с благодатным местом, архетипическими локусами утопического островного пространства и плодоносящего небесного сада. Сельскохозяйственный уклад жизни устьсысольцев говорит о внешнем несоответствии Усть-Сысольска «настоящему» столичному городу; он же выделяет его из «царства лесов» в особый, более прогрессивно организованный центр.

Людмила ВТЮРИНА

Тэ меным муса, Сыктывкар,
кор паркын шаракылö ар
да кыö уна рöма сер.
Кор мича лунсö вежö зэр.

Тэ меным муса, Сыктывкар,
кор шондi төвса, абу яр,
кор юсьлөн гөн кодь усьö лым,
кор карса туйыс вольк да кын.

И тувсовъя, тэ вывті бур,
көть мыйта чизыр төв оз дур!
Кор лэбö мусукасян ньöв.
Кор еджыд войыс шы ни төв...

Тэ меным муса, Сыктывкар,
кор шковгö-повзьöдчö гим-чард,
кор пляжлөн лыаыс зэв пым.
Кор кодзув киссьö быттö кинь.

Тэ – менам мөдöд чужанін,
и пытшкös гаж, и олöм вын.

Серафим ПОПОВ

Миян Сыктывкар

Пуяслысь вижөдöм коръяс
көдзö асфальт вылö ар.
Сьölöмным тэысь оз торъяв,
Сыктывкөд сывъясьöм кар!

Эм тэнад серпасад вунтöм
войвывлөн ас пөлös мич,
пармалысь вöвлöм лөнъ унсö
вөр-ва көть важөн оз видз.

Биясөн кытшалöм скверын
топольлань топöдчис ньыв,
кылö том войтырлөн серам,
юргö Куратовлөн кыв.

Отвылысь накөд ми ссылам,
ошкам и лысва, и зэр.
Ми весьтын паськаліс ылөдз
енэжлөн кодзулöсь эрд.

Тулысын, арын и төлын
оз воływ радлунлы пом:
кыксё во му вылас олан,
ачыд виль каръяс кодь том!

Павел Артемьев

«Не хлебом единым...»:

**зырянведческий дискурс в культурной жизни
Усть-Сысольска в XIX веке**

В начале XIX века нынешняя территория Коми края входила в состав Архангельской, Вологодской, Вятской и Пермской губерний. Огромная территория была слабо населена, так, в 1835 г. в современных границах Республики Коми проживало 83-84 тысячи человек, среди которых насчитывалось 70 тысяч коми. Численность населения постепенно росла, и в 1860 г. она составила около 110 тысяч человек, из которых 97-100 тысяч были коми и 10-13 тысяч – русские. Основными хозяйственными занятиями коми-зырян по-прежнему оставались сельское хозяйство и промыслы. 98 % земельной площади края принадлежало государству, так что коми считались бессрочными пользователями этой земли, т. е. государственными (казёнными) крестьянами. Оставшиеся 2 % земли принадлежало владельцам Кажымских металлургических и Серёговского солеваренного заводов, а также мещанам городов Яренска и Усть-Сысольска – двух центров крупнейших уездов Коми края. Сельское хозяйство, включая земледелие и животноводство, в силу неблагоприятных климатических условий не могло полностью обеспечить потребности населения, поэтому в коми среде существенным экономическим подспорьем были охота и рыболовство, доход от которых подчас намного превышал прибыль от сельского хозяйства. Достаточно сказать, что на протяжении всего XIX века только белки добывалось от 100 до 400 тысяч штук в год, рябчика – от 200 до 300 тысяч штук, а сёмги вылавливалось до 15 тысяч пудов в год. Пушнина сбывалась на Ирбитской и Нижегородской ярмарках, рябчики, как, впрочем, и сёмга, отправлялись в Вологду, Санкт-Петербург и в Москву. Северные коми – ижемцы – к середине XIX века стали крупнейшими держателями оленей на Севере, в совокупности в 1850-е гг. им принадлежало уже порядка 175 тысяч оленей – против 8-9 тысяч у ненцев и жителей Усть-Цильмы. В крае получила дальнейшее развитие металлургическая промышленность, в XIX веке работало три железоделательных завода на р. Сыsole – Нювчимский, Нючпасский и Кажымский. На них трудились, в основном, вольнонаёмные русские рабочие, использовался и труд крепостных из Центральной России, но на вспомогательных работах принимали участие и коми крестьяне ближайших к заводам волостей.

Развитие на Сыsole чугунолитейного производства в XVIII в. в определённой мере способствовало развитию погоста Сыктывдинпом (русск. – Усть-Сысольское), через который продукция заводов переправлялась в Устюг, Вологду и Архангельск. «Славная зырянская селитьба», как назвал в своих «Дневных записках» погост в устье Сысолы адъюнкт И.А. Лепёхин, будущий академик, в 1772 году по заданию Российской Академии Наук совершавший обследование Северо-Востока России, постепенно превращался в важный для всей Сысолы и Вычегды рынок – экономический центр Зырянского края. 25 января (5 февраля нового стиля) 1780 г. по именному указу Екатерины II Усть-Сысольск был преобразован в уездный город и вместе с уездом вошёл в состав Вологодского наместничества. Официальная церемония открытия города с названием «Усть-Сысольск» (русский перевод коми топонима «Сыктывдинпом») состоялась 10 сентября 1780 г. Был учреждён герб Усть-Сысольска – медведь в берлоге: «В знак того, что такого рода зверей в окрестностях сего города находится довольно». Преобразование погоста в город привело к изменению в социальном статусе его населения: проживавшие здесь крестьяне автоматически вошли в сословие городских обывателей – мещан. 90% населения города до начала XX века составляли коми-зыряне, так что Усть-Сысольск был единственным в Российской империи зырянским городом. Второй город Коми края, Яренск, по национальному составу был русским или русскоязычным, коми-зыряне представляли в нём меньшинство. В течение XIX века сословный состав Усть-Сысольска менялся незначительно, и на 1861 год в процентном соотношении выглядел следующим образом: мещане (80,9 %), государственные крестьяне (26 %), купцы (5,5 %), духовенство (1,4 %), дворяне потомственные и личные (5,6 %), воинские чины, состоящие на службе (3,7 %), и проч. При этом численность населения города насчитывала 3318 человек и только в начале XX века дошла до 5260 человек.

Несмотря на статус города, усть-сысольские мещане в основном занимались сельским хозяйством и мало чем отличались от крестьян других сёл и деревень Коми края. В начале XIX века городская культура коми только начинала складываться и дала первые, ещё совсем малые ростки. Будущая известная детская писательница Александра Осиповна Ишимова, отбывавшая ссылку в Усть-Сысольске с 1819 по 1821 г. вместе с сосланным сюда отцом, О.Ф. Ишимовым, вспоминала, что единственными «просветителями» зырян в этом городе были чиновники – городничие, исправники, судьи, заседатели, вовсе не заботившиеся о народном просвещении. Но культура проникала в зырянские семьи через купеческих детей, торговавших в других городах империи, особенно в Архангельске. Они уже одевались во фраки и привозили своим сёстрам романы, которые читались тайком от взрослых. Ишимова отмечает, что купеческие девушки, «несмотря на своё зырянское происхождение», были образованнее жён чиновников, «барынь», но вынуждены были скрывать свою образованность ввиду «суровых обычаев отцов и мужей». Юная Александра застала ещё традиционные

хороводы на городских вечеринках и зырянских девушек, одевавшихся в традиционные крестьянские сарафаны. Она сама учила их одеваться на городской манер, танцевать вальсы, кадрили, мазурку, писать стихи в альбомы.

В становлении коми-зырянской городской культуры роль купечества трудно переоценить. Наиболее известным и влиятельным купеческим родом Усть-Сысольска были Сухановы, генеалогия которых прослеживается с середины XVII века. Молодой И.И. Лепёхин в своих «Дневных записках» назвал Сухановых «зырянскими князьками» и так писал о них: «Каждый зырянин составляет их как бы природного крестьянина, и всё его стяжание принадлежит Сухановым. Они их задатчивают на хлеб и на звериные промыслы и после обирают всё их житьё-бытьё-богачество. Если где увидишь лучшие нивы в ближайших селениях к Усть-Сысоле и спросишь, кому они принадлежат, отвечают: Сухановым; если где пасутся стада, стада принадлежат Сухановым; да и бывший на Печоре зырянский промысел точильного камня ныне принадлежит Сухановым». Сухановым принадлежал первый каменный дом в деревянном Усть-Сысольске, в этом доме долгое время размещалось уездное училище. Но род Сухановых примечателен и тем, что обобщённый образ их предка вошёл в коми фольклор под именем колдуна-разбойника Шыпичи, первопоселенца Сыктывдинполя – погоста Усть-Сысолы. Реальное разграбление имения Сухановых «лихими людьми», имевшее место в 1739 году, вошло в сюжет предания об убийстве колдуна Шыпичи. В начале XX века предание было записано начинающим собирателем фольклора К.Ф. Жаковым, который по его мотивам создал литературную новеллу «Атаман Шыпича». К 1941 г. относится драматическая поэма Н. А. Фролова «Пемыд пармаын» (В дремучей парме), где также использован фольклорный сюжет о разбойнике Шыпиче. Предполагалось, что по этой драме будет поставлена первая национальная опера, однако по ряду обстоятельств этого не случилось.

Кроме Сухановых, в Усть-Сысольске в разные годы XIX века насчитывалось от семи до двадцати купеческих фамилий. В основном, это были выходцы из крестьянского сословия ближайших к городу волостей, сделавшие торговую карьеру и сумевшие выйти в купечество. По-разному складывались их судьбы, но некоторые из них внесли существенный вклад в создание культуры родного Зырянского края. К примеру, М.М. Новосёлов, выходец из черносошных крестьян Койгородской волости, став предпринимателем, поддержал два важнейших для города культурных проекта: открытие уездного приходского училища (он организовал сбор средств и пожертвовал для училища свой дом) и учреждение Усть-Сысольской библиотеки (в 1837 г. Матвей Новосёлов вошёл в число первых девяти членов учредителей и сделал уставной взнос). Усть-Сысольская библиотека стала первой общественной библиотекой Вологодской губернии и одной из первых подобных в России.

Примечательна судьба усть-сысольских купцов Латкиных, братьев Василия Николаевича и Михаила Николаевича. Василий с начала 1840-х гг. живёт в Петербурге, числясь

при этом усть-сысольским купцом. В 1841 г. он совершает первую свою исследовательскую поездку на Печору к брусняной горе на Урале. В 1843 году В.Н. Латкин совершает вторую поездку на Печору: с верховьев Вычегды волоком добирается до Печоры, спускается до устья Усы, затем до Усть-Цильмы, где встречается с экспедицией Кейзерлинга и Крузенштерна. Впечатления от этих поездок были изложены в дневниках, изданных отдельной книгой в 1853 году. Дневник содержит многочисленные описания природы, богатств Печорского края, но ценность его и в том, что он написан в традиции русского литературного путешествия, и по мнению В.А. Лимеровой, может рассматриваться как «этапный момент возникновения литературной традиции у коми». Публикация дневника вызвала большой интерес в российском обществе и привлекла внимание читающей публики к личности В.Н. Латкина. Среди его знакомых были А.Н. Герцен, Ф.М. Достоевский, В.М. Гаршин и даже первооткрыватель Трои Генрих Шлиман. Мечта об освоении Печорского края не покидала В.Н. Латкина. Нажив миллионное состояние на золотых приисках в Сибири, он вкладывает деньги в создание Печорской компании. Предполагалось развернуть лесозаготовки на Печоре, построить в устье реки морской порт, через который древесина будет вывозиться в Европу, но проект не получил поддержки правительства, В.Н. Латкин в конце концов разорился и умер в бедности в Петербурге в 1867 году. Его брат, Михаил Николаевич, стал первым в Усть-Сысольске купцом первой гильдии, но кроме коммерческих предприятий занимался благотворительностью: был попечителем городской больницы и членом Усть-Сысольского тюремного комитета, а будучи городским головой, принимал самое непосредственное участие в судьбе приходского училища. Благодаря его поддержке в 1858 году было открыто Усть-Сысольское второразрядное женское училище. Михаил Николаевич содержал лучшую в городе домашнюю библиотеку, книгами которой могли пользоваться многие чиновники и учителя. Кроме того, в доме Латкиных устраивались еженедельные приёмы, на которых не только развлекались танцами и игрой в карты, но и обсуждали новинки литературы, спорили о проблемах российской общественной жизни. Ближайшим сподвижником М.Н. Латкина был купец И.Н. Забоев. Он также активно поддерживал развитие образования в крае, в частности, оплатил открытие первой женской школы. Его дочери Елизавета, Антонина и Феоктиста стали учительницами, и благодаря воспоминаниям Феоктисты Забоевой известны некоторые факты из жизни И.А. Куратова, П.Ф. Клочкова. Из купеческой среды вышел один из первых коми литераторов Г.С. Лыткин, также первым из коми получивший высшее светское образование.

Формированию национального культурного процесса немало способствовало становление системы народного образования. При всех своих издержках, эта система обеспечивала воспитание и воспроизводство грамотных людей из местного населения и, что немаловажно, привлекала в край представителей русской интеллигенции для работы в открывавшихся школах. В разные годы в школах и училищах Коми края

работали учителями М.И. Михайлов, Е.В. Кичин, В.Е. Кичин, Ф.А. Арсеньев, П.И. Городецкий, Я.М. Шаламов, А.А. Снятков и многие другие, усилиями которых была образована готовая к литературному общению интеллигентная среда из зырян. Достаточно сказать, что учениками этих людей в разное время были И.А. Куратов, Г.С. Лыткин, К.Ф. Жаков, А.Е. Попов, П.А. Сорокин и другие.

В 1805 году в г. Яренске было открыто народное училище, в 1808 г. оно было преобразовано в двухклассное уездное училище. Эта школа и стала первым учебным заведением на территории Коми края. В 1822 году по ходатайству Вологодского Преосвященного Онисифора для детей зырянского духовенства были открыты приходское духовное училище при городском Троицком соборе в г. Усть-Сысольске и уездное духовное училище в г. Яренске. В приходское училище Усть-Сысольска принимали мальчиков из семей духовенства, а после двух лет обучения дети продолжали учёбу в уездном духовном училище в Яренске. В 1820-е гг. были открыты также две сельские приходские школы – в Объячево и в Ижме. В 1835 году по ходатайству «городского общества» в Усть-Сысольске было открыто первое светское учебное заведение – приходское училище Министерства народного просвещения. Училище разместилось в доме, который пожертвовал для него купец М. Новосёлов, и финансировалось из городской казны. В 1840 году в Усть-Сысольске открылось уездное училище, которое содержалось за счёт государственных средств. В 1850 году для училища был приобретён двухэтажный каменный дом купцов Сухановых. В 1858 году состоялось открытие второразрядного женского училища – первой школы для девочек в Коми крае. Через год подобное училище было открыто в Яренске, а в 1870-м году оба училища были преобразованы в женские прогимназии. В 1860-70-е гг. открылись приходские школы почти во всех крупных населённых пунктах Коми края, особенно это касается приходских школ епархиального ведомства. Так, только за десятилетие с 1860 по 1870-й г. в Усть-Сысольском уезде имелось уже 10 сельских училищ и 32 церковно-приходские школы; в Яренском уезде – 6 сельских училищ, Яренское второразрядное женское училище, 21 церковно-приходская школа; в Печорском уезде – 4 приходские и 7 церковно-приходских школы. Всего в 1870 году в крае действовало 85 школ, в которых обучались 1551 мальчик и 74 девочки.

Достаточно острой, особенно в первой половине XIX века, была проблема преподавательских кадров. Квалифицированных педагогов было мало, по свидетельствам современников, уроки зачастую были скучными, однообразными и «оживлялись» только телесными наказаниями. Положение усугублялось тем, что дети не знали русского языка, на котором велось обучение, – 90% населения Усть-Сысольска были коми, а в волостях русских не было вовсе. Г.С. Лыткин, обучавшийся в свои детские годы в Усть-Сысольском приходском и уездном училищах, писал: «И в приходском и в уездном училищах... предметы преподавались на русском языке, нам непонятном,

русскими учителями, не знавшими зырянского языка; даже наши законоучители, родом Зыряне, или не могли, или находили ненужным давать нам объяснения на родном языке». В связи с этим, в 1870 году Усть-Сысольское земское собрание приняло решение о подготовке учителей из зырянского населения. Первоначально учителями назначались выпускницы женской прогимназии, прошедшие дополнительные курсы подготовки, а после открытия в 1872 году Тотемской учительской семинарии земство учредило специальную стипендию для обучающихся здесь зырянских детей. Однако серьёзность языковой проблемы впервые осознало духовенство, и уже в 1843 году по Указу Святейшего Синода в Вологодской духовной семинарии открылся «зырянский класс», готовящий священнослужителей для Зырянского края. Инициатором создания такого класса был Павел Иванович Савваитов (1815-1895), в то время профессор философии и преподаватель всеобщей гражданской истории Вологодской семинарии. Столкнувшись с проблемой перевода богослужебных книг на коми язык, он самостоятельно выучил его, совершил две поездки в Коми край (в 1841 и 1846 гг.) для сбора лексического и фольклорно-этнографического материала, и в 1850 году издал коми-зырянскую грамматику и русско-зырянский словарь. Эта грамматика по праву считается одной из основополагающих работ, положивших начало становлению норм коми литературного языка. В 1843 году П.И. Савваитов переводится из Вологды на должность профессора Санкт-Петербургской духовной академии, оставляя «зырянский класс» молодому преподавателю семинарии Алексею Ивановичу Попову (1815–1886). Выбор Савваитова не был случайным. А.И. Попов, как и он сам, закончил Вологодскую семинарию, а в 1842 году – Московскую духовную академию. Кроме того, А.И. Попов родился в семье священника из с. Нёбдино Усть-Сысольского уезда, то есть принадлежал к сословию просвещённого зырянского духовенства. Надо полагать, что сам А.И. Попов готовился к этой должности: сохранилась его рукопись «Грамматика зырянского языка», датированная 1843 годом. По этой грамматике он и преподавал коми язык в течение 12 лет. Через «зырянский класс» прошли многие коми и русские семинаристы, ставшие затем священнослужителями, а также учителями уездных училищ и приходских школ Коми края.

По примеру Вологды коми язык стали преподавать и в других духовных учебных заведениях. В 1853 году курс коми языка был включён в число предметов Яренского духовного училища, в 1860 году – Архангельской духовной семинарии, тогда же его стали учить и в Тотемской учительской семинарии. Учителем коми языка в Яренском училище был Андрей Ефимович Попов (1816–1864) – личность безусловно одарённая, один из первых зырян-литераторов. А.Е. Попов родился около 1916 года в семье священника Богородской церкви с. Вишера, учился в Яренском училище, затем в Вологодской семинарии, но в сан священника не был рукоположен, уволившись из семинарии в звании студента. Он начал свою карьеру учителя в уездном училище

г. Усть-Сысольска, затем работал в Вологодском духовном училище, а в 1853 году по собственному желанию перевёлся в Яренское духовное училище, в котором преподавал вплоть до своей кончины. В истории культуры народа коми А.Е. Попов остался как один из самых продуктивных переводчиков духовной и светской литературы на коми язык. В 1842 году вышла его книга «Краткая священная история на зырянском языке», в 1845 году – «Наставление, как уберечься от оспы, и прививка предохранительной оспы», в 1861–1863 гг. А.Е. Попов издаёт «Избранные места из книги Училища благочестия на русском и зырянском языках. Книги I и II». Помимо переводов, А.Е. Попов принимал участие в обсуждении книги П.И. Савваитова «Грамматика зырянского языка», совершил экспедицию в Печорский край для изучения местных диалектов коми языка и по материалам той поездки написал статью «Несколько поверий, примет и загадок коми народа», рукопись которой хранится сегодня в Архиве ИРГО.

Яренское духовное училище в течение долгого времени было «кузницей кадров» коми духовенства и интеллигенции. Ежегодно училище заканчивало порядка двадцати человек, отправлявшихся затем для продолжения учёбы в Вологодскую семинарию. Некоторые из них потом служили учителями в учебных заведениях края или делали карьеру чиновников. Так, Иван Алексеевич Куратов и сын причетника с.Гривы Усть-Сысольского уезда Асингкрит Иванович Попов, закончивший семинарию студентом, были определены на службу по военному ведомству в Штаб Казанского Военного округа для приготовления в аудиторы с утверждением в чине коллежского регистратора. Впоследствии И.А. Куратов был направлен к месту службы в Семипалатинск, а А.И. Попов стал помощником прокурора Казанского Военно-Окружного суда. Однако большинство выпускников Яренского училища и семинарии по завершении учёбы возвращались для службы в приходах и учебных заведениях Коми края. Историограф училища В.П. Шляпин подчёркивает, что «в этом обстоятельстве открывается нам значение Яренско-Устьсысольского духовного училища для отдалённых в губернии Яренского и Устьсысольского уездов».

В складывающейся в XIX веке системе образования Коми края участие духовенства было крайне важно. Это было связано с тем, что после утверждения в 1884 году «Правил о церковно-приходских школах» развитие начальной школы сконцентрировалось именно на этом типе учебных заведений. Так, если в 1884 году земские школы ещё преобладали, то уже в 1896 году в Усть-Сысольском уезде было 30 церковно-приходских школ против 18 земских, в Яренском уезде было 38 церковно-приходских школ, а земских не стало вовсе. При этом процент грамотности населения Яренского уезда составлял 36,4 (мужчин) и 8,1 (женщин) против 26,07 (мужчин) и 4,8 (женщин) Усть-Сысольского уезда и был выше, чем в целом по Вологодской губернии – 32,78 (мужчин) и 6,75 (женщин). Преподавательская деятельность духовенства не ограничивалась рамками церковно-приходских школ. Поскольку Закон Божий был обязатель-

ным предметом во всех школах, то священнослужители, в особенности городские, состояли учителями и в других учебных заведениях, причём зачастую безвозмездно. Протоиерей Усть-Сысольского Троицкого собора Вонифатий Георгиевич Кокшаров (1811-1880) преподавал в Усть-Сысольском духовно-приходском училище с 1834 по 1867 г., с 1837 по 1867 г. состоял смотрителем этого же училища, кроме того, преподавал в уездном училище с 1854 по 1860 г., а также в женском второразрядном училище с 1858 по 1874 г. – безвозмездно. Сын Вонифатия Кокшарова, Павел, после окончания Вологодской семинарии работал учителем уездного училища и преподавал в женском училище в Усть-Сысольске.

Немалый вклад был сделан духовенством и в изучение древностей Зырянского края. В отличие от других народов России, зыряне (коми) с XIV века имели письменную историю, поэтому первоначально просвещённая русская интеллигенция интересовалась только памятниками древней стефановской письменности. Известен интерес, который проявлял к стефановскому наследию митрополит Евгений (Болховитинов), опубликовавший в 1814 году первую научную статью, обобщающую все выявленные на то время сведения по этому вопросу. Будучи Вологодским епископом (1808-1813), Евгений совершил поездку в Усть-Вымь и отслужил литургию. Здесь он ознакомился с местными историческими документами, которые, возможно, послужили основой его работ «О древностях вологодских и зырянских» и «О зырянском народе и зырянском монастыре». Высоко оценивая деятельность Стефана Пермского, Евгений сетовал о малой сохранности древней зырянской письменности, и это внимание высокопоставленного лица к местным реликвиям подвигло зырянских священнослужителей к поиску старинных документов. Во всяком случае, на рукописи «Старинная летопись устьвымской Архангельской и Благовещенской церкви и царские грамоты», обнаруженной в 1927 году П.Г. Дорониным, была пометка: «По просьбе старосты Оквадской Введенской церкви с подлинных снял копии вологодский семинарист А. Шергин. По указу преосвященного Евгения Вологодского подлинные велено отослать в архиерейский дом на Вологду. Июня 13 дня 1813 года». Местонахождение подлинников рукописей, как, впрочем, и упоминаемых Евгением зырянских исторических документов, собранных Вологодским генерал-губернатором А.П. Мельгуновым, до сих пор неизвестно. Тем не менее, работы епископа Евгения (Болховитинова) положили начало научным изысканиям в области пермских древностей – поиску других памятников стефановской азбуки, попыткам расшифровки древнезырянских надписей, изучению биографии Стефана Пермского, осмыслению процесса христианизации коми – вплоть до обобщающих эти изыскания книг М.И. Михайлова, П.Д. Шестакова, Г.С. Лыткина, А. Красова, а также многочисленным биографическим статьям о Стефане Пермском, в которых начинает складываться беллетризованный образ святителя.

Александр Васильевич Шергин (1789-1837), снявший копию с древнекоми исторических документов, среди которых была знаменитая Вычегодско-Вымская летопись, был уроженцем Устюга. В 1799 году его отец Василий был рукоположен в священники к Усть-Сысольскому Троицкому собору, семья десятилетнего Александра переселяется в Усть-Сысольск. А. Шергин закончил Вологодскую семинарию и с 1814 по 1822 год преподавал в Сольвычегодском уездном духовном училище. В 1822 году он возвращается в Усть-Сысольск и становится смотрителем духовно-приходского училища. В этот же период он переводит на коми язык книги Нового Завета, а в 1823 году на средства Российского библейского общества издаёт Евангелие от Матфея в своём переводе на коми язык. В 1825 году А. Шергин был рукоположен в священники и определён протоиереем к Усть-Сысольскому Троицкому собору.

Важной вехой в развитии европейской и русской исторической и культурфилософской мысли XIX века стало появление новой для этого времени научной дисциплины – этнографии. Пробуждение интереса к «древностям», к народной культуре имело под собой мощную философскую базу в трудах Перси, Гердера, Макферсона, Вуда, Шеллинга и др., идеи которых, в свою очередь, оказали огромное влияние на русскую интеллигенцию. В становлении отечественной этнографии приняли участие многие русские литераторы, сочетавшие научно-этнографическую деятельность с художественным творчеством. Не случайно в 1845 году одним из организаторов и наиболее активных сотрудников Императорского Русского географического общества, приоритетной задачей которого стало этнографическое изучение народов России, был В.И. Даль, известный не только как этнограф и лингвист, но и как видный писатель-беллетрист своего времени. Среди членов ИРГО были литераторы: П.И. Мельников-Печорский, С.В. Максимов, Г.П. Данилевский, А.А. Потехин, деятельность РГО оказала влияние и на таких известных русских писателей, как И.С. Тургенев, А.Ф. Писемский, Д.В. Григорович, Ф.М. Решетников и др. Их творческий вклад в развитие этнографии был настолько велик, что в 1864 году журнал «Современник» писал о значении «этнографической беллетристики» в русской литературе, а десятилетием позже журнал «Дело» констатировал отсутствие интереса читающей публики к статьям учёных-этнографов, в то время как популярностью пользовались творения «этнографов-беллетристов», которые, в отличие от первых, «обрабатывают» этнографический материал в форме рассказов, очерков, путешествий, а также «украшают» его описаниями природы и размышлениями. Разумеется, степень художественного освоения этнографического материала напрямую зависела от степени таланта пишущего, однако можно с уверенностью говорить, что творчество писателей, ориентированных на народознание, оказало существенное влияние на творчество включившихся в этнографическую практику провинциальных корреспондентов ИРГО, – учителей, священников, чиновников, готовивших статьи как для центральных «Живой старины»,

«Москвитянина» или «Этнографического обозрения», так и для провинциальных «Губернских ведомостей». Это влияние определялось и тем, что провинциальные корреспонденты ИРГО не были профессиональными этнографами – таковых в то время и во всей России было мало, так что образцами служили выходявшие в различных изданиях произведения писателей-народознатцев, поэтому специфика большей части этнографических публикаций XIX века выражена в синкретизме жанровых признаков научного (этнографического) и художественного произведений. Можно констатировать, что, с одной стороны, этнографические исследования оказали несомненное воздействие на развитие реалистического направления в русской литературе, а с другой – они стали одним из основных факторов становления художественного сознания в российских провинциях. Зыряноведческие материалы появлялись в российской печати XIX в. и до основания РГО. В 1830 году правительство Николая I приняло решение издавать «Губернские ведомости», в которых могли печататься официальные постановления, объявления и известия, сообщения о происшествиях. Наряду с этим в «Ведомостях» стали печататься заметки и статьи народоведческого характера. Так, публикации о Зырянском крае и о зырянах (коми) появляются на страницах «Вологодских губернских ведомостей» (далее – ВГВ) уже в 1830-е гг., немного позже – в Архангельских и Вятских губ. ведомостях. Пожалуй, первой зыряноведческой публикацией в ВГВ следует признать напечатанную в № 51 за 1838 год легенду «Слепой Гам» – устный рассказ о крещении язычников с. Гам Стефаном Пермским. Очевидно, это первая публикация коми фольклорного текста, в дальнейшем эта легенда неоднократно использовалась в различных очерках о Стефане Пермском, во множестве изданных в XIX веке, зафиксирована она и в конце XX века в вымской фольклорной традиции.

С начала 40-х гг. XIX в. народоведческие материалы о зырянах начинают публиковать учителя уездных школ и училищ. Больше других известно о трудах учителя русского языка Усть-Сысольского уездного училища Михаила Ивановича Михайлова (1821-1853). В 1840 году он заканчивает Вологодскую гимназию и приезжает в Усть-Сысольск. Его учёная карьера продолжается сравнительно недолго: первая статья «Небдинская ярмарка в Устьсысольском уезде и несколько слов об ижемцах и самоедах» была опубликована в 1846 году, а уже в 1853 году в возрасте 32 лет Михайлов скоропостижно скончался. В этот семилетний период им опубликовано порядка десяти объёмных этнографических статей, а также большой исторический труд «Описание Усть-Выма». 1846 годом датируется рукопись «Заметки о зырянах», хранящаяся в архиве ИРГО и опубликованная позднее в журнале «Москвитянин». Это очерки по истории и этнографии зырян, в которых автор ставит задачу осветить все имеющиеся на то время факты по истории зырян, особо рассмотрев вопрос об их происхождении.

Летом 1849 года М.И. Михайлов по поручению Санкт-Петербургского попечительского совета уездных училищ был командирован в Яренский уезд и в северо-восточ-

ные волости Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии для сбора этнографических и статистических сведений. Очевидно, что большая часть из собранных им материалов была обнаружена в Устьвыме (так тогда называли нынешнее с. Усть-Вымь) и в близлежащих сёлах. Уже в начале 1850 года ВГВ начинают публикацию серии очерков М.И. Михайлова, названных им «Устьвым», а в 1851 году в Вологде выходит его книга «Описание Устьвыма, составленное учителем Устьсысольского уездного училища». Это сочинение не является в полной мере этнографическим, скорее, это произведение историко-литературного характера, пусть и содержит фольклорные легенды о Стефане Пермском, используемые автором в качестве достоверных фактов.

В 1852 году М.И. Михайлов был избран членом-сотрудником Императорского Русского географического общества. Это было почётное избрание, хотя оно и накладывало на него новые обязательства помимо основных учительских занятий. Из всех исследователей, изучавших Зырянский край, этого звания в XIX веке удостоились только М.И. Михайлов и С.Е. Мельников. В 1851-1852 гг. Михайлов публикует ряд очерков в «Журнале Министерства внутренних дел» и в ВГВ. Вероятно, от М.И. Михайлова можно было бы ожидать и более крупных работ по этнографии и истории зырян, если бы не его преждевременная смерть. Влияние его на коми этнографию и на всё зыряноведение в целом огромно, очерки М.И. Михайлова на долгие годы стали классикой зыряноведения, и с трудов М.И. Михайлова начинается формирование устьсысольского зыряноведческого дискурса.

Так, приехавший в 1848 году в Усть-Сысольск Е.В. Кичин обнаружил здесь неожиданно приятную культурную атмосферу. В своих «Заметках об Усть-Сысольске» он с удивлением отмечает, что почтовая станция, в которой ему пришлось ночевать, намного вместительней и обставлена лучшей мебелью, чем в тех, в которых ему приходилось видеть в пути. При том, что хозяин почтовой станции – «природный зырянин Иван Назаров». Еще более благоприятное впечатление вызывает у него «благородное общество», среди которых он обнаруживает уже известных ему, очевидно, по публикациям людей: «Среди мужчин этого круга существует какое-то особенное, отличное от других мест дружеское или, лучше сказать, братское обращение. Между ними есть и такие лица, которые уже известны и учёному миру. В этом отношении нельзя не упомянуть здесь и Н.П. Попова, уже более десяти лет занимающегося составлением зырянского словаря. Этот его труд известен Академику Шёгрёну и Царской Академии наук. Ныне ещё священник Усть-Сысольского Троицкого собора Михаил Георгиевский, законоучитель здешнего уездного училища, изъявил желание своё... участвовать в продолжении зырянского словаря. После Попова обращает на себя внимание М.И. Михайлов, учитель Усть-Сысольского уездного училища, который исследования свои о зырянах... представил через своё начальство в Русское географическое общество и вступил в переписку с академиком Погодиным, который

желает получить что-нибудь о зырянах для издаваемого им журнала «Москвитянин». «Благородное общество», которое застал в конце 40-х гг. XIX в. Е.В. Кичин, представляло сравнительно тонкий слой населения города. Сюда входили семьи учителей, врачей, чиновников, духовенства, купечества, отличавшиеся более высоким уровнем образования, хотя основная масса городских жителей, преимущественно коми, была фактически неграмотной. Впрочем, тот же Кичин отмечает в своих заметках, что зыряне способны к учению, и зырянские дети, первоначально даже не знавшие русского языка, быстро осваивают азы грамоты и довольно скоро начинают читать и писать по-русски. Создаётся впечатление, что усть-сысольское «благородное общество» XIX века поставило своей целью, с одной стороны, изучить быт и нравы зырян в их нетронутости образованием, а с другой – всецело просветить их.

Очевидно, под влиянием окружающей обстановки, служивший с 1848 по 1853 гг. в должности штатного смотрителя Усть-Сысольского духовного училища Е.В. Кичин также включился в зыряноведческий дискурс. Но краеведением он увлекался ещё со времён службы в Кадниковском уездном училище. Уже тогда он начал публиковаться в «Вологодских губернских ведомостях» и стал корреспондентом Русского географического общества. Во время пребывания в Усть-Сысольске Е.В. Кичин интересуется историей и обычаями Зырянского края и публикует ряд статей историко-этнографического характера. Сын Е.В. Кичина, Василий Евгеньевич Кичин (1848–1907?), в 1867–1873 гг. работал учителем истории, географии в Усть-Сысольском уездном училище, затем шесть лет преподавал в Вологде, в 1873 году снова вернулся в Усть-Сысольск и до 1905 года служил инспектором народных училищ Усть-Сысольского уезда, а также преподавал в городском училище и женской прогимназии. Свои этнографические очерки о Зырянском крае и об Усть-Сысольске В.Е. Кичин начал писать, работая учителем в уездном училище. Всего им было написано порядка десяти очерков, в которых он старался раскрыть разные стороны жизни Усть-Сысольска и его жителей. В 1860-е гг. В.Е. Кичин был дружен с И.А. Куратовым, который в это время преподавал в духовно-приходском училище. В знак дружбы И.А. Куратов посвятил ему свою работу «Зырянский язык», опубликованную в «Вологодских губернских ведомостях». Учеником В.Е. Кичина был К.Ф. Жаков, вспоминавший в романе «Сквозь строй жизни» его уроки истории с лёгкой усмешкой: «Сам смотритель рассказывал нам о Рюрике и Синеусе и других сказочных героях, о «голубоглазых» будто бы славянах и об угрюмых финнах, но ни словом не заикнулся, что зыряне тоже финны».

В уездном училище с 1858 по 1862 г. преподавал русский язык Ф.А. Арсеньев (1832–1889). Уроженец Ярославской губернии, он учился в Демидовском лицее в Ярославле и уже в середине 1850-х гг. зарекомендовал себя как страстный охотник и как литератор. Его рассказы и очерки публикуются в «Ярославских губернских ведомостях», в 1864 г. в Санкт-Петербурге выходят отдельной книгой «Охотничьи рас-

сказы». Приехав в Усть-Сысольск, Арсеньев включается в «зырянскую» тему, не оставляя её даже после переезда в Вологду в 1862 году. Он учительствует в Вологодском уездном училище, затем работает секретарём Вологодского статистического комитета, но также пишет очерки о Коми крае на страницах местной печати. В 1882 году он возвращается в Усть-Сысольск чиновником по крестьянским делам, затем служит почётным мировым судьёй и умирает в ставшем ему родным городе 1889 году. Творческое наследие Ф.А. Арсеньева велико, оно включает и беллетристику, этнографические изыскания. Одних только работ по этнографии зырян современный историограф этнографии А.И. Терюков насчитывает более тридцати. Особое место среди них занимает небольшая книга «Зыряне и их охотничьи промыслы», в которой в жанре этнографической беллетристики впервые были рассмотрены охотничьи и рыболовные занятия коми народа. Ф.А. Арсеньев известен и тем, что в 1863 году открыл первую в Вологде частную публичную библиотеку, позднее пожертвовав её женской прогимназии г. Усть-Сысольска.

Упомянутый Е.В. Кичиным в составе «благородного сословия» Николай Павлович Попов, русский офицер в отставке, известен как автор «Учебника зырянского языка», изданного в 1863 году, но самое удивительное дело, которому он посвятил всю свою жизнь без остатка, – это составление русско-зырянского словаря. В письме А.И. Шёгрёну от сентября 1846 года он называет себя «зырянофилом», к ним же он относит и П.И. Савваитова, с которым общался в Усть-Сысольске в этом же году, помогая в сборе материала по коми языку и фольклору. Н.П. Попов (1801-1873) родился в Яренске, окончил Павловский кадетский корпус, служил в армии, и в 1834 году в чине штабс-капитана вышел в отставку. В том же году он приезжает в Усть-Сысольск, служит уездным стряпчим, а с 1847 года он – дворянский заседатель Усть-Сысольского уездного суда. В письме А.И. Шёгрёну Н.П. Попов упоминает, что замыслил создание словаря в 1830 году, будучи ещё на службе, однако этот труд был начат священником из с. Шешам Василием Михайловым и усть-сысольским мещанином Иваном Мальцевым. В августе-сентябре 1827 года в Усть-Сысольске останавливается во время своей поездки по российскому северу, Вятскому краю и Поволжью будущий академик А.И. Шёгрэн. В изучении коми языка он находит помощь в лице И.Р. Мальцева, видит в нём перспективного и хорошо образованного человека и предлагает ему заняться составлением словаря. После отъезда Шёгрёна из Усть-Сысольска И.Р. Мальцев приступает к работе. Наверное, Мальцев сумел бы собрать материалы и составить словарь, но в 1830 году он скоропостижно скончался. Через некоторое время в работу над словарём включается Н.П. Попов, ему удалось собрать и возглавить коллектив любителей-лексикографов в составе купеческого сына А.С. Суханова, крестьянина Ф.Я. Попова и чиновника А.С. Моторина. Неизвестно, был ли взят за основу словарь Мальцева-Михайлова, но новый коллектив с усердием взялся за словарную работу. Надо полагать, некоторый

опыт в подобной работе у членов группы был. Филипп Якимович Попов, крестьянин из с. Усть-Кулом, имел неплохое для крестьянина образование, знал русский язык. Он самостоятельно составил описания рек Усть-Сысольского уезда, Печоры и верховьев Вычегды, а в 1843 году предоставил эти материалы печорской экспедиции А.А. Кейзерлинга и П.И. Крузенштерна и сопровождал экспедицию в качестве переводчика. Алексей Степанович Суханов был из рода «зырянских князей» – усть-сысольских купцов Сухановых – и также был известен А.И. Шёгрёну как знаток коми языка. Афанасий Степанович Моторин закончил Вологодскую семинарию, учился у П.И. Савваитова, он подключился к группе на втором этапе и редактировал уже последний вариант «Русско-зырянского словаря». Таким образом, в Усть-Сысольске сложился первый научный лексикографический коллектив, деятельность которого координировалась Императорской Академией наук в лице академика А.И. Шёгрёна. Н.П. Попов, для которого коми язык не был родным, занимался систематизацией лексического материала, распределением его в алфавитном порядке, переписыванием набело, в то время как остальные участники занимались сбором материала. В 1843 году четыре тома словаря в составе 50 тысяч параллельных русских и коми слов были отправлены в Санкт-Петербург.

Рукопись словаря получила блестящий отзыв академика А.И. Шёгрёна, однако по неизвестным причинам словарь так и не был издан. После этого коллектив Н.П. Попова приступает к работе над другим вариантом словаря, взяв за основу «Словарь церковно-славянского и русского языков», изданный в 1847 году Академией наук. В 1863 году работа над словарём была завершена, он по частям был отправлен в Санкт-Петербург. Новый вариант «Русско-зырянского словаря» включал также, как и первый 4 тома, 2426 листов и содержал порядка 70 тысяч слов. К этому времени скончался академик А.И. Шёгрён (1855), и рукопись отдали на рецензию академику Ф.И. Видеману. Видеман внимательно проанализировал словарь и высоко оценил работу, но не рекомендовал словарь к изданию, – по его мнению, словарь нуждался во внесении некоторых корректив. Беспрецедентная работа коллектива усть-сысольских лексикографов продолжалась более 30 лет, и очевидно, что сил на исправления у них уже не было. Хотя словарь не был издан, Н.П. Попов выдвинул его на соискание Демидовской премии, но, несмотря на ходатайство Ф.И. Видемана, премия не была присуждена, поскольку по положению её не могли присудить за рукопись. Впоследствии рукопись приобрела Академия наук за 1400 рублей. Сам Ф.И. Видеман воспользовался рукописью словаря, составив на его основе «Коми-немецкий словарь», вышедший в 1880 году. В дальнейшем Академия наук решила всё же опубликовать словарь и поручила подготовку к изданию Г.С. Лыткину и академику К.Г. Залеману. В итоге «Русско-зырянский словарь», составленный Г.С. Лыткиным по рукописи Н.П. Попова под редакцией К.Г. Залемана, вышел в свет в 1931 году.

В «Заметках» Е.В. Кичина прослеживается его восхищение людьми Зырянской земли, которые, проживая буквально на краю света, не только не выпадают из общего контекста культурной жизни Российской империи, но и сами создают условия для развития культуры, а также и приобщают к ней остальное население. Он пишет: «Не лишним считаю сказать, что ни в одном уездном городе нашей губернии не замечается среди благородного сословия такого общего стремления к образованности, как здесь, на краю Европейского света: с 1837 года и до сих пор поддерживается многими лицами учреждённая тогда общественная библиотека, которая находится теперь под наблюдением А.Н. Попова в его собственном доме». В 1836 году усть-сысольское «благородное сословие» выступило с инициативой создания общественной библиотеки. С этой целью был открыт сбор средств и направлено ходатайство в Вологодское губернское правление. После получения официального разрешения Усть-Сысольская публичная библиотека была открыта 20 октября 1837 года. В числе первых учредителей библиотеки, из тех, кто собирал деньги на приобретение книг, были чиновники и купцы: городничий И.Л. Шульц, окружной усть-сысольский лесничий, титулярный советник А.С. Грузнов, усть-сысольский уездный казначей В.И. Попов, дворянский заседатель Усть-Сысольского земского суда В.И. Суровцев, усть-сысольский уездный стряпчий Н.П. Попов, уездный лекарь Д.П. Щеголев, городской голова, купец М.М. Новосёлов, купец В.И. Сколепов и купеческий сын М.Н. Латкин, в будущем купец первой гильдии и городской голова. Есть основания полагать, что определённое отношение к открытию библиотеки имел и Николай Иванович Надеждин, находившийся в ссылке в Усть-Сысольске с июля 1837 по январь 1838 года. Открытие Усть-Сысольской библиотеки имело широкий резонанс, это событие освещалось в «Вологодских губернских ведомостях» и в «Журнале Министерства внутренних дел». Дело в том, что библиотеки в это время были редкостью даже в губернских центрах, так, в самой Вологде общественная библиотека была открыта только спустя 27 лет после усть-сысольской. Не удивительно, что библиотека получала всестороннюю поддержку как финансового характера, так и в виде бесплатных подписок на газеты и журналы. Так, бесплатно высылали книги и подписки на журналы писательница и издатель журналов «Звёздочка» и «Лучи» А.О. Ишимова, Н.И. Надеждин, литератор и издатель газеты «День» И.С. Аксаков, геолог А.А. Кайзерлинг, в дар библиотеке передавала книги и Императорская Академия Наук.

Таким образом, к середине XIX века в Усть-Сысольске складывается обстановка, способствующая формированию городской культуры коми-зырян. Благодаря развивающейся системе образования происходит постепенное увеличение количества грамотных людей, особенно это касается духовного и купеческого сословий, чьи дети имеют возможность получить образование и за пределами Коми края. С другой стороны, система образования привлекает в край творческих людей, которые не только работают в этой системе, но и активно включаются в зыряноведческий дискурс.

Игорь Жеребцов

Жеребцов Игорь Любомирович (род. 24.11.1960 г. в Сыктывкаре). Окончил сыктывкарскую школу №4, исторический факультет Сыктывкарского государственного университета, с 1983 г. работает в Институте языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. С 2011 г. – директор института. Один из ведущих учёных-историков Российского Севера. Опубликовал более 300 научных работ, в том числе более 30 книг. С трудами И.Л. Жеребцова связано становление исторической демографии как особого направления научных исследований на Европейском Севере России. Плодотворно ведёт популяризаторскую работу, опубликовал 17 научно-популярных книг, руководил изданием краеведческого журнала.

Борис Колегов

Колегов Борис Рудольфович (род. 10.08.1960 г. в Сыктывкаре). Окончил сыктывкарскую школу №35, исторический факультет Сыктывкарского государственного университета. Преподавал в школе в п. Керки Соногорского района, школе №35 г. Сыктывкара, физмат лицее-интернате. С 2014 г. работает в Институте языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Автор и соавтор четырёх книг и серии статей по истории Сыктывкара.

Улицы Усть-Сысольска – Сыктывкара

Страницы истории «деревянного века»

Очень многие интересуются историей, своим прошлым, прошлым своих друзей и близких, своих городов и деревень. Эта история запечатлена не только на страницах пожелтевших от времени рукописных или отпечатанных на пишущей машинке документов, в рассказах проживших долгую и интересную жизнь людей или в чудом дошедших до нас из глубины веков каменных, костяных и бронзовых орудиях труда и украшениях. Наше прошлое – вокруг нас, его образ, отпечаток эпохи – в улицах и домах, где мы живём или жили.

Когда улиц ещё не было...

Мы не знаем, в каком именно году появилось селение, положившее начало нынешнему Сыктывкару. К сожалению, от тех далёких времён дошло до наших дней очень мало документов – большинство старинных манускриптов бесследно исчезли в сумраке смутного времени из-за пожаров и наводнений, скверных условий хранения, да и просто по извечной людской небрежности... Можно лишь мечтать о том, сколько тайн мог бы открыть нам какой-нибудь клочок бумаги, исписанный понятной ныне лишь специалистам-историкам скорописью пятивековой давности – но увы, вряд ли доведётся узнать имена тех, кто первыми поставили свои керки у впадения Сысолы в Эжву-Вычегду.

Первое упоминание о Сыктывкаре в исторических документах относится к концу XVI века. В 1586 году дьяк Иван Огарев и подъячий Филипп Юрьев провели описание земель и населения Вычегодского уезда. Побывали они и в устье Сысолы, где переписали все имевшиеся там населённые пункты, количество дворов в них и имена дворовладельцев. Все эти данные вошли в фолиант, именуемый писцовой книгой. Книга эта хранилась в Москве и со временем, как и многие другие ценнейшие документы, была утрачена. Но жители каждой из составных частей Вычегодского уезда получили выписки из неё – так называемые «сотные грамоты». Досталась такая сотная грамота и Сысольской земле, куда входили усть-сысольские селения. Несмотря на это, данные писцовой книги 1586 года могли бы всё равно остаться для исследователей истории Сыктывкара тайной, поскольку в 1599 году эта сотная... сгорела при пожаре, вызванном ударом молнии. Сысольцы в 1600 году «били челом государю царю и великому князю Борису Феодоровичу всеа Русии», дабы тот ещё раз дал им «государеву сотную грамоту». Борис Годунов снизошёл к просьбе, и новая грамота с выписками из писцовой книги 1586 года, к счастью, сохранилась. Это – первый дошедший до нас исторический документ, в котором упоминается селение Усть-Сысола (современный г. Сыктывкар).

Заглянув в сотную, мы можем прочесть, что в 1586 году на территории современного г. Сыктывкара и его Эжвинского района существовали «погост на Усть-Сысоле реки», две деревни, слободка и 12 починков, вытянувшихся вдоль берега реки и дороги, ведшей из сысольских селений в город Яренск на р. Вычегде. Эта-то дорога и была, так сказать, первой «протоулицей» нынешнего города.

«Первая продольная» и другие...

25 января (5 февраля) 1780 года появился указ императрицы Екатерины II, согласно которому погост Усть-Сысола преобразовывался в город Усть-Сысольск, центр нового Усть-Сысольского уезда. 10 сентября 1780 года в присутствии губернских чиновников из Вологды состоялось торжественное «открытие» нового города. В 1782 году в нём насчитывалось 324 двора, разбросанных по берегу реки без особого порядка. Но уездному центру надлежало иметь «городской вид», и вот 16 января 1783 года императрица Екатерина II утвердила первый генеральный план застройки города Усть-Сысольска. В черту города вошли прилежавшие к бывшему селу небольшие поселения: Вичкодор (территория между современными улицами Горького, Бабушкина, Советской и берегом р. Сысолы), Подгорье (территория дальше по берегу Сысолы до улицы

План 1783 года.

Пушкина), Кируль (конец улиц Кирова и Заводской), Половина (будущий Больничный городок), Кокулькар (на юго-западе, в конце современных улиц Первомайской и Интернациональной, до улицы Пушкина), Микулсикт (располагался за Подгорьем, между Сысолой и улицей Интернациональной).

Ни о какой присущей Усть-Сысольску в момент его преобразования в город беспорядочной или, в лучшем случае, рядовой застройке не могло быть и речи. Исторически сложившаяся система расселения оставалась в прошлом. В последующие десятилетия городу надлежало строиться по плану, предусматривавшему чёткую систему улиц и кварталов. Первыми получили названия улицы Набережная (совр. Кирова), Сухановская (совр. Бабушкина) и Покровская (совр. Орджоникидзе), обозначенные уже на генеральном плане. Прочие будущие улицы на плане были подписаны менее поэтично: Первая продольная (совр. Советская), Вторая продольная (совр. Ленина) и Средняя (совр. Коммунистическая). А нынешние Стефановская площадь, улицы Куратова, Коммунистическая и Интернациональная, также обозначенные на плане, не удостоились поначалу даже этих названий. Только в конце XVIII столетия Средняя стала именоваться Трёхсвятительской, Первая продольная – Спасской, Вторая продольная – Троицкой. Неподписанные на плане улицы к тому же времени получили названия Георгиевская (совр. Интернациональная), Предтеченская (совр. Куратова) и Никольская (совр. Домны Каликовой). Городская площадь на пересечении Трёхсвятительской и Троицкой получила своё имя (Стефановская) только в середине XIX века в связи со строительством Стефановского собора. Ещё одна площадь располагалась в

районе пересечения Предтеченской и Набережной улиц; здесь велась рыночная торговля, и площадь стала называться Базарной.

Граница города, согласно генеральному плану 1783 года, проходила по нынешним улицам Домны Каликовой, Первомайской, Красных партизан и Горького. Три из них к рубежу XVIII и XIX столетий тоже получили свои названия, указывавшие на их, мягко говоря, «нецентральное» расположение: Северо-Загородная (совр. Горького), Юго-Загородная (совр. Д.Каликовой) и Западно-Загородная (совр. Первомайская). Насколько можно судить по плану, самое начало нынешней Первомайской (между Красными партизанами и Крутой) находилось уже за городской чертой – так сказать, в ближнем пригороде... Любопытно, что почти вся Первомайская в советское время была заасфальтирована, но самое её начало (между Крутой и ул. Красных партизан) осталось едва ли не в первозданном дореволюционном виде: небольшие деревянные дома, деревянные тротуары (или их отсутствие) и грунтовка. Складывается впечатление, что даже те, кто отвечал за городское благоустройство в 1960–1970-х годах, неукоснительно следовали генеральному плану, утверждённому ещё двумя веками ранее императрицей Екатериной: раз на плане 1783 года квартал между ул. Орджоникидзе и ул. Красных партизан обозначен в пределах города, то его надлежит асфальтировать и застраивать каменными домами; а поскольку начало Первомайской (между Красными партизанами и Крутой) по тому же плану осталось за городской чертой, то его должно оставить в «деревенском» состоянии...

Изкар, Котинев (Котюнев), Тентюковгрезд, Титовгрезд, Ганягрезд, Кодзвиль (территория от нынешних ул. Красных партизан и Горького до Орбиты и Тентюково) в зону плановой застройки не попали, оставшись пригородами. Самостоятельными населёнными пунктами остались деревни Слободская (располагавшаяся «по обе стороны ручья Колиповского и большой столбовой дороге, лежащей из города Усть-Сысольска в город Яренск»), Кочпон и Читовская.

Ещё в XVIII веке устьсысольцы осваивали берега речек Дырноса и Човью. В I половине XVIII столетия на р. Човью имелся винокуренный завод, принадлежавший устьсысольским купцам Сухановым. В документе конца XVIII века сообщалось, что «в конце города (Усть-Сысольска) находятся 2 реки – Дырнос и Челваель (Човью), на которых 2 обывательские мучные мельницы». Населённые пункты в этом районе возникли уже в XIX столетии. В начале XIX века на карте Усть-Сысольска (в районе современной улицы Кутузова) появилось новое название – Париж. Согласно плану 1783 года, центральная часть города ограничивалась небольшим валом и рвом; возможно, на месте этого рва образовался позднее овраг, отделявший местечко Париж от городского центра. В феврале 1814 года в Усть-Сысольск прислали 100 французских военнослужащих, попавших в плен во время войны с Наполеоном. Их разместили на северной окраине Усть-Сысольска за старым рвом, в казарме. По окончании военных действий они вернулись во Францию, а за местом, где находился их лагерь, закрепилось название Париж.

«Краса и гордость зырянского края»

Улицы застраивались медленно. В Тентюково и других пригородах жило больше людей, чем в собственно городе (центральной части с плановой застройкой). Генеральным планом 1783 года предусматривалась постройка 478 плановых домов; в 1838 году

Вид на Стефановский собор.

Вид с колокольни Троицкого с. на ц. Вознесения (слева) и ц. Всех Скорбящих (справа).

Общій видъ съ Троицкой колокольни.

были застроены лишь 146 обозначенных на плане мест. Городские власти пытались ликвидировать пригородные местечки и переселить их обитателей в центр Усть-Сысольска, но это оказалось невозможным. Да и в самом центре города далеко не все дома располагались в соответствии с планом.

Велись определённые работы по благоустройству Усть-Сысольска: переносились за город промышленные заведения и кузницы, прокладывались тротуары, укреплялся берег реки. В изданном в 1850 году «Военно-статистическом обозрении Российской империи» отмечалось, что в Усть-Сысольске «улицы никогда не подвергаются сильному загрязнению». «Никогда» – это, пожалуй, преувеличение, но городские власти, действительно, следили за состоянием улиц. Для ремонта улиц и тротуаров городская дума выделяла деньги, и кто-то из гласных (депутатов) думы должен был найти человека, согласившегося бы за предложенную сумму выполнить нужную работу.

В 1878 году в Усть-Сысольске побывал писатель П.В. Засодимский. Вот каким предстал город перед глазами: «В северо-западной части зырянского края, при впадении рек

Сысолы и Вычегды, нам бросается в глаза очень большое селенье. Расположилось оно на левом берегу Сысолы и далеко расплзлось по реке. Это – Сыктывкар, столица, краса и гордость зырянского края. По-русски же сказать, это просто – уездный город Устьсыольск. <...> Самый город, т. е. место, где ютятся чиновничество с высшим купечеством и духовенством, не составляет далеко и половины того, что собственно называется Устьсыольском. Предместья, слободы усть-сыольские обширнее города, и они-то придают маленькому городку довольно внушительный вид. <...> администрация никак и не может добиться того, чтобы придать городу более цивилизованную физиономию, приличествующую «нашему веку прогресса». Нет в Устьсыольске ни городского сада, ни бульвара; улицы не мощёны и освещаются по сторонам лишь светом небесных светил; во всякую пору дня и ночи по улицам бродят лошади и слоняются целые стада овец».

Даже через столетие после преобразования села Усть-Сысолы в город, в 1880 году, некоторые намеченные генеральным планом 1783 года городские кварталы только в этом плане и существовали: в седьмом квартале домов не было, в восьмом и четырнадцатом кварталах имелось лишь по четыре дома. Кварталы выходили на Западно-Загородную (Первомайскую) улицу, на которой был плотно застроен лишь двадцать шестой квартал. Иные справочники тех времён сообщали, что в Усть-Сыольске насчитывалось девять (а не двенадцать, как значилось в плане) улиц – три Загородные, застроенные лишь с одной стороны, и улицами-то трудно было назвать...

В 1897 году к центральной части Усть-Сыольска примыкали пригороды: слободка У Пахомовского ручья, У Забоевчей, Подгорье, Чугун-грезд, Кируль, Пыч-Кас-ты (Озерки), Сед-шор, слободка Кодзвыв, Изкар, Котюнев, Квыков-грезд, Северо-Загородная слободка, Париж, Прохор-шор, слободка Тентюково, слободка Титов-грезд, слободка Ганя, слободка Одок-грезд, слободка Нижний конец, дача Дырнос, слободка Чев. Самостоятельным селом была Слобода (Слободское). В 1901 году стали обживать окрестности озера Виль-ты, где был построен дом инвалидов. В конце XIX века на Спасской улице появились уличные фонари, заправленные керосином горелки в стеклянных колпаках на двухметровых столбах, зажигавшиеся вручную. В последующие годы освещение стало достоянием также Покровской, Трёхсвятительской и Троицкой улиц (в 1910 году на четырёх этих улицах имелось 70 уличных керосиновых фонарей).

Состояние городских улиц и в начале XX века создавало очевидные неудобства жителей. В некоторых публикациях того времени и появлялись весьма хвалебные отклики. Изданный в 1911 году «Ежегодник Вологодской губернии» сообщал, например, что в Усть-Сыольске «грязи бывает очень мало даже в осенний и весенний период»; «широкие и прямые улицы, сравнительно с хорошими, преимущественно деревянными постройками, дают городу выгодное впечатление». Но в отношении улиц ближе к истине, видимо, находятся приведённые в книге «Усть-Сыольск: Страницы истории» слова одного из городских старожил: «Улицы в весеннее и осеннее время становились малопроезжими». Вместе с тем, как отмечает ведущий специалист по истории Усть-Сыольска М.Б. Рогачёв, все улицы города имели деревянные тротуары, причём протяжённость их была самой большой в Вологодской губернии. Конечно, далеко не везде они были в полном порядке; вологодская газета «Север» отмечала, что «тротуарчики» «подгуляли» даже на Стефановской площади и в начале Покровской улицы.

Даже в 1917 году были построены только 350 домов из 478, обозначенных на плане 1783 года. Большая часть устьсыольцев по-прежнему проживала не на централь-

ных улицах, а в пригородах Кодзвиль, Изкар, Нижний конец, Солдатская слобода, Кируль, Ганя, Котюнево, Одокгрезд, Титовгрезд, Тентюково, починке Чевью (Човью). Слободская волость включала село Слободское и деревню Веждин. Располагавшиеся в районе нынешних Нижнего и Верхнего Чова земли в начале XX века принадлежали усть-сысольским купеческим семьям Кузьбожевых, Забоевых и Оплесниных. После прихода к власти большевиков частновладельческие земли национализировали и на их основе создали первые в Коми крае совхозы «Нижний Чов» и «Верхний Чов».

«Тротуары наши растрёпанные»

В 1918 году к первой годовщине Октябрьской революции улицы и площади города переименованы следующим образом: Спасская – в Советскую, Базарная площадь – в Народную, Трёхсвятительская – в Коммунистическую, Предтечная – в Трудовую, Покровская – в Республиканскую, Троицкая – в Ленина, Георгиевская – в Интернациональную, Западно-Загородная – в Коми-грезд, Никольская – в Пролетарскую, Сухановская – в Рабочую, Юго-Загородная – в Крестьянскую, Стефановская площадь – в Красную. Сохранили прежние названия только Набережная и Северо-Загородная улицы – ещё на целых 16 лет. На восток, за Сысолу и далее вверх по Вычегде вёл Усть-Куломский тракт.

К новым названиям горожане привыкли не сразу. А переименование Западно-Загородной в Коми-грезд и вовсе не очень прижилось. Коми-грездом называли, как правило, лишь группу домов (примерно в квартале вдоль нынешней улицы Первомайской между Орджоникидзе и Крутой), а остальную часть улицы традиционно величали по-старому. Позднее, в 1928 году, улица Западно-Загородная и местечко Коми-Грезд официально стали улицей 1-е Мая (со временем название приобрело несколько иной вид – Первомайская). Добавляло путаницы и то, что порой таблички с названиями улиц вешали не туда, куда надо. Например, газета «Югид туй» 10 мая 1923 года описывала случай, когда на доме, располагавшемся на Рабочей улице, была повешена табличка с указанием, что это – улица Трудовая, что привело в замешательство местных жителей. (Впрочем, 30 лет спустя газета «За новый Север» писала о подобном же случае: «Если верить написанному на другом сыктывкарском доме, то Советскую улицу пересекает опять-таки Советская»).

В 1921 году Усть-Сысольск стал центром Коми автономной области, а позднее, 5 декабря 1936 года, – столицей Коми АССР. Новый статус города в 1920-х годах не повлиял особо на его исторически сложившееся деление на центр и пригороды. Сохранились знакомые нам Кодзвиль, Дырнос, Изкар, Яхлаково, Кируль, Котинево, Кулига, Нижний конец, Онтон-пи, Тентюково, Човью, Ягвив, Ганя, Одыкгрезд, Чит, Кочпон, совхозы «Нижний Чов» и «Верхний Чов», составлявшие пригородную Кодзвильскую волость. Среди пригородов (в местах, где ранее существовало селение «Пыч-Кас-ты» или Озерки) появился новый посёлок Лесозавод, начало которому было положено в 1922 году. Самостоятельным селом оставалось Слободское. Деревня Давпон, позднее включённая в состав Сыктывкара, тогда входила в Вильгортскую волость.

В центральной же части города передовая общественность и власти на протяжении 20-х годов с переменным успехом вели борьбу за соблюдение плановой застройки и чистоту улиц.

Ул. Орджоникидзе (Республиканская) от Кирова к Первомайской.

7 августа 1920 года в газете «Зырянская жизнь» некто «Комар» негодовал: «Как много ни писалось про ветхость устьсысольских мостков, всё это оставалось «глазом вопиющего в пустыне». Случившееся заставляет снова писать об этом. По Республиканской улице около Советской школы 2 ступени №1 мостки до того плохие, что прохожие, не желающие рисковать шеей и ногами, всегда предпочитают обходить их. Незнакомые же с ветхими тротуарами приезжие, порой платятся за нашу безответственность. Мне пришлось наблюдать следующее: вечером пришёл пароход. Барышня, как видно, впервые приехавшая в Устьсысольск, пошла по этим мосткам, не ведая о предстоящей опасности, со своим багажом. Я шёл впереди её. Раздавшийся крик заставил меня оглянуться: барышня со стоном поднималась с мостков и, прихрамывая, подошла к своему багажу. Советую, для устранения подобных явлений, Школьному Совету данной школы, немедленно привести мостки в надлежащий вид».

Газета «Югид туй» 28 сентября 1922 года сокрушалась: «Осенние вечера темны. Тротуары наши растрёпанные. Граждане, во избежание всяких «приключений», предпочитают вечерами ходить по дороге (прямо посреди или по бокам улочек), но и тут беда. Почти на каждом шагу встречаются преграды. Помимо тех «баррикад», которые появились недавно с развитием техники, в виде телефонных, телеграфных и электрических столбов, едва разместившихся на узеньких широтах Устьсысольска

Ул. Куратова на рубеже 1940-50-х гг. Фото Л.Н. Жеребцова.

уличек – переулков и мешающих конному (а тёмными вечерами – и пешему) движению, – натыкаешься и на старые «баррикады», а их много, почти на каждом перекрёстке. Идёшь по одной улочке – натыкаешься на ограду фонарного столба (столбов то нет, а ограды остались – вероятно, как памятник былой «цивилизации»). Идёшь по другому переулочку – стукнешься «носом к носу» с большущим-

пребольшущим, пустопорожним, наполненным всякими отбросами, чаном или ещё чем-нибудь. Не пора ли убрать эти «памятники старины» и тем самым отчасти разгрести наши улицы?»

В 1923 году та же газета указывала: «По ул. Ленина против полуразрушенного дома № 16, на мостках навалены брёвна и прочий хлам. Это затрудняет движение. Следовало бы Комхозу или другому хозяйству озаботиться об очистке мостков»; «В местечке Париж (не спутайте со столицей Франции) нет Эйфелевой башни, но зато есть мост. Этот мост давно пора перетащить в архив к Цемберу, но никто об этом позаботиться не хочет. От времени мост изогнулся кокетливо дугой и под шагами пешехода дрожит и трясётся. А что будет, если проезжающие там часто трамотские лошади окажутся не на мосту, а под мостом?» (10 мая); «Приезжающему в город, ещё на пристани, бросается в глаза неимоверная грязь. Буквально по колено в грязи бредут бедные пассажиры с пристани и на пристань и всю эту грязь они несут на пароходы или разносят по квартирам. Следовало бы Комхозу принять надлежащие меры и устроить мостки» (30 мая).

Провести «Неделю чистоты»

Коммунальщики по мере сил пытались исправить положение. С мая 1921 года велись работы по расширению сети освещения улиц города (по Интернациональной, Северо-Загородной, Республиканской, Рабочей, Трудовой и Пролетарской). В октябре 1923 года в город доставили паровой каток (почти два года лежавший без действия), дабы использовать его для приведения в порядок Советской улицы. В 1925 году было организовано замощение улиц Советской (от Трудовой до Республиканской), Набережной (от Трудовой до Республиканской), Трудовой (от съезда к пристани до Советской), Коммунистической (от Торговой площади до Стефановского собора), Рабочей (от Набережной до Советской). Между прочим, во время заготовки песка, гальки и прочих материалов в окрестностях Усть-Сысольска была обнаружена часть скеле-

та «какого-то гигантского животного... ледниковой... эпохи – мамонта или носорога». Многие кости были расколоты или пропали, но часть попала в краеведческий музей. Одну из них выдающийся коми учёный А.С. Сидоров лично нашёл «в кучах гальки, привезённой рабочими на улицы города».

Для свалки мусора был отведён овраг на Базарной площади за Народным домом, в конце Пролетарской улицы. При этом облкомхоз строго предупредил, что «отнюдь не допускается раскидывание его [мусора] по береговой окружности оврага и по улицам. Виновные в неисполнении сего распоряжения будут привлекаться к законной ответственности».

Но просто объявления и предупреждения имели небольшой эффект, поэтому приходилось издавать более серьёзные документы. Так, в марте 1920 года Отдел внутреннего управления принял «обязательное постановление по очистке города Устьсысольска», в котором, в частности, говорилось: «Неделю чистки провести в городе и в районах одновременно с 1-го по 7-е апреля сего года... Для выполнения этой задачи привлечь, в порядке натуральной трудовой повинности без всякой оплаты всех без исключения граждан, проживающих в переделах г. Устьсысольска, независимо от занимаемого служебного положения. В течение вышеуказанной недели все улицы города, переулки, площади, дворы, отхожие места, внутренние помещения как общественных учреждений, так и частных домов, должны быть обязательно приведены в надлежащую чистоту и опрятность... В районах города все частные дома с принадлежащим к ним участком и дворами подвергнуть чистке силами самих домохозяев и квартирантов... В центре города все общественные учреждения с применяющимися к ним участком и двором подвергаются чистке силами самих служащих учреждений... Весь мусор на улицах и во дворах собирать в кучи, отвозку которых на указанную Коммунальным Отделом место возложить в порядке натуральной повинности на лошадных граждан города... К чистке площадей города и таких общих мест и уличных всех строений привлечь дезертиров... Коммунальному отделу приступить к немедленным приготовлениям к «Неделе Чистоты», найти достаточное количество соответствующих инструментов, назначить свалочные места для мусора и нечистот, широко оповестить граждан районов и города о цели «Недели Чистоты»... Уклоняющиеся от выполнения настоящего постановления подлежат немедленному привлечению к ответственности».

Три года спустя, 23 марта 1923 года, исполком Коми автономной области «в целях устранения бессистемной застройки участков городской земли» при-

*Ул. Бабушкина –
спуск от драмтеатра
на рубеже 1940-50-х гг.
Фото Л.Н. Жеребцова.*

няли специальные «Временные правила о порядке застройки г. Устьсысольска». Отныне постройка новых зданий и снос старых могли производиться только с разрешения областного управления коммунального хозяйства и при наличии проекта строительства. Особо отмечалось, что «в центре города допускается постройка домов не меньше 2-х этажей... На участках, находящихся ближе к центру города, а равно и в центре его должны строиться дома, длиною не менее 6 саж., должны быть известной красоты и стилистичности в смысле архитектуры... Местами, находящимися ближе к центру, считаются улицы города по линии Набережная, Советская, Ленина и по линии пересечённых между ними улиц... На участках, находящихся на окраинах города, допускается постройка домов без ограничений, ...но в основу должно быть поставлено, чтобы помещение в доме было просторное, светлое и удовлетворяло всем требованиям санитарных правил. Внешнему виду дома придавать также известную красоту».

Немало неприятностей местной власти доставлял разгуливавший по улицам города скот. Особую неприязнь вызывали козы и безответственные козовладельцы. 11 июня 1923 года облисполком принял грозное «обязательное постановление» «О пастьбе коз и о мерах борьбы с отравой козами посевов и других растений», в котором с грустью констатировал, что «Принятые милицией меры о невыпуске коз на подножный корм в полосы пахотных угодий и в черте города в большинстве случаев за невыясненностью козовладельцев никаких положительных результатов не дали, и козы до сих пор находятся на подножном корму на улицах города и вблизи пахотных полей, без всякого присмотра со стороны козовладельцев, причиняя отраву хлебным и другим растениям, нанося значительный вред садам и огородным посадкам... Кроме того, козы немало вреда причиняют и приезжающим в город гражданам, вытаскивая с возу всё съестное... Козы сильно загрязняют тротуары и площади города...» В целях предотвращения «убытков, наносимых козами», и «во избежание возможных увечий козам со стороны потерпевших» облисполком решительно потребовал от «козовладельцев» «прекратить выпуск коз на подножный корм на улицы», а «в целях выяснения неисправных козовладельцев обязать последних на шее козы вывесить значок с указанием имени, отчества и фамилии козовладельца». Облисполком пригрозил, что «бродячие по улицам города и по огородам козы без значков считаются пригульными, которые задерживаются и по удостоверении факта бесспорно будут сдаваться в пользование детских домов... Козы, пасущиеся на улицах города, хотя и со значками, будут задерживаться, и расходы по содержанию этих коз, до передачи козовладельцам, ложатся на последних». Козовладельцам-нарушителям обещан был штраф (в золотых рублях). Впрочем, не забыли и о правах животных: «За увечье животных виновные привлекаются к ответственности в уголовном порядке».

16 апреля 1924 года облисполком принял «обязательное постановление» «О поддержании в чистоте дворов, площадей и улиц Устьсысольска», в котором, в частности, указал: «По мере таяния снега улицы, площади и дворы гражданами, общественными и государственными учреждениями и организациями, должны очищаться от навоза, всякого мусора и нечистот путём собирания их в кучу и дальнейшего вывоза на отведённые Местным Хозяйством свалочные места... В целях избежания дальнейшего загрязнения дворов, независимо от первого пункта сего постановления, на каждое дворовое владение должны быть устроены, согласно санитарных правил, не позднее 1 июля с.г. помойные ямы для всех нечистот... Во избежание наполнения и зловония помойные и ретирадные ямы должны очищаться не менее двух раз в год...»

«...практически дело не двигается»

Постепенно население города росло, городская черта расширялась «за счёт увеличения кварталов в юго-западной и юго-восточной стороне города», – писала газета «Югд туй» 12 марта 1926 года, отмечая, что в связи с развитием гражданского строительства в местечке Тюрловщина будет оборудован новый кирпичный завод.

В 1927 году городские власти устанавливали тротуары (мостки), заборы и изгороди, отремонтировали мост между городом и местечком Париж, обустроили спуск к пристани, выделили средства на мощение части Советской, Республиканской, Интернациональной улиц с частичным дренажированием. Вносили свой вклад и горожане: например, в 1927 году на средства местных жителей на Красной площади были проложены тротуары от Коммунистической улицы к Стефановскому собору.

Впрочем, проблем оставалось множество, и ситуацию на городских улицах в первой половине 1930-х годов (несмотря на решения июльского (1931 года) пленума ЦК ВКП(б) о благоустройстве социалистических городов) очевидцы тоже описывали не слишком радужно. О «бездорожье в Сыктывкаре» 23 сентября 1931 года писала газета «За новый Север»: «На углу Интернациональной и Трудовой улиц непроходимое болото. Несмотря на то, что это болото находится на трассе областного значения и несмотря на то, что оно находится в 100 шагах от доротдела и немногим дальше от горкоммунотдела, который не принимает мер к исправлению дороги в этом месте. 3 сентября одну из лошадей, вёзших почту, завязшую в том «благоустроенном месте», и старика ямщика с большим трудом волокли проходившие граждане, без помощи которых и лошади, и ямщику и почте был бы карачун. Долго ли не увязнут в этом болоте сами Доротдел и Горкомотдел?» (В ответ на эту статью был объявлен «месячник борьбы с бездорожьем»).

21 сентября 1933 года та же газета поднимала «вопросы замощения улиц», заявляя, что «приведение их [улиц] в надлежащий вид из года в год «разрешается» только на пленарных заседаниях горкомхозотдела, а практически дело не двигается. Выбирает-

Ул. Советская – от Бабушкина к Коммунистической. Справа совр. библиотека Маршака. Август 1931 г.

Автобаза на ул. Ленина (между Бабушкина и площадью).

ся лишь тип покрытия, а подготовка основания и спуск верховых вод не производится, замощённые улицы в соответствующем состоянии не поддерживаются, гравием не покрываются... К притому и ответственности за свои участки перед своим домом население не привлекается. Нельзя обойти вниманием и ассенизационный обоз с его оборудованием и услугами, заваливающего отходами все окраинные улицы города, и лишь

только потому, что у руководителей горкомхозотдела «не хватает» трёх-четырёх часов времени, чтоб подыскать и отвести место под свалку нечистот и отходов. Сваливают куда попало, облюбовано местечко под окнами Дома Специалистов и Комилеса».

По улицам города продолжал бродить скот. 5 мая 1934 года Сыктывкарский горсовет вынужден был принять очередное «обязательное постановление» «в целях поддержания чистоты в городе и охраны зелёных насаждений» и «воспретить совершенно выгон на территории г. Сыктывкара... овец, коз, коров, лошадей и т.п.», обязав «всех владельцев мелкого и крупного скота при выпуске последнего на пастбище сопровождать их до околицы или места выгона». Одиноким скотинкам грозил арест («В случае обнаружения на территории города бесхозного без сопровождающего или отбившегося от стада, последний подлежит задержанию и сдаётся милицией города Сыктывкара на временное содержание до обнаружения владельца ближайшему колхозу»), а их владельцам – штраф и «исправительно-трудовые работы на срок до 1 месяца».

«Улицу переименовать»

В начале 1934 года в центральной части Сыктывкара существовали улицы Коммунистическая, Рабочая, Республиканская, Северо-Западная, Набережная, Береговая, Советская, Ленина, Интернациональная, Первомайская, Трудовая, Пролетарская, Крестьянская, Социалистический переулок, местечки и посёлки Больничный городок, Военный городок, Шпалорезка, Кируль, Лесозавод, Лесокомбинат, Канифольный завод, Кочпонский кирпичный завод, Дырносский кирпичный завод, Париж и «проживающие за рекой Сысола» (Заречье).

В декабре 1934 года Сыктывкарский горсовет «для увековечения памяти тов. С.М. Кирова» постановил «переименовать Набережную улицу – в улицу имени Кирова и Парку культуры и отдыха (по Набережной улице) присвоить имя Кирова». Тем же постановлением решено было «Северо-Загородную улицу переименовать в ули-

цу имени Максима Горького» (так через 151 год после утверждения первого плана Усть-Сысольска с карты города исчезли последние два старинные названия улиц – Набережная и Северо-Загородная), «пригородную улицу под названием Париж от Интернациональной улицы до реки наименовать улицей Свободы», «улицу Габдин от рабочего посёлка наименовать улицей Красных партизан», «Кирульскую улицу наименовать Заводской» (более чем через полвека половина Заводской улицы была наречена именем Василия Латкина; поначалу переименовали было всю улицу, но после протестов уже привыкших к прежнему названию местных жителей власти приняли соломоново решение). В том же 1934 году местечко Кодзвиль до 5-й десяти стало продолжением улицы Интернациональной, а «продолжение Набережной улицы до местечка Кируль» наименовали Усть-Куломской улицей (собственно, это было начало старого Усть-Куломского тракта). Впрочем, уже на следующий год Усть-Куломскую перекрестили в Авиационную. В конце концов «продолжение Набережной улицы» до Кируля стало той же улицей Кирова, а тянувшаяся дальше (в сторону Лесозавода) улица получила имя Виктора Савина. «Авиационное» название «перекочевало» дальше – его получила одна из улиц Лесозавода.

В 1935 году улица Крестьянская (бывшая Юго-Загородная) в ознаменование 20-летия Международного юношеского дня (установлен Бернской конференцией в 1915 году) переименована в улицу XX-летия МЮД (в 1957 году она стала улицей Домны Каликовой; сохранился только небольшой проезд XX-летия МЮД, а память о старинной Южно-Загородной улице сохранили пересекающие улицу Д. Каликовой Южная и Загородная улицы).

В феврале 1937 года Президиум Исполкома Коми АССР «в ознаменование столетия со дня смерти великого русского поэта А.С. Пушкина» «санкционировал постановление Сыктывкарского Городского Совета о переименовании Пролетарской улицы в улицу имени А.С. Пушкина». В том же году Республиканская улица в память об ушедшем из жизни (застрелившемся) видном советском деятеле Г.К. Орджоникидзе стала улицей Орджоникидзе. Рабочая улица должна была стать улицей Дзержинского, но переименование не состоялось, а в мае 1938 года улица получила имя М.С. Бабушкина, –

после того как самолёт этого полярного лётчика и депутата Верховного Совета СССР от Коми АССР потерпел катастрофу, и он погиб. В январе 1940 года Президиум Верховного совета РСФСР утвердил постановление Президиума Верховного Совета Коми АССР «об ознаменовании столетия со дня рождения народного поэта И.А. Куратова и о переименовании в связи с этим улицы Трудовой в городе Сыктывкаре в улицу имени Куратова».

Ул. Кирова. 1938 г.

Вид города. Перекрёсток улиц Первомайская и Бабушкина. В центре – драматический театр. Фотосъёмка с самолёта. 1946 г. Фото из фондов НМРК.

Вид города. Справа - улица Ленина, слева – улица Советская. Фотосъёмка с самолёта. 1946 г. Фото из фондов НМРК.

Вид города. Справа – парк культуры и отдыха им. С.М. Кирова, слева – улица Кирова. Фотосъёмка с самолёта. 1946 г. Фото из фондов НМРК.

За пределами плана императрицы

По мере того, как Сыктывкар рос и мало-помалу стал выбираться за пределы генерального плана, утверждённого ещё Екатериной Великой, возникла потребность в подготовке нового плана развития города, проект которого и был разработан в первой половине 1930-х годов. Проект предполагал расширение территории города в три раза, застройку, с одной стороны, территории Кируля, Лесозавода, Кочпона и Чита (Кирульский и Кочпонский районы), а с другой – территории от Изкара до Тентюковского оврага (Северный район). Центральными улицами города должны были стать Интернациональная и Коммунистическая, «соединяющая будущий вокзал с пассажирской пристанью и проходящая через Красную площадь», писала газета «За новый Север» 30 октября 1935 года.

Основываясь на этом проекте, Совнарком РСФСР в 1936 году утвердил основные задания для разработки генерального проекта планирования г. Сыктывкара в расчёте на 60–70 тыс. жителей, предусматривавшего, в частности, организацию в Сыктывкаре четырёх промышленных районов: к востоку от Кируля (район лесопиления и лесохимии), между Кочпоном и Читом (резервный район лесопилки), у устья р. Дырнос (район целлюлозного производства), на юго-запад от города (район минеральных стройматериалов). «Планом намечается строительство речного вокзала, железнодорожной ветки к Кирульскому району и строительство на северной границе города соединительной железнодорожной ветки между железнодорожными магистралями и речными грузовыми пристанями», писала газета «За новый Север» 22 июня 1936 года.

Первый период реконструкции города предполагалось завершить в 1942 году. Предусматривалось переустройство Красной площади («В настоящее время она по своим размерам для данного города велика и обстроена не соответствующими для республиканского центра постройками. План реконструкции предусматривает сократить площадь, застройкой её исключительно каменными зданиями, – сообщила местная пресса. – На площади кроме Дома Советов должны быть построены Коми национальный драматический театр, Центральная библиотека, Дом учителя, кинотеатр, здание Наркомфина, здание Управления связи и т.д.»).

Реконструкцию площади пришлось отложить, а вот застройка окраин города шла весьма активно. В 1934-1936 годах границы города отодвигаются за Первомайскую улицу. Здесь (между улицами Бабушкина и Куратова) строятся стадион, Дом Печати, Дом Культуры (театр), пединститут, разместился рынок. Ещё в сентябре 1936 года газета «За новый Север» относит все эти здания к Первомайской улице. Но через некоторое время (в 1937-1938 годах) на возвышенности начинает оформляться улица, ставшая новой границей города. В Доме Печати (ставшем Домом Правительства) в 1938 году разместился Совнарком Коми АССР, и потому формирующаяся улица получила название «Совнаркомовская». Это был кусок нынешней улицы К. Маркса – между современным Мичуринским парком и Орджоникидзе. Правда, Совнаркомовская и в середине 40-х годов с трудом дотягивалась до улицы Орджоникидзе, сходя на нет после Театрального переулка (так именовалась совр. ул. Оплеснина). Кроме Театрального переулка, к 1940 году появился в тех местах и Совнаркомовский переулок (будущий Академический, совр. ул. Чернова).

В начале Первомайской улицы тоже шло строительство. Ещё на рубеже 20-х– 30-х годов жившие там горожане запрещали своим детям гулять в районе совр. ул. К. Мар-

*Перекрёсток ул. Коммунистической и Первомайской.
Конец 50-х – начало 60-х гг.*

кса: тут заканчивался город и начинался лес – не дремучий, конечно, но дети вполне могли там заблудиться. В тридцатые годы город пополз всё дальше от реки, тесня лес. Строились частные домики, барки, деревянные двухэтажки. 11 сентября 1939 года Сыктывкарский горсовет постановил «улицы в кварталах индустриального строительства именовать: К. Маркса, Энгельса, Папанина, Клары Цеткин, Чкалова, Водопьянова, Крупской, Осипенко, Громова, Комсомольский и Школьный переулки». К 1940-му появилась и Огород-

ная улица. Улица Карла Маркса была тогда существенно короче и тянулась примерно от улицы Громова (Печорской ещё не было) до улицы Красных партизан. Кстати, обратите внимание, что нумерация домов на ул. К. Маркса начинается не с № 1, а с № 101. Дело в том, что предполагалось, что нынешнее начало улицы будет, в сущности, её серединой, а сама улица будет тянуться аж от Тентюково. Но не сложилось (понастроили всяких телецентров, понимаешь...). Бывший Усть-Вымский тракт к 1940 году стал улицей Тентюковской.

Что касается городских окраин (пригородов), то в 1930 году был организован Тентюковский сельсовет, в состав которого вошли деревни Тентюково, Изкар, Котюнев (или Котинево), Кулига, Нижний конец, Онтон-пи, починки Яхлаково и Дырнос. В 30-х годах селения Тентюковского сельсовета постепенно слились в один населённый пункт. Исключение составил Дырнос – в 1931 году это уже посёлок Дырносского кирпичного завода, переданный в подчинение городским властям. Одновременно со строительством нового завода в течение 1-й пятилетки посёлок быстро рос. В 1930-х годах на тогдашней окраине города был построен мясокомбинат, введённый в эксплуатацию в 1937 году. При комбинате возник посёлок для рабочих.

Ул. Бабушкина в 1950-е годы.

В состав Слободского сельсовета в 1930 году входили деревни Веждин, Сёрт, Ягвыв, починки верхний Емваль и нижний Емваль, находившиеся близ села, а также починки верхний Чов и нижний Чов, деревня Чов-ил и община Тур, располагавшиеся в отдалении. В 1939 году в Слободской сельсовет входили село Слобода, лесобиржа Белый Бор, деревни Веждин, Сёрт и Ягвыв, хутор Синцово.

Кочпонский сельсовет включал в 1930 году деревни Кочпон и Чит, посёлок Затон и четыре однодворных починка. В 1931 году появился посёлок Максаковка (Нижняя Максаковка). В 1939 году он относился к Кочпонскому сельсовету и именовался «запань Максаковка». Затон судоверфи в 1934 году из-за весенних ледоходов, угрожавших судам, перенесли за 9 км от города, где был построен посёлок Красный Затон (официально статус посёлка населённый пункт в затоне «Красный водник» получил в 1939 году). Близ посёлка (в районе современной Трудовой улицы и ТЭС) в 1-й половине 30-х годов находился лесопункт, ликвидированный в 1935 году.

Город вырос

В годы войны строительство приутихло, но в послевоенный период возобновилось. Газета «За новый Север» писала 25 января 1950 года: «За последние четыре года в черте города появился посёлок Стройтреста. Город значительно вырос. Сооружены десятки новых домов по ул.: Рабочей, Совнаркомовской, Восточной, Чкалова, Карла Маркса, Водопьянова, Энгельса, Школьному и Комсомольскому переулкам. Возникли новые улицы Клары Цеткин и Крупской. Численность населения посёлка значительно возросла. Здесь проживают строители, руками которых воздвигаются десятки новых зданий в столице республики». Правда, не обошлось без курьёзов. Газеты писали: «В недоумении топчутся на перекрёстке почтальоны,жимают плечами курьеры и агитаторы-новички, машина скорой помощи без толку кружит по кварталу – у всех одна тревога: Где эта улица, где этот дом? На этот вопрос не всегда легко ответить, если даже есть точный адрес. Дело в том, что в наименовании некоторых сыктывкарских улиц и нумерации домов царит, мягко выражаясь, самодеятельность. В новом рабочем посёлке вам покажут три улицы имени Карла Маркса. Когда-то группа домов в этой части города была названа улицей имени Карла Маркса. Со временем посёлок разросся, появились очертания кварталов, отдельные участки старой улицы Карла Маркса стали самостоятельными. Однако именуют их здесь по-старому. А для человека, впервые попавшего в посёлок, эти улицы остаются попросту безымянными, так как на домах до сих пор нет табличек».

Между посёлком Стройтреста и ул. Орджоникидзе (в районе ул. Юхнина) застраивался посёлок Нагорный: в 1954 году тут имелись улицы Нагорная, Новая (Малая), Попова, Проектная, Нагорный и Проектный проезды, Чкаловский переулок. Большинство из них исчезло, и о названии бывшего посёлка напоминает теперь только Нагорный проезд. Между улицами Красных партизан и Орджоникидзе, Первомайской и Юхнина строительство кипело в начале 1960-х: школа № 4, Дом культуры строителей, колхозный рынок. А между Орджоникидзе и Театральным переулком к этому времени за длинным зелёным забором уже располагалась территория городского молочного завода, съехавшего отсюда в 1970-е. Ближе к улице Юхнина деревянный забор гормолзавода сменялся более впечатляющим забором единственной в городе

автошколы: чугунные решётки и каменные оштукатуренные столбы, на коих было довольно удобно сидеть, свысока поглядывая на прохожих в ожидании автобуса, остановка которого находилась рядом с автошколой.

8 февраля 1949 года газета «За новый Север» писала: «За рекой Сысолой против Сыктывкара раскинулся большой рабочий посёлок – Заречье. Он существует уже давно и непрерывно растёт. Но до сих пор ни одна улица не имеет наименования, а нумерация жилых домов перепутана. Номера написаны и углём, и красками, где на углу, где над окном. Люди, впервые попадающие в посёлок Заречье, с большим трудом находят нужный им дом даже днём, а вечером это совсем невозможно. Посёлок Заречье составляет значительную часть города. Тем не менее отдел благоустройства горисполкома ничего не предпринимает, чтобы привести его в порядок». К 1954 году ситуация изменилась: в Заречье появились улицы Водника, Заречная, Озёрная, Перевозная, Сплавная, Сплавщиков, Судоходная. Получили названия к этому времени и многие улицы Красного Затона, Лесозавода и других окраин города. Вырос посёлок ремонтно-механических мастерских треста «Комилес». В 1954 году там были улицы Мичурина, Южная, Западная, Загородная, Зелёная и другие, Гаражный, Мичуринский, Пушкинский и другие проезды. Улица Мичурина в начале 1960-х дотянулась до Коммунистической.

В 1961 году продолжение улицы Мичурина от её пересечения с улицей Коммунистической и далее до конца по направлению в Нижний Чов стало улицей Гагарина, а в честь 50-летия Октябрьской революции и улица Гагарина, и часть улицы Мичурина (от Коммунистической до Пушкина) превратились в Октябрьский проспект. А Привокзальная улица, появившаяся в начале 60-х годов, через четверть века стала улицей Морозова. Академический переулочек в 1963 году переименовали в улицу А.А. Чернова.

В 1960-е годы город раздвинул свои границы за улицы Мичурина и Гагарина (Октябрьский проспект) в сторону железнодорожного вокзала: появились улицы Железнодорожная (28-й Невельской дивизии), Привокзальная (Морозова), Старовского. В 1970-е годы стал застраиваться район между улицами Старовского и Привокзальной.

Конец «деревянного века»

К этому времени Сыктывкар окончательно перешёл из «деревянного века», в котором он провёл большую часть своей жизни (когда деревянными в абсолютном большинстве своём были не только дома и прочие постройки, но и тротуары и даже некоторые дороги) в «каменный век», век кирпича и бетона, так что на улицах и переулках между Старовского и Привокзальной/Морозова не найти деревянных домов – в отличие от многих других (едва ли не всех) названных в этой статье улиц и переулков.

Впрочем, многим из тех, кто ныне обитает в «палатах каменных», довелось в минувшие годы жить в «деревяшках», где отсутствие особых удобств и благ цивилизации зачастую в частных домах компенсировалось возможностью проявить свою индивидуальность, а в домах с несколькими квартирами, все жильцы которых знали друг друга – готовностью по-соседски бескорыстно помочь каждому словом и делом. Кто-то вспоминает свои «деревянные» времена с ностальгией, кто-то – с ужасом, но вряд ли кто-либо вовсе вычеркнул их из памяти. Подумать только, ведь даже «в кварталах

индустриального строительства» (между Первомайской и Октябрьским проспектом, Печорской и Орджоникидзе) ещё в 1960-х годах стояли сплошь деревянные дома, большие и маленькие, симпатичные и не очень. Часть из них снесли в 70-е, водрузив на их место панельные здания. Но остальные, казалось, будут стоять ещё долго-долго, олицетворяя собой Сыктывкар XXI века – например, частные домики вдоль нечётной стороны улицы Карла Маркса между улицей Красных партизан и Овражной. Однако, на удивление, уже в 2015 году от них остались лишь кучи мусора, равно как и от многих домишек в начале улицы Карла Маркса и Клары Цеткин.

На улице Куратова между Первомайской и Западной тоже буквально на наших глазах исчез целый квартал маленьких деревянных домишек. Ещё несколько лет назад все были на месте, в большинстве своём радовали глаз, утомившийся от созерцания панельно-кирпичных зданий и жаждавший воззреться на что-нибудь более родное, домашнее, патриархальное. Не успели мы оглянуться, как домиков – поминай как звали, а на их месте закипела большая стройка (сейчас, правда, впавшая в спячку). Ну, как известно, всё, что ни делается, – к лучшему... Осталось только посмотреть на фотографии, вспомнить, как вальяжно прогуливались там, вдумчиво созерцая образцы деревянного зодчества – или, наоборот, стремглав пробегали мимо, отягощённые заботами, не обращая никакого внимания на окрестные «деревяшки». Посмотреть на то, что было, и на то, что стало. И, может быть, в следующий раз в ином месте слегка замедлим бег, хоть на миг-другой отринем суету и кинем беглый взгляд на то, что ещё осталось нам от нашей истории, истории «деревянного Сыктывкара» – хорошей ли, плохой ли, блестящей или блеклой, однако же нашей...

Перекрёсток ул. Орджоникидзе и Интернациональной. 1960-е годы.

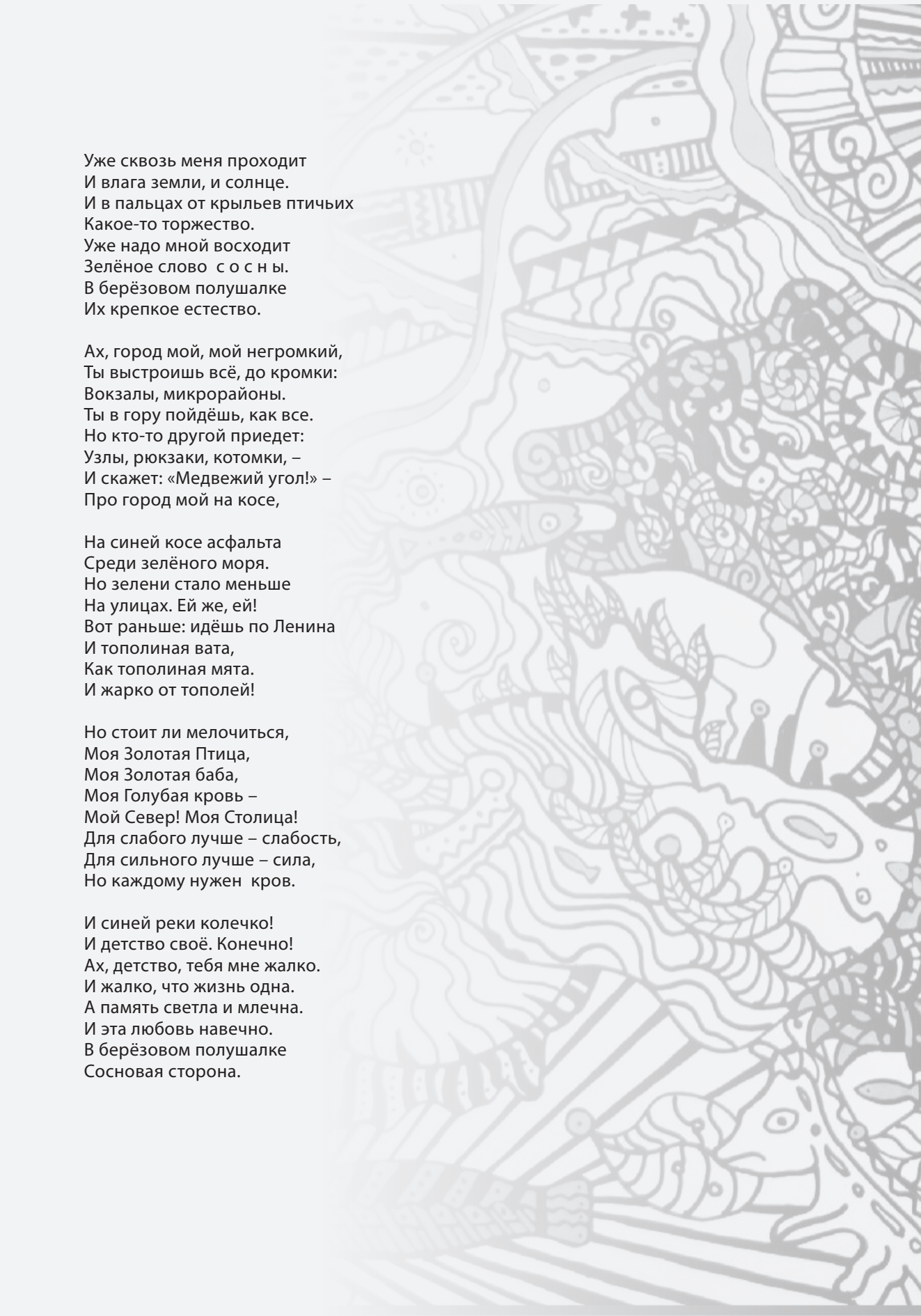
Надежда МИРОШНИЧЕНКО

Сыктывкарский вариант

А всё начиналось просто –
От Княжеского погоста.
Дорога, как облепиха,
Вся в жёлтых разводах луж.
Мы едем с семьёй. Мы едем
В медвежьи края. К Медведям!
И мама, как дочка, плачет:
В медвежьем ей жить углу.

Зато нас с сестрёнкой двое.
И мы свою жизнь устроим
В том городе, где две речки
Случайно слились в одну.
Где выхода нет другого,
Как только на Тентюково.
Где дерево есть основа
Всему, чему присягну.

Уже сквозь меня проходит
И влага земли, и солнце.
И в пальцах от крыльев птичьих
Какое-то торжество.
Уже надо мной восходит
Зелёное слово с о с н ы.
В берёзовом полушалке
Их крепкое естество.

Ах, город мой, мой негромкий,
Ты выстроишь всё, до кромки:
Вокзалы, микрорайоны.
Ты в гору пойдёшь, как все.
Но кто-то другой приедет:
Узлы, рюкзаки, котомки, –
И скажет: «Медвежий угол!» –
Про город мой на косе,

На синей косе асфальта
Среди зелёного моря.
Но зелени стало меньше
На улицах. Ей же, ей!
Вот раньше: идёшь по Ленина
И тополиная вата,
Как тополиная мята.
И жарко от тополей!

Но стоит ли мелочиться,
Моя Золотая Птица,
Моя Золотая баба,
Моя Голубая кровь –
Мой Север! Моя Столица!
Для слабого лучше – слабость,
Для сильного лучше – сила,
Но каждому нужен кров.

И синей реки колечко!
И детство своё. Конечно!
Ах, детство, тебя мне жалко.
И жалко, что жизнь одна.
А память светла и млечна.
И эта любовь навечно.
В берёзовом полушалке
Сосновая сторона.

Сергей Зиновьев

Зиновьев Сергей Алексеевич родился 10.12.1954 г. в Сыктывкаре. Как фотограф камеру «Смена 8М» взял в руки в 1978 году. Весной 1980 г. устроился работать методистом по фотографии в Научно-методический центр Мин. культуры. По фотографии не учился ни в каких учебных заведениях. В 1975-77 гг. после армии учился в Ленинградском технологическом институте, потом ушёл на заочное отделение.

«Не стоит эта фотография спокойствия людей...»

Интервью Андрея Фетисова

Коллекция кадров сегодняшнего фотографа уместается на съёмном жёстком диске, и у каждого есть возможность в один момент поделиться своими снимками со всем миром. Тридцать лет назад, когда не было ни интернета, ни цифровых камер, фотография и фотоискусство находились и развивались в совершенно других условиях.

Плёночные фотоаппараты, проявка и печать негативов, надзор сверху... Всё это лишь часть жизни советских фотоклубов.

В Коми, как и в других городах страны, было своё объединение – республиканский фотоклуб «Парма», который работал с середины семидесятых до девяностых годов прошлого века. Центром и сердцем «Пармы» был, естественно, Сыктывкар. В столицу Коми АССР приходили снимки из городов и районов, а лучшие работы наших фотографов принимали участие во всесоюзных и даже международных фото-выставках.

Сергей Зиновьев не любит, когда его называют фотографом, хотя все восьмидесятые годы прошлого века руководил фотоклубом «Парма» и внёс серьёзный вклад в фотоискусство Республики Коми. Сергей Алексеевич рассказал «Арту» о том, чем жила и дышала сыктывкарская фотография в восьмидесятых, о выставках, цензуре и попытках понять, что же такое фотография.

В рамке Александр Шевелёв (г. Астрахань) в Сыктывкаре на открытии его персональной выставки и начала творческого семинара с фотографами Коми. У себя дома он не мог показать лучшие свои работы в стиле ню, только пейзаж. Здесь было всё, что он хотел показать, более 100 работ с локальным тонированием. Выставка висела 5 дней. Кто-то позвонил в обком партии: «В научно-методическом центре – порнографическая выставка!!!» Но он уже уехал, и выставка с ним.

– Сергей Алексеевич, сразу хотелось бы спросить, что же из себя представляли объединение фотографов и фотоклуб в Сыктывкаре?

– Фотоклуб «Парма» не был организацией талантливых и крутых фотографов с шикарными и гениальными фотографиями. Если говорить об этом объединении, то надо представить время... Сегодня, со всеми атрибутами современности и не представляя той эпохи, очень трудно понять такое явление, как фотоклуб.

Среди участников «Пармы» были разные люди, которые, по большому счёту, не являлись профессиональными фотографами. Кто-то работал инженером на заводе, кто-то преподавал историю в

университете, кто-то работал ещё где-то, просто все эти люди занимались фотографией.

– Фотоклуб, я так понимаю, был привязан к какому-то ведомству? Как он зародился?

– Клуб существовал и до моего прихода, в 60-х и 70-х годах, но об истории его я знаю довольно немного. Объединение считалось республиканским и относилось к Республиканскому центру народного творчества. Там собирали негативы и снимки со всей Коми, из городов и сёл, распечатывали на больших форматах размера 50х60 см и проводили выставки.

– Как вы оказались в объединении, и что из себя на тот момент представлял клуб?

– В «Парме» я с 1981 года. Помню, сразу после моего трудоустройства пришёл директор Центра и принёс журнал "Клуб и художественная самодеятельность", там в большой обзорной статье о фотографии Коми занимала одно из последних мест по России. И директор сказал: «Надо что-то делать!»

Мы собрали чемодан фотографий, и я поехал в командировку. В Москве посмотрели, но интересных снимков практически не было.

После этого в Сыктывкаре и начались попытки осознания фотографии. Нам надо было понять, что это вообще такое, зачем и как делать фотографии.

– Вы говорите, что клуб был республиканским. Хотелось бы узнать, как происходила связь с фотографами в регионе?

– Сердцем «Пармы» был, конечно, Сыктывкар, и мне платили деньги за то, чтобы я ездил по республике в поисках новых материалов.

Были командировки по городам и сёлам, где проводились выставки и лекции по фотографии в домах культуры, школах, библиотеках, музеях и даже больницах. И вот на этих выставках шло обсуждение фотографии, а потом уже я выходил на интересующихся людей. Кстати, их уровень знаний или опыта не имел значения, это были совершенно разные люди из разных сфер деятельности.

Затем мы проводили большие фотовыставки, приглашали представителей журнала «Советское фото», фотографов из всероссийского фотосообщества и других известных мастеров. К примеру, к нам приезжали известные фотографы Александр Слюсарев, Сергей Чиликов, Евгений Лихошерст, Владимир Зотов,

Александр Шевелёв, Николай Парлашкевич, Михаил Леонтьев, Андрей Баскаков и Борис Михалёвкин.

Государство это всё оплачивало: проезд, питание, жильё и гонорары, то есть фотографы часто соглашались. Во время подготовки к масштабным мероприятиям мы обзванивали все отделы культуры и направляли письма с приглашениями всем интересующимся людям. Они и приезжали на мероприятия. Естественно, наша деятельность была ориентирована, прежде всего, на интересующегося человека.

Сразу скажу, что моя заслуга перед «Пармой» — это как раз то, что были найдены ходы в системе, а не какие-то личные творческие достижения.

– На каком месте в работе клуба стояла образовательная и просветительская работа?

– Мы не знали толком, что такое хорошая или плохая фотография. Мы исходили из интересов и вкусов людей. Опять же, не было информации о фотоискусстве, кроме журнала «Советское фото», а более серьёзная литература была редкостью. Буквально единичные экземпляры изданий приходили в республику, и то не фотографа, а секретарям партийных комитетов.

Тогда же не было интернета, полиграфия была ужасной, а другой информации, которая могла бы помочь найти ответ, что такое хорошая фотография, просто не было. И на самом деле, вот эти фотовыставки в восьмидесятых годах и общение между людьми имели свой смысл.

– Вы сказали, что в Коми приезжали известные мастера из «Советского фото» и другие легендарные фотографы. А до каких выставок доходила сыктывкарская фотография?

– Сегодня можно вспомнить, что сыктывкарский фотоклуб «Парма» в восьмидесятых годах принимал участие в сотнях выставок. Снимки мы отправляли почтой на всероссийские выставки, в Чехословакию, Германию (ГДР) и другие европейские страны, в Испанию, например. На каких-то больших мероприятиях виделись с зарубежными коллегами, но в Коми их не приглашали. Если говорить лично обо мне, то вообще неинтересно было с ними общаться через переводчиков, наши советские фотографы заслуживали больше моего внимания.

– О чём говорили сыктывкарские фотографы в своих снимках? Не мешала ли привязка клуба к министерству культуры в плане политкорректности?

– В Сыктывкаре фотография объединяла разных людей, двери были открыты всегда и для всех. Люди приходили, приносили свои работы, обсуждали их друг с другом и просто общались. Бывало иногда и то, чего нельзя было в то время, и за что могли появиться проблемы.

Был случай, когда после собрания в обкоме, на котором обсуждалась религия, директор зашёл на выставку и схватился за голову. У нас в одной части были выставлены храмы, в другой – обнажёнка. Он это всё увидел и возмущился «пропагандой чуждого искусства». Но я сказал, что мы не пропагандируем, а изучаем.

– Часто такие ситуации возникали, и оправдан ли был ваш риск?

– Такой риск, в принципе, был, но у меня всегда получалось как-то выкручи-

Я дома у Василия Петровича Надеждина (г. Ухта), удивительный был человек!

ваться и находить выход. Что-то помогало, потому что проблем серьёзных с цензурой не было. Да и наш фотоклуб в Сыктывкаре имел свой статус: «Парма» был единственным коллективом в городе с наградами и приглашениями с Запада и отовсюду. В то застойное время мы как-то сумели достичь таких высот.

– А были ли какие-то частные случаи или конфликты с чиновниками?

– Нам никто не мешал, хотя могло такое быть. Всё было изначально продумано, и в том заключалась моя роль в фотоклубе «Парма» – найти какие-то входы и выходы.

Опять же, в то время надо было работать, показать себя. В первый год работы клуба мы проводили совместную выставку с товарищем и вывесили две фотографии обнажёнки. Зашёл «видный учёный», посмотрел на всё это безобразие и ко мне с возмущениями. Тут я понял, что «бить надо сразу» и поехал, что есть мочи: «Да как вас без намордников в «Эрмитаж» пускают?!»

Кстати, с ним мы и потом столкнулись. Послали нас как-то на сенокос, ну, и женщина одна рассказала, всю информацию про него, где и кем работал. Я подхожу и прилюдно начинаю издеваться: «Ну Василий Петрович, ну половой гигант, великий сперматозоид! Я перед вами просто преклоняюсь!» И так далее... У него челюсть отвисла, он обалдел. Потом Василий Петрович этот от злости за той женщиной, которая мне про него рассказала, с вилами бегал.

– Ваше отношение к той действительности и такое «весёлое» поведение было осознанным ходом?

– Эта игра на публику шла везде и всюду. Надо было вписаться в коллектив и в определённую ситуацию. Действовать надо было. Да и опять же, очень много кто мне подыгрывал.

Московские фотохудожники Александр Слюсарев, Игорь Мухин, Сергей Леонтьев, Николай Кулебякин на сыктывкарском ЛПК, приглашал Марк Оникул от лица эжвинского фотоклуба.

Однажды в Коми был фестиваль кино, приезжал гость из «Мосфильма». Мы с ним сдружились, поговорили о жизни, пообщались, а перед отъездом он заходит к моему начальнику и говорит: «Вообще, для республики Коми – это большая роскошь иметь такого человека, как Сергей Зиновьев». Всё, после таких заявлений все ворота сразу открываются.

И таких случаев было много. Собрали работников культуры в филармонии обсуждать проблемы. Выходят докладчики, отчитываются, что сделали, как решили проблемы. Дошла до меня очередь, выхожу и говорю, что мы тут собрались обсуждать проблемы о вчерашнем дожде, нет бы поставить какую-то реальную задачу, которую и решить сначала, может быть, не получится... Я даже не говорил о фотографии. Все это слышали и потом какое-то время обсуждали.

Когда уже началась перестройка, пришёл на собрание и выступил. Гово-

рю, что могу днём в рабочее время пойти с девушкой в кино или спать дома, но когда надо работать, я буду работать. Вы, говорю, сами всё, что и где, прекрасно знаете. И все согласились.

– Лично вы с политикой в жизни сталкивались в то время?

– Когда начал работать в «Парме», воспользовавшись тем, что парторг был в отпуске, я вышел из партии. Пришёл, подписал заявление, а потом, когда хватились, было уже поздно. Но, понимаете, это мне сошло с рук, проблем никаких не было.

Да и вообще по жизни, могу сказать, везло всегда. Жизнь бережёт, меня каким-то чудом всегда выводило из сложных ситуаций.

– Часто от творческих людей можно услышать критику в адрес совет-

ской власти. В разговоре с вами этого напряжения нет...

– Вообще, в советское время мне много чего нравилось, несмотря на то, что мы много чего не имели. Просто в каждой системе, в социалистической или капиталистической, есть свои выходы, главное – знать правила игры. Здесь одни правила, а там другие... Мы просто играем, но говорить, что те правила лучше наших, нельзя.

Сейчас стали мы сыто жить, появились у нас мобильные телефоны, но что от этого лучше стало?

Вот, можно представить человека, который привык в пять утра вставать и доить корову... Тяжело? Да, тяжело, но когда он это делает, он ощущает какую-то радость. Он принял внутри себя эти правила, и он живёт по ним, по этому укладу жизни.

Когда говорят, что был блат. Да, был, но всё и всегда строится на отношениях

между людьми, и это давало мне всегда честно, без зазрения совести и проблем работать.

– Всё же хочется вернуться в тему фотографии. Вот, жил фотоклуб «Парма», проходили выставки, приезжали известные фотографы... Насколько знаю, огромное влияние на вас произвёл классик советской фотографии Александр Слюсарев...

– Со Слюсаревым часто общались, даже друзьями были. Это был первый человек, который дал мне понять, что такое фотография. Вернусь к уже сказанному – мы в Сыктывкаре не знали критерии «хорошей» и «плохой» фотографии, на что опираться. И Саша дал мне понять, что это такое.

У меня была коробка с сотней карточек, которые я считал хорошими, а в ящиках и столах были тысячи снимков,

которые надо было перебирать и смотреть. Когда Александр увидел первые фотокарточки, сухо похвалил и сказал, что я всё правильно делаю. Но всё-таки были подозрения, что всё это не так. На другой день мы сидели у меня в гостях, болтали, и он заметил вторые: «Слушай, а ты, оказывается, хороший фотограф. Что-то вчера ты мне фигну какую-то показывал». И тут мне всё стало понятно... Я ничего не знал и пытался что-то понять в фотографии, а мастера изначально всё знали и просто делали. Разница, оказывается, не в таланте, а в понимании. У них было знание и осознание, а Сан Саныч меня навёл на ориентир. Но он же и сбил, потому что у него была другая фотография, а я стал подражать, и поэтому потратил много своего времени.

А вообще, здорово, когда знакомишься с фотографом, общаешься, и он даёт тебе не просто хорошую карточку, а ту,

за которой что-то стоит – и это понимание было интересным.

Со временем пришёл к выводу, что интересные авторы и люди есть, но с ними надо общаться вживую, и больше не на выставках, а на кухнях. Потому что далеко не всё можно выставить...

– А не было ли внутри фотоклуба дискуссии или, скажем так, оппозиции?

– Я был очень жёстким руководителем в «Парме», и к тому же был вес как у фотографа, что подтверждалось людьми, которые к нам приезжали. Это не давало повода для появления другой силы. Был авторитет, и он должен быть в любом коллективе. Если у тебя есть авторитет, и ты диктуешь свою волю, и для противовеса нужна другая, более серьёзная сила.

– С коллегами и подчинёнными по фотоклубу всё понятно, тут должна

быть иерархия. А как реагировали сыктывкарцы, когда вы с фотоаппаратом выходили на улицы?

– Реакция людей – это очень сложный вопрос. Уличная съёмка – это психологический процесс, я должен был быть готов к общению с людьми. У меня было несколько заготовок и два варианта, либо я не готов, либо готов подходить к людям и фотографировать.

Случаи разные и интересные были, снимал на рынке, и мне морду обещали набить. А однажды я поборол мужика на руках, и после этого на правах победителя мог фотографировать.

Реакция сложная была, мол, мы тут и так плохо живём, а ещё ты ходишь и снимаешь. Хватало эмоций выше крыши, в общем.

Однажды гулял с коляской, смотрю, грузчики у магазина... Достаю ФЭД-Микрон и начинаю снимать, подваливает мужик, достаёт корочку КГБ, а я свою. Со

стороны это выглядело довольно комично: два мужика друг другу корочки показали и разошлись.

– Были ли у вас какие-то границы, моральные барьеры во время уличной съёмки?

– Однажды к нам приезжал фотограф Валерий Павлов из Харькова, и мы с ним тоже ходили, гуляли, фотографировали. И он как-то сказал: «Не стоит эта фотография спокойствия этих людей». То есть вот, не буду снимать, не хочу лезть в их внутренний мир. И это правило мне надолго запало в душу.

– Есть такое выражение «художник должен быть голодным». Как вы относитесь к этому высказыванию и согласны ли вы с ним?

– Художник должен быть голодным, но голод в данном случае не материальное понятие. Голод нужно рассматривать

как какую-то обречённость, судьбу, когда человека выкручивает как наркомана, и жизнь куда-то гонит – это и есть дикий голод внутри художника. В такой ситуации наличие дорогой одежды или еды у художника не играет роли, потому что он немного помешан и сдвинут по фазе.

Всё очень просто, либо есть мир, который просится наружу, чтобы ты о нём рассказал, либо нет. Готов ты или не готов о нём рассказать, он всё равно выльется. И вот желание выразить это всё и есть голод.

– Если говорить о материальном достатке с помощью фотографии, не портит ли коммерческая съёмка фотоискусство?

– Коммерческая фотография к искусству не относится, она не в состоянии испортить искусство. Это совершенно другая игра. Правила рынка – это извлечение прибыли, и коммерция может ис-

пользовать произведения искусства для достижения своих целей. Но искусство – это другой мир. Коммерческая съёмка была и в советские годы, но тут надо понять, что это просто другие люди. Разграничение между ними и теми, кто приходил в «Парму», было очень сильным. При этом никто не запрещал приходиться к нам и интересоваться творческой фотографией.

– Ваши снимки размещены на серьёзных фотосайтах, а также в соцсетях, и к ним оставлено довольно много лестных комментариев. Как вы считаете, чем сегодня ценятся ваши фотографии?

– Мои старые снимки Сыктывкара и республики интересны временем. Если я сегодня буду снимать так же или даже лучше, то никто этого не заметит. Время другое, и оно требует чего-то другого. Фотоклуб «Парма» тоже был важен именно в ту

эпоху... Сегодня есть фотографы, собираются они – молодцы. Что-то делают, и всё, об этом никто, кроме них самих, не знает.

Тут даже неважно, тогда или сейчас были фотографии лучше, просто раньше в этом виде искусства была необходимость. Для сегодняшнего человека гораздо значимо то, что у него в телефоне есть инстаграм, чем объединение сыктывкарских фотографов.

И выставки сегодня тоже не имеют смысл, потому что всё можно посмотреть в интернете. Да и вообще фотографии сегодня не печатают никто.

Вот, есть у меня знакомый журналист, который по горячим точкам часто ездит и параллельно своей работе фотографирует там. Мы с ним однажды в Москве встретились, и он рассказал, что просто отправляет снимки по электронной почте в редакцию, а там уже смотрят. Но ведь фотографию печатать надо, когда она на бумаге, о ней и говорить легче...

– Всё-таки, по вашему мнению, как повлияло на фотографию и искусство новое время с цифровой информацией и свободой слова?

– Мне кажется, что свобода слова раздвинула рамки искусства вообще. Я могу говорить о явлении и творчестве как зритель, впитывая его. Могу понимать, состоялось ли оно для меня или не состоялось. Сам факт наличия картины Рафаэля, к примеру, для меня не является искусством. Если состоялось свидание с картиной, то оно состоялось. Но бывало так, что подхожу к шедеврам и не воспринимаю их, не чувствую.

Ещё в советские годы два или три раза я видел подлинники работ Дали, но они у меня ничего не вызывали. И лишь потом, когда я попал в музей Сальвадора Дали в Испании, то понял это величие. Уже потом в голове сложился образ вот этого художника. И после знакомства с автором смог рассматривать его произведения по кусочкам.

– Хотелось бы спросить, что произошло с фотоклубом «Парма» после «перестройки»?

– После распада СССР информации, и не только фотографической, стало много. У людей не стало времени, поменялось отношение к жизни. А когда потоки информации увеличились, разговаривать вообще стало не о чем... К примеру, до перестройки я не понимал фразу «Чтоб ты на одну зарплату работал!».

И вот если рассматривать фотоклуб «Парма», как явление, то это был источник информации, объединявший людей, которые пытались понять, что такое фотография.

После «перестройки» финансирование нашей деятельности прекратилось. Не было денег ни на командировки, ни на выставки, ни на то, чтобы приглашать в Коми известных фотографов. Когда

не стало возможности собирать людей, общаться и обсуждать фотоискусство, смысл в существовании нашего объединения пропал. Правда, понимание этого пришло уже потом.

– Насколько мне известно, вы давно не занимаетесь фотографией. Куда вы ушли из фотографии?

– С началом девяностых творчество ушло. Я смотрел вокруг и не мог понять, что вообще происходит... Перестал работать, развёлся с женой. Думал, что всё, с пенсией жизнь закончилась. В этот сложный период я не видел, что дальше. Понимал, что вот была жизнь, и всё, что я хотел в ней сделать, я сделал, высказался.

Была просто тишина, в которой я жил семь лет. Но потом пришло понимание, что

ничего не закончилось, и я пошёл по второму кругу. Опять захотелось семьи, жизни, и это совершенно другой образ жизни.

Время моей фотографии прошло. Дух этого времени есть в фотографиях, и сегодня мне неинтересно копаться в старых снимках, пытаться сделать так же или лучше. Жизнь ставит другие какие-то проблемы.

– Какое отношение у вас к современной сыктывкарской фотографии?

– Я не вижу смысла в сегодняшней фотографии, потому что её такое количество в интернете, и кому нужна какая-то «сыктывкарская» фотография? Если её не будет, то никто просто этого не заметит. В советское время фотографии было мало, тогда мало кто занимался, и это было значимым явлением.

Вот я сегодня горжусь тем, что в те

годы я всё же чего-то добился. Вышла «Большая история России в фотографии», и там 18 страниц моих работ – это то, чем я вошёл в историю фото.

Вероятность того, что я пойду на выставку в Сыктывкаре, небольшая. В каких-то крайних случаях, если мне будет что-то очень интересно и если будет время, то пойду. Думаю, у остальных людей такое же отношение.

– Есть ли шансы на расцвет современной творческой фотографии в Сыктывкаре?

– Время отмывает шелуху и оставляет значимые моменты. Говорить сегодня о сегодняшнем моменте невозможно. То, что должно произойти, оно состоится. И нет смысла пытаться что-то возродить, вытянуть и воссоздать. Не надо это делать. Зачем?

СЛПК – «Монди СЛПК»: страницы истории

О проектах строительства Сыктывкарского ЛПК до войны и после неё так рассказано в книге «Эжвинская застава», изданной почти полвека назад: «Ещё в тридцатых годах один из ленинградских проектных институтов поручил инженеру Н.Н. Тюрнину провести изыскания на лесных массивах Коми АССР. Работа захватила молодого специалиста. Заготавливая и отправляя в различные области страны сотни тысяч кубометров древесины, республика сама очень мало перерабатывала её. Потери при сплаве, отходы на местах заготовок – сучья, вершины, пни... Становилось обидно: путь древесины был вымощен золотом, страна теряла миллионы рублей. На основе тщательных изысканий в 1937 году Николай Николаевич разработал первый проект Сыктывкарского комплекса. Но его доработке помешала война.

В послевоенные годы Н.Н. Тюрнин значительно усовершенствовал своё предложение по комплексной переработке лесных богатств республики. С его проектом детально знакомятся в обкоме партии и Совете министров Коми АССР, взвешивают все «за» и «против». Наконец, в плане развития народного хозяйства республики на 1959 год появились знаменательные строки: «В этом году будут заложены жилой посёлок и предприятия для строительства Сыктывкарского лесопромышленного узла: завод бетона, деревообрабатывающий завод, автогараж, база материально-технического снабжения». Четверть века отдал Николай Николаевич осуществлению своей большой мечты – созданию лесопромышленного предприятия в месте слияния Вычегды и Сысолы, и именно здесь в 1959 году начались первые изыскательские работы. Интерес, внимание к будущей стройке растут с каждым днём. Анализы и расчёты ещё раз подтверждают огромную экономическую эффективность предложения Тюрнина, и в 1960 году Совет

Министров РСФСР поручил ленинградскому «Гипробуму» составить проектную документацию Сыктывкарского лесопромышленного комплекса. К ответственной работе были привлечены также двенадцать институтов Госплана РСФСР, министерств и комитетов при Совете Министров СССР. Главным инженером проекта был назначен Николай Николаевич Тюрнин. Проекты были закончены на восемь месяцев раньше срока и утверждены 30 марта 1961 года».

В 1958 г. была утверждена строительная площадка для комбината в районе Слободы, приехала первая бригада строителей из 12 человек во главе с И.И. Кравцовым. Началось строительство жилых барачных и стройпредприятий. В 1960 г. был построен деревообрабатывающий цех и заложены новые дома для строителей в Слободы (в 1963 г. Слободу переименовали в рабочий посёлок Эжва). 7 апреля 1960 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление № 478 «О мерах по ликвидации отставания целлюлозно-бумажной

На строительстве
главного корпуса СППК.

Установка варочных котлов. Середина
1960-х гг.

Сентябрь 1970 г.

промышленности», где были определены сроки строительства Сыктывкарского целлюлозно-бумажного комбината до 1965 г. Планировалось, что мощность его первой очереди составит 134 тыс. т товарной целлюлозы, 100 тыс. т типографской бумаги, 25 тыс. т кормовых дрожжей, 100 тыс. куб. м древесностружечных плит, 100 тыс. т фанеры и прочей продукции.

В 1961-1962 гг. строительство будущего СППК залихорадило вдруг чехардой правительственных бумаг, в которых Совмин РСФСР попытался внезапно изменить профиль строящегося комбината, где приоритет отдавался механической переработке древесины, но руководством Коми АССР удалось отстоять намеченный в 1955 г. проект строительства именно целлюлозно-бумажного комбината. С 1963 г. строительство его продолжалось (смета строительства составляла 200 миллионов руб.) и было объявлено Всесоюзной комсомольской стройкой. В 1964 г. организована первая спецкомендатура для условно освобождённых из мест заключения и условно осуждённых для работы на строительстве СППК, в этом же году заложили фундамент главного корпуса комбината. Через год коллектив Всесоюзной комсомольской стройки Сыктывкарского ЛПК решением ЦК ВЛКСМ занял второе место в соревнованиях ударных молодёжныхстроек в Советском Союзе. В ноябре 1978 г. Сыктывкарскому ЛПК присвоили имя Ленинского комсомола.

Строительство комбината осуществлялось в три этапа: создание индустриальной базы строительства (1959-1963 гг.), общестроительные работы с монтажом крупногабаритного оборудования на промышленных зданиях комплекса (1964-1967 гг.), пусконаладочные работы и ввод в строй комплекса (1968-1969 гг.). Уже в 1963 г. были введены в строй Слободская индустриальная база – цех железобетонных изделий с проектной мощностью 60 тыс. куб. м сборного железобетона, бетонорастворимый и асфальтобетонный заво-

ды, автобаза на 450 автомобилей. С 1961 г. специальный энергопоезд обеспечивал стройплощадку СЛПК электроэнергией. Все работы по строительству комбината координировал и вёл специально созданный строительный трест «Сыктывкарспецпромстрой», но кроме него были ещё такие крупные управления, как строительно-монтажный поезд № 235 управления «Печорстрой» Министерства транспортного строительства СССР, стройуправление треста «Центроэнергострой» Министерства энергетики и электрификации СССР, сыктывкарское управление треста «Союзпромбуммонтаж» и др. Сыктывкарский ЛПК строила вся страна: свыше 500 предприятий со всех концов Советского Союза поставляли материалы, больше пяти тысяч молодых строителей (подсчитано, что представители 46 национальностей) приехали отовсюду на Север для работы на стройке. К началу восьмой пятилетки (1966-1970 гг.) Слободская индустриальная база была полностью построена. В целом, строительство СЛПК стало абсолютно новым уровнем капитального строительства в Коми АССР.

Параллельно со строительством СЛПК возводилась Эжва, в которой уже в 1969 г. имелось 167 тыс. кв. м жилья для строителей, 21 магазин, 17 столовых, четыре широкоэкранных кинотеатра, дворец спорта с плавбассейном и прочие учреждения коммунально-бытового и социально-культурного значения.

За короткий срок на берегу Вычегды вырос новый огромный коми индустриальный центр! 25 июня 1969 г. Государственная комиссия СССР подписала Акт о приёме в эксплуатацию первого технологического потока Сыктывкарского ЛПК по выпуску 172,5 тыс. т сульфатной целлюлозы и 140 тыс. т картона в год. Республиканское руководство на подписании Акта представляли первый секретарь Коми обкома КПСС И.П.Морозов и председатель Совмина Коми АССР П.А.Безносков. Через год была принята вторая очередь технологического потока предприятия. Нача-

*Группа передовиков, отмеченных
правительственными наградами по
итогам девятой пятилетки.*

*Председатель Совета Министров СССР
А.Н. Косыгин оставляет запись в Книге
почётных гостей Сыктывкарского ЛПК.
1975 г.*

*Дни советской литературы
в Коми АССР. Б. Окуджава
(в центре анфас) на СЛПК. 1974 г.*

лась производственная история комбината, ставшего вторым в СССР (после Братского комбината) предприятием по комплексной химической переработке древесины.

В июне 1970 г. СЛПК выпустил первую типографскую бумагу. Сырьевой базой комбината стала группа леспромпхозов объединения «Комилеспром», причём сразу началось использование лиственной древесины (до этого считалось, что бумагу надо делать только из хвойных пород деревьев). В 1976-1980 гг. комбинат переработал до 5 миллионов кубометров лиственной древесины и отходов лесопиления. В 1982 г. группа специалистов СЛПК (Р.Т. Брежнева, начальник научно-исследовательской лаборатории, В.М. Сынчиков, начальник древесно-подготовительного производства, А.Н. Потолицын, начальник сульфат-целлюлозного производства, В.М. Трошин, старший варщик) во главе с директором СЛПК Н.Н. Балиным стали лауреатами Государственной премии СССР за разработку и внедрение технологии использования лиственной древесины на производстве бумаги и картона.

Из отходов лесопиления и низкосортной древесины предприятие производило сульфатную целлюлозу, бумагу, кормовые дрожжи, фурфурол, таловое масло, скипидар. Технологическая щепка для Сыктывкарского ЛПК поступала из всех районов Коми АССР, для её транспортировки по Северной железной дороге были сконструированы специальные вагоны-щеповозы. За годы девятой пятилетки (1971-1975 гг.) Сыктывкарский ЛПК произвёл целлюлозы столько же, сколько вся целлюлозно-бумажная промышленность Советского Союза (включая старейшие на Севере Кондопожский и Архангельский целлюлозно-бумажные комбинаты, построенные соответственно в 1929 и 1940 гг., Камский целлюлозно-бумажный комбинат и др.). В 1971 г. на комбинате впервые в СССР была освоена технология изготовления бумаги марки «тетрапак» (молочная упаковка). 16 октября 1974 г. на СЛПК прошёл праздничный митинг работников, посвящённый варке первого миллиона тонн целлюлозы со дня производства. В 1983 г. сыктывкар-

ская бумага завоевала золотую медаль на международной ярмарке в Пловдиве (Болгария).

В марте 1975 г. Сыктывкарский ЛПК посетил Председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин. Следующий визит государственного деятеля СССР на комбинате произошёл в феврале 1989 г., когда Председатель Совмина СССР Н.И. Рыжков посетил Сыктывкар. К предпоследнему советскому году на Сыктывкарском ЛПК действовали древесно-сырьевое, сульфатно-целлюлозное, картонно-бумажное производство, завод по производству фанеры и ДСП; в комплекс входили очистные сооружения, ремонтно-механический завод, теплоэлектростанция.

Первым директором комбината в 1961-1963 гг. был В.П. Бажанов, участник Великой Отечественной войны, его сменил В.Л. Сазонов, руководивший в 1964-1967 гг. Оба были тесно связаны с целлюлозно-бумажной отраслью, Сазонов закончил Ленинградскую академию им. Кирова, получил профессию инженера-технолога, работал на Соликамском комбинате, Лальской бумажной фабрике, Новолялинском комбинате, после Сыктывкара работал главным инженером Астраханского целлюлозно-картонного комбината. О.Л. Ширяев, ставший директором СЛПК в 1967 г., начинал работать в отрасли с рабочих профессий – в 1949 г. был бригадиром и мастером на Дерюгинской бумажной фабрике. В 1955 г. возглавил бумажную фабрику «Имени VII-ой годовщины Октябрьской революции» Вологодского совнархоза, в 1959-1964 гг. – директор Кодрянской бумажной фабрики Кировского совнархоза, после Сыктывкара работал в Кзыл-Орде. Первым главным инженером СЛПК стал И.К. Агеев, именно он в 1963-1965 гг. принимал в Японии для комбината картоноделательную машину фирмы «Mitsubishi» по лицензии фирмы Beloit (для её установки в 1966 г. приехала бригада японцев, но мастера и специалисты СЛПК сами установили машину).

Почти 20 лет Сыктывкарский ЛПК возглавлял Н.Н. Балин (1930-1998 гг.), образно названный журналистами «отцом» комбината и «капитаном» предприятия. Внёс большой вклад в создание крупнейшего предприятия и в оснащение его передовой техникой. Под его руководством комбинат вышел в лидеры лесобработывающей промышленности СССР. На комбинате применялась только самая современная лесобработывающая и целлюлозная техника, существующая в СССР в единичных образцах. За выдающиеся заслуги Балину Николаю Николаевичу Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 мая 1986 г. было присвоено звание Героя Социалистического труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и молот».

После Н.Н. Балина гендиректором СЛПК на период 1988-1994 гг. стал А.В. Кононов. В последние советские годы сумел наладить эффективную работу предприятия, нарастить объёмы выпуска целлюлозно-бумажной продукции, экспортировать значительную её часть в европейские страны, на Ближний Восток, в Индию и Китай.

М.Ю. Магий возглавлял комбинат восемь лет (1994-2002 гг.). Во многом благодаря энергии М.Ю. Магия СЛПК в 2000 г. вошёл в число 40 лучших российских предприятий, отмеченных Дипломами победителей Всероссийского конкурса «Российская организация высокой социальной эффективности».

В 1993 г. было зарегистрировано ОАО «Сыктывкарский ЛПК». В 1996 г. комбинат стал полностью частной компанией; в 2002 г. австрийская компания «Нойзидлер АГ», входящая в группу «Монди Европа» выкупила контрольный пакет акций СЛПК. Генеральным директором предприятия стал гражданин Франции Михаил Чеснаков. С января 2003 г. Сыктывкарский ЛПК стал называться ОАО «Нойзидлер Сыктывкар», затем «Монди Биз-

Кlaus Пеллер, генеральный директор АО «Монди СЛПК».

нес Пейпа СЛПК», а с января 2008 г. – «Монди СЛПК». В августе 2003 г. на заседании совета директоров в Вене (Австрия) генеральным директором предприятия был утверждён Ринат Старков. В 2009 г. генеральным директором «Монди СЛПК» стал Герхард Корнфельд.

С 2012 г. комбинатом руководит Клаус Пеллер. За время руководства АО «Монди СЛПК» Клаус Пеллер успешно ведёт комбинат к лидерству на рынке, производству продукции высокого качества. В течение последних лет предприятие, возглавляемое им, идёт по пути непрерывного развития и повышения эффективности, улучшает экологические показатели, реализует масштабные инвестиционные проекты по модернизации производства.

С 2014 года комбинат достиг знаковой отметки в миллион тонн готовой продукции, и увеличивает эту цифру ежегодно.

В последние десятилетия визиты государственных лиц страны на СЛПК стали частыми. В сентябре 1995 г. на предприятии побывал Премьер-Министр Российской Федерации В.С. Черномырдин. В 2004 г. комбинат посетил Председатель Совета Федерации России С.М. Миронов. В 2006 г. в Сыктывкаре впервые побывал с официальным визитом Президент страны В.В. Путин, он посетил СЛПК и образцово-показательную лесную делянку ООО «Лузалес» в Сыктывдинском районе. Во время посещения комбината В.В. Путин отметил: «Совершенно очевидно, что предприятие развивается. Вкладываются деньги инвесторами и собственниками, немалые деньги. Планы развития предприятия хорошие. Это отражается и на социальной сфере. Самое главное, что есть перспектива развития». В 2008 г. предприятие посетил Премьер-Министр страны В.А. Зубков. В 2010 г. В.В. Путин в должности Премьер-Министра Российской Федерации вторично побывал на Сыктывкарском ЛПК.

В интервью газете «Республика» в апреле прошлого года генеральный директор «Монди СЛПК» Клаус Пеллер так ответил на вопрос о перспективах предприятия и Республики Коми в целом: «Мы планируем увеличить производительность на комбинате как минимум на пятнадцать процентов. Это ставит перед нами большой вопрос: откуда брать сырьё? Мы арендуем лесфонд, который обеспечивает примерно три миллиона кубов леса в год, а наша потребность возрастёт до пяти. Лесфонд в республике точно есть, раньше здесь рубили по тридцать миллионов кубов ежегодно, а сейчас всего семь. Есть ещё интересный проект «Стань успешным вместе с Mondi!», который мы только что начали: на основе конкурсного отбора предлагаем студентам учиться за рубежом. Оплатим их обучение в одном из лучших вузов Европы, потом они вернуться и смогут сделать карьеру на Монди СЛПК. Для нас важно подготовить будущее поколение компетентных сотрудников... Моя мечта, чтобы мы в Коми жили, как в Европе. У нас богатая республика, тут работают крупные нефтегазовые компании. Много леса. Я не вижу причин, почему мы так живём. Климат не причина, потому что недавний пример – Лапландия. Страна за полярным кругом, как и наша Воркута, а там нормальная инфраструктура, гостиницы, дороги...».

Михаил ТАСКАЕВ

Валентин Стариков:

«СЛПК – это моя биография»

Один из афоризмов Козьмы Пруткова гласит, что нельзя объять необъятное. Однако после встречи с Валентином Григорьевичем Стариковым, строителем и ветераном Сыктывкарского ЛПК имени Ленинского комсомола, заслуженным работником Республики Коми, я сильно усомнилась в однозначности данного утверждения.

Удивительно творческая личность, общественник и идейный вдохновитель нескольких социально значимых проектов, краевед, коллекционер репродукций картин русских и зарубежных художников – «домашняя Третьяковка Старикова» насчитывает 15 тысяч каталогизированных работ, автор родословной таблицы российских князей и царей Рюриковичей «Мир русской истории: монархи России». Им составлено генеалогическое древо потомков А.С. Пушкина, родословная роспись своей семьи, авторская карта Великого Устюга, альбом «Мир русской истории», где представлены изображения денежных купюр разных эпох. Собраны все гимны страны от 1917 года до наших дней. Вместе с коми гимном их 12. И ещё много любопытного и полезного можно найти в творческой сокровищнице Старикова, в том числе и авторские рисунки и литературные наброски. Разумеется, создать всё это немислимо без солидного багажа знаний, прочтения специальной литературы и, конечно, времени.

На днях Валентин Григорьевич подарил эжвинской библиотеке «Светоч» авторскую энциклопедию «Космос, космонавтика, космонавты...».

Валентин Стариков в этих сапогах работал в 1960-ых годах, и решил увековечить их на своём дачном участке.

– Чтоб дети знали о героях космоса, – поясняет автор. – А то ведь нынче редко, кто помнит, сколько наших и не наших побывало в космосе. Дай Бог, назовут три-четыре фамилии первых космонавтов. Вот и всё.

Богатая творческая фантазия ветерана нашла применение и на его даче. Валентин Григорьевич первым в Эжве получил дачный участок в посёлке «Бумажник». Вот уж было, где развернуться его богатой творческой фантазии. На видном месте установлены памятники первому колышку и первой паре дачных резиновых сапог, удивительным образом сохранившихся с 60-х годов прошлого столетия. Фантазия фантазией, а важнейшей задачей хозяина остаётся забота об урожае.

– Модный в последние годы призыв о ненужности «горбатиться на грядках» не про нас. Мы настолько помним голод военного лихолетья, что будем выращивать овощи, пока хватит сил. Заодно помогаем своим трудом решать программу продовольственной безопасности страны, – не

без юмора поясняет свое пристрастие к огородничеству Валентин Григорьевич.

Его неиссякаемой энергии можно только позавидовать. В 81-й год катается летом на велосипеде, зимой – на лыжах. И будьте уверены: во всех спортивных хобби с лихвой даст фору молодёжи.

Родился Валентин Стариков в посёлке судоремонтников Кузино, что недалеко от Великого Устюга. Окончив Устюгское речное училище и факультет водных путей и портов Ленинградского института водного транспорта, пять лет проработал изыскателем в городе Горький. В одном из интервью вспоминал, что речником почувствовал себя с плёнок.

– Как вы оказались на ЛПК? Ведь с дипломом Ленинградского института могли бы остаться в том же Горьком или любимом вами Ленинграде, а то и бороздить морские просторы.

– Узнав, что в Коми началась всесоюзная комсомольская стройка «гиганта на Вычегде», в марте 1965 года я поехал в Сыктывкар на разведку. Нашёл администрацию строительства. И там случилось такое!..

Встречу с директором стройки Владимиром Леонидовичем Сазоновым, предшественником Н.Н. Балина, Валентин Григорьевич до сих пор называет сказкой, ставшей былью.

– Если бы здесь всех встречали так, как встретили меня, – восторженно вспоминает ветеран. – Ознакомившись с моими документами, директор воскликнул: «Имен-

но вы нам и нужны! Именно вы должны у нас работать. Идите отдохните с дороги, а завтра с утра жду вас у себя». Утром следующего дня мне вручили вызов от Совнархоза республики, адресованный руководству предприятия, на котором я работал, где было сказано, что В.Г. Стариков вызывается на ударную всесоюзную стройку на такую-то должность с гарантией предоставления квартиры. Это было потрясающе! Сборы на новое место были недолгими. Через неделю я уже приступил к обязанностям инженера отдела капитального строительства СЛПК, а через месяц получил ключи от квартиры в новом доме.

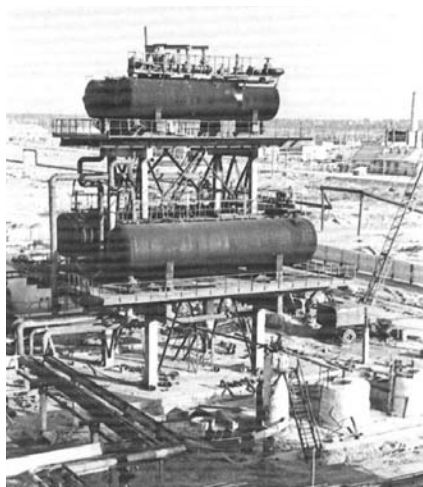
– Чем же вы настолько заинтересовали руководство стройки?

– Стройке нужны были специалисты для возведения объектов гидротехнического профиля: насосных станций технического и питьевого водоснабжения, берегоукрепления да и много чего другого. А я – гидротехник, специалист с определённым опытом работы. Так и попал в десяточку.

Благодаря высокому профессионализму и преданности своему делу, ответственному отношению к любому заданию, а также гордости за причастность к великой стройке, это «попадание в десяточку» стала для Валентина Старикова талисманом успеха на протяжении всех 45 лет работы на СЛПК.

Много всего вспоминается ветерану из прошлого. Но особый след оставил в его душе 1965-ый – год широкомасштабного строительства объектов на промплощадке комбината и в жилом посёлке. Строителям и водителям приходилось трудиться в сложных условиях заболоченной местности. Но никто не жаловался на трудности, на временную неустроенность, все сознавали ответственность за свой вклад в стройку века.

– Темпы строительства были просто поразительными. В 1958 Совмином СССР принято решение о строительстве лесопромышленного комплекса на Вычегде, – как таблицу умножения, перечисляет этапы стройки Валентин Григорьевич. – Для сооружения объектов

Монтаж картонно-делательной машины. 1967 г.

Монтажники на сборке цилиндров сушильной машины. Начало 1970-х гг.

Бумага и картон готовы к отправке потребителям. Начало 1970-х гг.

предприятия и социальной инфраструктуры был образован трест «Сыктывкарспецпромстрой». По призыву ЦК комсомола в Эжву приехало более пяти тысяч юношей и девушек со всего Советского Союза, а их же нужно было обеспечить жильём, предоставить места в детских дошкольных учреждениях. Требовалось сиюминутно решать массу вопросов.

– В августе 1964 заложен фундамент главного корпуса комбината и ТЭЦ, в 1967 году начался монтаж первой картоноделательной машины, которая была запущена в эксплуатацию 25 июня 1969 года. И эта дата стала официальным днём рождения СЛПК, – снова и снова проживает поистине героические будни трудового коллектива ЛПК Валентин Григорьевич. – 30 июня 1970 года выпустили первую типографскую бумагу, а в 1971 году была внедрена технология производства двухслойной бумаги-основы типа «тетра-пак». И каждый последующий год давал стране новую и новую продукцию.

Но не только хлебом единым жили строители комплекса. Активно работали комсомольская, профсоюзная, партийная организации. Юбилейные даты страны и республики отмечали ударными вахтами, памятной варкой целлюлозы в рамках социалистического соревнования между предприятиями комплекса. В торжественной обстановке были открыты Дворец культуры бумажников, Дворец спорта с плавательным бассейном, лыжная база, лодочная станция, откуда совершались походы на шлюпках до Петрозаводска и по Волге. 1 сентября 1965 года на вечернем отделении филиала Ухтинского лесотехнического техникума, открывшемся при СЛПК, прозвенел первый звонок. Нынче это Сыктывкарский целлюлозно-бумажный техникум.

СЛПК и Эжву возводили молодые строители, представители 49 национальностей. Это была единая дружная команда, в которой не было даже намёка на отчуждение кого-либо по национальной принадлежности.

– В течение 18 лет, не в самый простой для производства период, когда осваивались новые мощности, отрабатывались технологии процессов, СЛПК руководил Николай Николаевич Балин, также уроженец Вологодской области, – не без гордости вспоминает о своём земляке Валентин Григорьевич. – Это была легендарная личность. Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР. Выдающийся руководитель и организатор, который предвосхищал события, умел ставить задачи и решать их. Своей сегодняшней прочностью СЛПК до сих пор во многом обязан прозорливости Николая Николаевича. В знак благодарности в 1999 году в его честь была установлена памятная доска на бывшем здании управления комбината, а в год 85-летия Н.Н. Балина по инициативе эжвинского совета ветеранов поставлен памятник легендарному директору.

– Время летит быстрее, чем нам хотелось бы. В труде и заботах пролетели 45 лет, и вот мы уже ветераны предприятия. Но грустить по этому поводу некогда, потому что мы не забыты. Большую поддержку ветеранам, и не только материальную, оказывает администрация комбината, – продолжает свой рассказ Валентин Григорьевич. – Заботятся о нас и профсоюзная организация, и совет ветеранов. Есть возможность отдохнуть на ведомственной базе отдыха в Коччойяге, поправить здоровье в санатории-профилактории «Вита». Для ветеранов и с их участием проводится немало мероприятий.

Нас нередко приглашают на предприятие. К примеру, в декабре прошлого года мы побывали на объектах трудовой славы. Нас встречал генеральный директор комби-

Первая бумага из белёной целлюлозы.

*Директор Сыктывкарского ЛПК
Н.Н. Балин разрезает ленту, открывая
музей истории СЛПК. 26 января 1973 г.*

ната Клаус Пеллер, который после обстоятельного рассказа об основных направлениях и показателях работы Монди СЛПК провёл автобусную экскурсию по ключевым производственным точкам «гиганта на Вычегде». Да, увиденное впечатлило! И знаете, на протяжении всего маршрута меня не покидало чувство особой гордости от сознания, что в нынешние успехи «гиганта на Вычегде» внесён и мой вклад.

На память приходили слова известной в советские годы песни: «Мне не думать об этом нельзя, и не помнить об этом не вправе я, – это наша с тобой земля, это наша с тобой биография». Да, Сыктывкарский лесопромышленный комбинат – это наша биография. Мы взрастили из семечка саженец, выжили его в дерево, которое даёт нынче богатые плоды. Мне приятно, что в числе тех, кто трудился на благо комплекса, и моя супруга Зинаида Ивановна, работавшая в конструкторском бюро комплекса. Кстати, нашему семейному союзу пошёл 58 год.

На встречах с ветеранами СЛПК мне доводилось быть экскурсоводом по нашему музею. Тысячи фотографий, на многих из которых бывшие комсомольцы уже с запорошенными висками узнавали себя в молодости. Пожелтевшие от времени грамоты, поздравления вызвали море положительных эмоций. Мы вспоминали яркие события из жизни комбината, сделали фото на память на фоне трудовых знамён и огромной фотоиллюстрации первых дней строительства комплекса.

– Эжва стала для меня второй родиной на всю оставшуюся жизнь, – продолжает ветеран. – Вообще мне в жизни повезло. Была любимая работа, сложилась благополучная семья, выросли замечательные дети и внуки, подрастают любимые правнуки. Как поётся в песне, «на земле жили-прожили мы не зря». Это главное.

Но жизнь продолжается в современном ритме. В этот же день Валентина Григорьевича ждали школьники, после встречи с которыми он поспешил на мероприятие Великоустюгского землячества, работой которого руководит более 20 лет. А это значит, что впереди у него новые проекты и начинания, туристские маршруты и очередные добрые дела.

Светлана МУРАВЬЕВА.

Андрей РАСТОРГУЕВ

Сыктывкар

Республиканская Тмутаракань,
Где, нервные выхолощая клетки,
По холодку, в предтранспортную рань
Трусцой бегут осанистые клерки,
Где тихое спокойствие ночей
Не сотрясти, по-моему, ничем
Иным, oprичь дворцового скандала;
Одно из многих благодатных мест
Отсылки диссидентов и повес,
Чьё вольнодумство всех заколебало;
Где в сутки раз, пересчитав мосты,
В тупик приходит поезд из Москвы...
Прихожая Полярного Урала.

* * *

В Сыктывкаре мелкий дождь идёт
и не остановится, похоже.
Глянцева асфальтовая кожа...
В Сыктывкаре мелкий дождь идёт.

Сеют-посевают небеса,
изнывают люди под зонтами.
Медленными шествуя фронтами,
сеют-посевают небеса.

Плачет отсырелая листва,
отрясая волглые ресницы.
Птицы перелётной вереницы...
Плачет отсырелая листва.

Трудно влажной моросью дышать,
созерцая серые пейзажи.
Если воздух одноцветен даже,
трудно влажной моросью дышать...

В Сыктывкаре мелкий дождь идёт,
и одна лишь радость у народа:
скоро переменится погода
и сухой морозец упадёт...

Наталья Плаксина

Плаксина Наталья Евгеньевна, заместитель директора Национальной галереи Республики Коми. Окончила исторический факультет Сыктывкарского государственного университета, факультет теории и истории изобразительного искусства Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина (Санкт-Петербург). Основные сферы научных интересов: история иконописи в Коми крае, наивное искусство Республики Коми. Автор свыше 70 публикаций по культуре и искусству, музейному делу региона.

Ольга Орлова

Орлова Ольга Владимировна, заведующая музейно-исследовательским отделом Национальной галереи Республики Коми, куратор.

«Город-на-Реке»

Усть-Сысольск–Сыктывкар в произведениях художников

*Но пускай сохранится
На многие-многие лета
Этот северный город
Над северной этой рекой.*

Алексей Иевлев

Город, в котором живут художники, неизбежно воплощается в их творчестве, отражая наиболее значимые для своего времени места и явления жизни. Художественный образ городского пространства, особенно провинциального, складывается из цветной мозаики изобразительных историй, объединённых сопричастностью к жизни города. У каждого города своя «художественная история», обусловленная особенностями его культурных традиций. Художественная история Усть-Сысольска-Сыктывкара в значительной степени создана людьми, связавшими с ним жизнь волею судьбы, подобно известному журналисту и писателю Александру Евсеевичу Рекемчуку. Он приехал в Сыктывкар в 1947 г., оставив яркие описания первой встречи с послевоенным городом в своей автобиографической повести «36 и 6», выдержки из которой мы позволим себе процитировать.

«...Наш герой Алексей Рыжов отнюдь не расставался с этим городом на реке, а наоборот, только что прибыл в этот незнакомый город на безвестной реке, в Город-на-Реке...»

Когда началась художественная история города Усть-Сысольска, неизвестно. Из наиболее ранних известны карандашные рисунки вернувшегося в 1918 г. на родину из Петрограда после 10-летней отлучки архитектора **Александра Викентьевича Холопова** и его жены **Веры Дмитриевны Холоповой-Новодворской**. Беглые зарисовки на маленьких листках пожелтевшей бумаги запечатлели уголки уходящего дореволюционного Усть-Сысольска с его храмами, старым киркульским кладбищем, торьюмой за высоким частоколом, деревянными избами, заброшенным кирпичным заводом в Кочпоне. На графических листах его жены – художницы Веры Дмитриевны Холоповой-Новодворской – запечатлены вид на Усть-Сысольск с любимого места отдыха горожан Красной горы, с виднеющимися вдали главами и колокольней Стефановского собора, типичная городская окраина с заснеженными деревянными избами, – возможно, местечко Кочпон, где в семье усть-сысольского иконописца родился Александр Холопов. Сегодня эти листы, запечатлевшие утраченный облик Усть-Сысольска начала XX века, представляют ценность исторического источника.

Важную роль в формировании иконографии Сыктывкара сыграл уроженец Архангельска **Виктор Гаврилович Постников**, приехавший в Коми в 1942 г. Значительное место в его творчестве занимали архитектурные пейзажи родного Архангельска, выполненные сангиной или тушью на небольших по размеру листах. В Сыктывкаре художник продолжил работать в любимом жанре, создав серию городских пейзажей в разнообразных техниках – тушью, сангиной, углём, гуашью. В его произведениях предстаёт город, ещё сохранивший многие приметы дореволюционного деревянного Усть-Сысольска.

«Эти здания тем резче бросались в глаза, и тем паче казались на перечёт, что они были вкраплены, вставлены, врезаны в сплошное деревянное царство, плотницкое раздолье, хитроумное теремное и столбовое зодчество...»

Среди городских достопримечательностей, запечатлённых В.Г. Постниковым – большой деревянный дом с мезонином на улице Покровской, в котором в 1861-1865 гг. снимал квартиру у дочери священника Марии Алексеевны Казариновой поэт Иван Алексеевич Куратов. В начале 1960-х гг. на этом месте был построен каменный жилой дом, на первом этаже которого долгое время размещался Литературно-мемориальный музей И.А. Куратова. Привлекла взгляд художника и пожарная каланча, превратившаяся после разрушения церквей в главную архитектурную доминанту города.

Послевоенный Сыктывкар «в цвете» запечатлён на листе «Улица Кирова в Сыктывкаре» **Михаила Павловича Безносова**, исполненном в технике пастели в 1946 г. Этот довольно неуклюжий с художественной стороны лист пронизан атмосферой тревоги, которую порождает диссонанс застывшей на морозе природы и темнеющих на этом фоне знаков военного времени: раструб громкоговорителя, машина перед холодной громадой здания НКВД (построено в 1938 г. по проекту архитектора А.А. Зикеева), па-

мятник Герою Советского Союза, полярному лётчику М.С. Бабушкину у входа в парк (скульптор Н.А. Саркисов, 1941; позднее перенесён в сквер у кинотеатра «Родина»).

Столь же безрадостен послевоенный Сыктывкар на небольших этюдах **Николая Лукьяновича Жилина**. На одном из них художник запечатлел бывшую Стефановскую площадь, переименованную в Красную. В центре площади вместо взорванного Стефановского собора возвышается «Колонна Победы» – первый в Сыктывкаре памятник, посвящённый победе в Великой Отечественной войне. В 1967 г. вместо него будет поставлен памятник В.И. Ленину (скульпторы Л. Кербель, В. Буякин).

«...Никаких церквей не было в поле зрения, но обязательно должны быть церкви, не может их не быть. Здесь, конечно же, стояла церковь: огромная, скосыренная динамитом, поверженная в прах во мгновение ока. Он даже представил себе, как ухнуло, дрогнуло, распалось, развалилось...»

На другом этюде Н.Л. Жилина изображен весенний, размытый грязью спуск улицы Орджоникидзе к Кировскому парку. Такое название бывшая Покровская, затем Республиканская улица получила в 1937 г. Справа узнаётся первое каменное здание Усть-Сысольска – дом купца Суханова (ныне здесь размещается Национальный музей Республики Коми), слева виднеется пожарная каланча.

1950-е годы в художественной летописи Сыктывкара прочно ассоциируются с именем **Валентина Викторовича Полякова**. Художник разработал свой жанр городского пейзажа, соединивший элементы архитектурного и лирического пейзажей. Первые работы, созданные в конце 1940-х гг. и предваряющие идею цикла, несут в себе ярко выраженное лирическое начало. Особенно интересен акварельный лист «Летний вечер в Сыктывкаре», на котором изображена девушка, сидящая с раскрытой книгой на коленях на скамеечке возле Колонны Победы. В 1954-57 гг. В.В. Поляков создаёт серию небольших автолитографий, воспроизводящих в камерном формате облик молодой и динамично растущей современной столицы Коми АССР, с новостройками в стиле сталинского ампира, на фоне которых протекает жизнь города – ходят автобусы, деловито спешат куда-то студенты и преподаватели Коми пединститута, по заснеженным улицам катаются лыжники, беседуют под луной влюблённые пары. Глядя на эти легко читаемые, ясные, атмосферные листы, неизбежно ностальгируешь по прошлому тихому городу с редкими машинами, нарядными фонарями, деревянными мостками и выбеленными фигурными поребриками, ещё кое-где чудом сохранившимися в старых дворах города.

Именно этот город, запечатлённый В.В. Поляковым, встаёт перед глазами, когда читаешь страницы повести А. Рекемчука. На листе «Белая ночь» художник запечатлел облик первой кирпичной гостиницы «Север», построенной в 1938 г. по проекту архитектора Н. Минина, в которой останавливались все приезжие.

«Против гостиницы было пожарное депо старой кирпичной кладки, белённое прямо по кирпичу, с четырьмя воротами и высокой каланчой. Однако Алексей сразу понял, что пожарная каланча служила не только украшением этой, судя по всему, главной улицы. На ней, хоть и главная, каменные дома стояли наособицу, их можно перечесть по пальцам: гостиница, из которой он вышел, пожарка на-

против, двухэтажный дом в некотором отдалении, на углу, где ему предстояло сворачивать, похоже что школа, и на другом углу хорошо отштукатуренный трёхэтажный дом, жилой, добротный, судя по всему для начальства, – вот и всё, что он сразу охватил взглядом».

По проекту Н. Минина в те же годы было построено здание учебного корпуса № 1 Коми государственного педагогического института, изображённое В.В. Поляковым на одном из листов серии («У пединститута в Сыктывкаре». 1955. Автолитография). В 1950-е гг. это было последнее каменное здание, за которым город заканчивался.

«...Взойдя, он замер от удивления: прямо перед ним на горе стоял его собственный библиотечный институт тут как тут, весь как есть, знакомый до чёрточки... Он подошёл и прочёл над дверью, что это здешний педагогический институт. Алексей понял, что этот институт построили в одно и то же время с его институтом по одному и тому же типовому проекту, оттого они так разительно схожи».

В конце 1950-х гг. в Сыктывкар приезжают молодые выпускники художественных вузов, влившиеся в ряды созданного в 1943 г. Союза художников Коми АССР. Среди них – москвич **Станислав Анфимович Торлопов**, только что окончивший Костромское художественное училище. Его первые живописные полотна посвящены строящемуся Сыктывкару. На одном из них («Сыктывкар строится», 1959) изображён участок застройки первыми жилыми пятиэтажками улицы Совнаркомовской (ныне Карла Маркса). В центре возвышается возведённое в 1950 г. по проекту Ф.А. Тентюковой здание Министерства сельского хозяйства (ныне Министерства образования РК), за ним просматривается знаменитый «Дом под шпилем», построенный в 1959 г. по проекту института «Академпроект». На картине мы можем видеть один из первых автобусов внутригородского сообщения ЗИС-115, которые поступили в республику в 1952 г.

Столь же документальны городские виды **Рема Николаевича Ермолина**, выпускника Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина. В 1960-70-е гг. художника нередко можно было увидеть на улицах города за мольбертом. Городские пейзажи Р.Н. Ермолина отражают его любимые маршруты в центре города, в окрестностях улицы Бабушкина, где находилась мастерская художника. Едва ли не главное место в его городских пейзажах занимают городские улицы – памятные многим пыльные и гулкие деревянные мостки высокого тротуара на спуске улицы Орджоникидзе («Улица в Сыктывкаре», 1964), крутой поворот улицы Бабушкина на Советскую возле здания 14-й школы с открывающимся красивым видом на Пожарную каланчу («Пожарная каланча», 1965), широкий подъём в гору улицы Бабушкина с добротными деревянными домами по сторонам, заканчивающийся зданием Драматического театра («Драматический театр. Сыктывкар военных лет», 1965).

«...Там, где улица круто разгоняется в гору, – там маячило здание нахальных конструктивистских очертаний, торчком и дыбом, задорное начало тридцатых годов...»

Вторая половина 1960–1970 гг. в художественной летописи Сыктывкара отмечена появлением темы застройки улицы Коммунистической – главной улицы города, соединившей старый центр города с построенным в 1964 г. железнодорожным вокзалом.

«А ещё дальше, за этими зданиями, оголялся обширный загородный пустырь в холмах и оврагах, а там уж и ничего больше не было, только густой лес, может быть, даже тайга, медвежья, волчья. Алексей перевёл дух, оглянулся с горы на подгорье. Было нетрудно догадаться, что тут, на возвышенном месте, был сделан почин новому городу, который не желал иметь сходства с другим, уездным, лабазным, мещанским, распластавшимся в низине...»

Графический лист **Степана Александровича Холопова** «Улица Коммунистическая зимой» даёт возможность увидеть главную улицу города в начале преобразований. Уже принимает приезжих гостиница «Центральная», построенная в 1965 г., начинается строительство здания Госсовета, ещё нет «Дома Быта», который будет возведён в 1972 г.

Романтика новостроек нашла воплощение в творчестве **Александра Николаевича Безумова**. Уроженец с. Великовисочное Архангельской области, закончивший факультет монументально-декоративной живописи Ленинградского высшего художественно-промышленного училища имени В.И. Мухомовой, художник приехал в Сыктывкар в 1958 г. На картине «Стройка в декабре» он запечатлел фантастическую в лучах прожекторов и клубах морозного пара картину строительства здания типографии зимой 1978 г.

Творческая индивидуальность А.Н. Безумова, с его неповторимым панорамным видением, преобладанием в его полотнах ритмического линейного начала, свойственным ему сдержанным и гармоничным колоритом, удивительно совпала с эпохой поиска нового стиля второй половины 1960-х. Ему удалось ярко воплотить образ Сыктывкара 1960-х с его геометрией новых микрорайонов, ровными линиями улиц и прямоугольниками хрущёвок. В картине «Новый микрорайон» (1980) художник изобразил вид из окна своей квартиры на пятом этаже дома № 38 по ул. Димитрова, из которого открывается стадион перед школой № 36, гаражи возле дома № 44 и детский садик. Это так называемый 6-й микрорайон, активно застраивавшийся в эти годы.

Декоративную линию городского пейзажа продолжил **Виктор Григорьевич Залитко**, который приехал в Сыктывкар в 1966 г. Именно с городских пейзажей началась его творческая деятельность в Республике Коми. Он привносит в традиционный жанр совершенно новое звучание, выстраивая свои композиции в декоративно-плоскостной манере. В его полотнах предстаёт уже другая, дополненная глубоко личным эстетическим переживанием, реальность, поднимающая конкретный мотив на высоту образного звучания. Задумчиво-лиричен его «Мичуринский парк» (1971) с отражёнными в глади пруда деревьями. Картина «Вечер. Театр» (1971) пронизана атмосферой радостной суеты, складывающейся из стекающегося к театру разноцветного потока людей, драгоценных россыпей огней на мокром асфальте, треугольников заснеженного света под фонарями.

В 1990-е годы в художественной летописи Сыктывкара открывается совершенно новая страница. Освобождённое от идеологии искусство транслирует послания, отражающие образ мыслей, жизнеустремления, переживания и чувства художника в постсоветском провинциальном городе в эпоху кардинальных социально-экономических и социально-политических перемен. Произведения этого периода не столько открывают красоту городских пространств во всём их своеобразии, неповторимом северном оба-

янии, сколько демонстрируют активный поиск духовного начала в современном мире.

Традиционные формы реалистического пейзажа получают продолжение в виртуозных акварелях выпускника Института живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина **Анатолия Иосифовича Неверова**, которому всё ещё удаётся по-своему увидеть и ощутить в давно знакомом ещё что-то непримеченное. Городские пейзажи, преобразованные художником, выделяются колористическим богатством, свежим чувством цвета. Особенно красив в его пейзажах осенний Сыктывкар. Одеты в «багрец и золото» аллеи, скверы, площади пронизаны розовым свечением. Жизнь природы и строй живописи обретают здесь полное слияние.

В городских пейзажах 1990-х уроженца Москвы **Вячеслава Михайловича Куликова** очертания реального мира только угадываются. Дома и деревья растворяются в абстрактных композициях из красочных линий и пятен, создающих динамичный образ современного города, наполненный движением и звуками.

Образ Сыктывкара в работе **Анжелы Рустиковны Размановой** «Минус 27» (2014) держится на эмоциональной окрашенности цвета. «Миражность» строится на реальном материале, запечатлевшем пересечение улицы Коммунистической и Октябрьского проспекта. Это «городская поэзия» с тончайшим переплетением случайно и художественно зафиксированного ритмического пульсирования жизни города. А. Разманова акцентирует внимание на ощущении пространства города, не теряя чувства реальности.

Поэтика посвящённых городу графических листов **Ирины Дасюк** (из серии «Девять», 2016), при всём разнообразии интерпретируемого материала, существенно определяется свойствами её личности. Изменчивые душевные состояния находят выражение в концептуально-художественных образах обыденных городских пространств, среди которых – магазин «Оружие» на улице Коммунистической, магазин «Овощи» на улице Карла Маркса. Преобладание тёмной тональности в её работах – воплощение духовной энергии, погружённости художника во взаимоотношение света и тьмы, как символа конфликтности самого бытия. Ирина Дасюк исповедально и открыто демонстрирует сложные переживания пространства: от лирических трепетно-грустных до мрачно-скептических.

В творчестве графика и карикатуриста, выпускника Московского полиграфического института **Аркадия Алексеевича Размыслова** происходит возврат к страницам истории Усть-Сысольска – Сыктывкара, города «деревянного царства» и «плотницкого раздолья», города с ещё не разрушенными и не повергнутыми в прах церквями, – истории, переосмысленной на языке народного лубка. Со свойственным ему юмором автор в забавных подробностях рисует жизнь уездного города с его повседневными радостями и заботами: святочными гуляньями («Святки», 1999), половодьями («Разлив», 1983) и политическими потрясениями («Переименование Усть-Сысольска в Сыктывкар»).

Современное творчество художников Сыктывкара знаменует уход от традиционных форм и стремление к поиску общего языка со временем, поиску духа времени в новых формах.

Холопов А.В. Слесарная мастерская.
1918. Бумага, карандаш.

Холопов А.В. Троицкий собор. 1918.
Бумага, карандаш.

Холопова-
Новодворская В.Д.
Вид с Красной
горы на Усть-
Сысо́льск. Бумага,
карандаш.

Холопова-
Новодворская В.Д.
Усть-Сысо́льская
окраина. Бумага,
акварель.

Постников В.Г.
Зимой в Сыктывкаре. 1946. Бумага,
тушь, гуашь.

Постников В.Г. Улица Орджоникидзе в
Сыктывкаре. 1942. Бумага, тушь, перо.

Постников В.Г. Дом в Сыктывкаре, в котором
жил основоположник коми литературы
И.А. Куратов. 1949. Бумага, тушь, перо.

Жилин Н.Л.
Улица
Орджоникидзе.
1948. Картон,
масло.

Безносков М.П. Улица Кирова в Сыктывкаре. 1946. Бумага, пастель.

Жилин Н.Л.
Красная площадь
в Сыктывкаре. 1949.
Картон, масло.

Поляков В.В. Зимой в Сыктывкаре. 1956. Бумага, уголь.

Поляков В. В. Летний вечер
в Сыктывкаре. 1949. Бумага, акварель.

Поляков В.В. Белая ночь.
Из серии «Сыктывкар». 1955.
Автолитография.

Поляков В.В. У пединститута
в Сыктывкаре. Из серии «Сыктывкар».
1955. Автолитография.

Поляков В.В. Дом Профсоюзов в Сыктывкаре. Из серии «Сыктывкар». 1955. Автолитография.

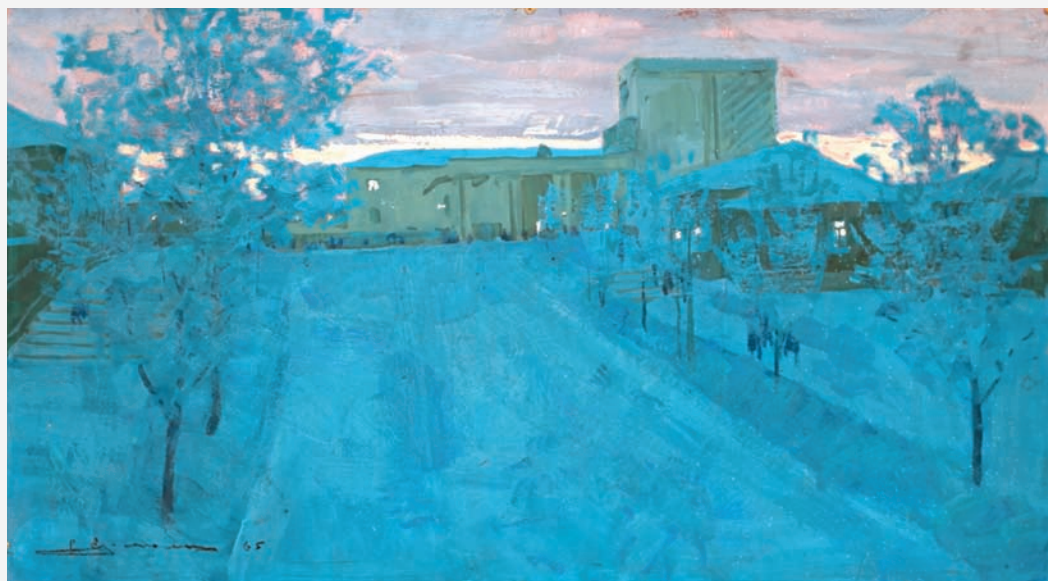

Торлопов С.А. Сыктывкар строится. 1959. Холст, масло.

Ермолин Р.Н. Улица
в Сыктывкаре. 1964.
Картон, масло.

Ермолин Р.Н. Драматический
театр. Сыктывкар военных лет.
1965. Бумага, темпера.

Ермолин Р.Н. Пожарная каланча.
1965. Картон, масло.

Холопов С.А. Улица
Коммунистическая зимой.
Бумага, акварельные мелки,
карандаш.

Безумов А.Н.
Новый микрорайон.
1980. Холст, масло.

Безумов А.Н. Огни. 1971.
Холст, масло.

Безумов А.Н. Морозное утро. 1971. Холст, масло.

Безумов А.Н. Стройка в декабре. 1978–1979. Холст, масло.

Залитко В.Г. Мичуринский парк. 1971. Холст, масло.

Залитко В.Г. Вечер. Театр. 1971. Оргалит, масло.

Разманова А.Р. Минус 27. 2014. Холст, акрил.

Дасюк И.А. Из серии «Девять». 2016.
Бумага, смешанная техника.

Размыслов А.А.
Разлив. 1983.
Офорт, высокая
печать, смешанная
техника.

Размыслов А.А. Переименование Усть-Сыольска в Сыктывкар. 2000. Офорт, высокая печать.

Размыслов А.А. Святки. 1999. Офорт, высокая печать, смешанная техника.

**ТОМ ГИЖЫСЬЯСЛӨН
ЛИТЕРАТУРНОЙ
ЖУРНАЛ**

АС ОРДЫМ

Висьт-туйяс

Лаврей МАВРА

Векныйд серпас

Менö гортын некод оз виччысь муна улич кузя кытчö кокöй нуас лов вылын тыртöм бытьö кушмöм банкаын öмидза варенньöсö кодкö бара на ректöма кыдзи челядьдырйи сöмын на мамыд перйис гöбöчысь да пунктис пызан вылö сöмын на сьöкыдпырысь восьтис вевтсö и мунис чуткыны тшайник öмидз көрыс разалö керка пасьта сибалö быд пельöсö корö чöсмасьыштны зиль малямущьяс моз лэбöны юмотор дорö чой-вокöй найö босьтöны паньяс да ньылыштöны варенньöсö банка пыдöсас кольö öти тусь сийö нора видзöдö мамлөн руалысь чашка вылö корö прöща тайö абу ме абу ме абу ме но став мыжыс усьö тайö тусь вылö сийöс ставныс öтдортöны некод оз көсий паньыштны сідзи коньөрöй и косьмö ме некодлы öнi ог ков мамлы звöнита а сылы пыр некор видзö чой-воклысь посни челядьсö кор нин найö быдмыласны да лэдзасны сёрнитны тайö карас ме дзик öтка но сиктын татшöм пöткаыс нöшта на уна шпоркъялöны гортсянь удж вылö сэсся шойччан лунö мольöдöм чужöмөн шлапвидзöны джынвийö куш клубын öти и сийö жö йöз öти и сийö жö музыка öти и сийö жö йöктöм вöрыс гöльмö и сиктыс буракö тшöтш танi вöртöм но позянлуныс унджык быд лун көсья тэчны тыдавтöм лэчьяс сямöй абу дай ог лысьт урöсникыд меным оз ков со тай улич пöлөн колян вося корйыс сьöлöмтö оз вөрзьöд ни синтö оз гажöд вой тöлыс пöлялö найöс кытчö гажыс няйт лым вылö шыбитлас машина көльöса улö брызгылас ва гөптö дзумгас корйыс косьмас и бара паняс важ туйыс мыйта позьö тадзи овны водзвылын ризöдö көтасьöм кока гулю чорыд кос веркöсын кок туйыс вочасөн сылö бытьö кодкö вуштö лапа бöрся лапа сöмын на пунктан синтö и абу став бур зонсö кыйöны сюсь нывьяс найö кужöны корсьны метитчыны да стöча веськавны пасö зоньяс оз нин зильны вöравны налы дыш гежмавны пармасö корсьны кыйöдны вöтчыны налы став пуыс öткодь көть и веськалас ас пу оз гөгөрволены дышöдiс нин жуглыны юр мудзи тайö мөвпсьыс муслуныс абу эм эськö да сöмын менö ылысянь кытшовтö оз шедöдчы киö а гашкö водз на коркö туйыс ачыс вайöдас лöсялана мортöс колöкö сийö öнi восьлалö мöдар туй бокöдыс да тайöс жö мөвпалö збыльысь тонö мунö сьöд паськöма том морт киас кыскö шпалер мамöй век босьтö дзоридза шпалер сылы оз тырмы чветыс батьöй нэмнас öтчид козьнавлис букетсö а быд ань радейтö дзоридзьяс керкаас көть ывлаас чветыд кужö вочавидзны мелилунөн и некытчö оз пышйы менам патераын уна дзоридз найö меным челядь кодь верда-юктöда найöс лелькуйта сёрнита чветьяс век радöсь меным öта-мöдныскöд ордйысьöны кодi унджык юас васö нюжалас дзордзалас жаль оз кужны сёрнитны найöс эськö помтöг

кывзі кызди и небөг сылөн сёрни шывгысь ю любө кывзыны серпассянь серпасө мөвпянь мөвпө олөмсянь олөмө небөглөн пыжыс мудзлытөг новлөдлө менө аслас муяс пөлөн и ньөтчюд на эз эновтлы менө йөз берегын ылавла кө кытчөкө виччысяс шогала кө бурөдас вися кө бурдөдас татшөм жө мортөс эськө паныдавы да овлө-ө сэтшөмыс школаын велөдчигөн на колльөдчылі өти зонкөд сійө век сёрнитіс сөмын ас йывсьыс менам кывъясьөй лөдісны быттьө көзөдө да пөрисны йиө сэсся зонмыд муніс велөдчыны карө да дзыкөдз көдзалис ме дыр лөньөді сьөлөмөс сы выйөдз мый кын мырөн ачымөс кыла торйөн виль морткөд төдмасигөн кокой кыскө менө библиотекаө шарөдчысь кор шыа мөвпяяс кытшалөны менө быдладорбоксянь шөпкөдөны кутшөм джадж дорө матыстчыны кутшөм книга судзөдны кутшөм лист бок восьтыны налөн асланыс мог вөзйыны кызд поэьө унджык небөг мед мортыс юас найөс көть тайө өмидза варенньө либө пелыся ставыс өткодь сөмын босьт быдөн инасяс лолыд паськыд но ме ог вермы радейта ветлыны ордымөд аддзыны векныд серпас нимкодьясьны сикт пасьта енэжөн шушкөдчысь мөвпяяс көсийөны менө венны миянөс пө кывзан и лоан шудаөн и радейтана пөвтө аддзан и олөмыд ладмас тырмас өткөн чипсасьны вөтла найөс кыш-кыш-кыш светофор кунис гөрд синсө да чашкөдіс турунвижсө улич мөдар боксянь паныд локтө шпалера том морт

Көин

Өтчүд муні школасянь гортө велөдчөм бөрын көин кодь тшыг пемыд ывлаыс көдзыд төвнас йизьөдіс сьөлөмөс некыдз эз лөнь зэрыс көтөдіс помтөг менө гусяліс шоныдсө кынми тувччалі сьөд гөпьяса туйті йөз эз тыдав сикт гөгөр увтчисны понъяс видзисны йөзсө виччысьтөм вынысь коді ньөжйөнник кытшаліс оланін шлөпөді өтнам ичөтик керка өшиныын югьяліс шоныд би дерт пач дорын пукавны бурджык көтасьөм пыдди мөвпалім ми төлыськөд сійө тшөтш өтнас помтөм-дортөм енэжын коллялө нэм көсйө югзьөдны пемыд мушарсө сөмын тарыт оз сет некыдз лөкалысь бушколыс водзвылам водөма пөнарлөн биыс эрдөдө олөмлысь мисьтөм веркөссө казялі туй бокасы пес чипас пөрөма киссьөма няйт шорө тэчан кө выльысь да мыськас енэжыс чипаслөн чужөмыс сөстөммас сэки пач өткодя босьтас вомас пессө виччысьтөг ылынкодь помтөм пемыдын югнитіс син гозлөн ясыд би сувті мөвпалі водзө мый вөчны эг төд йирмөгыс котөртіс ыджыд өдөн мыш кузя вежөрөй повзис кань көнкө тайөн ачымөс өвсьөді гашкө и пон көин мед эз нин вөв дзевсьөма сикт саяс виччысьө кодлысь гусявны ловсө ордөны олан визь менам кок улын муыс небзис няйтыс кыскыны пондіс сулавны эз позь водзө муні полі и муні синьясыс матыстчисны быттьө кык помтөм розь кыскисны пытшкөсас енэжө видзөдлі отсөг төвьяслысь кори коньөр кыз пулысь коді туй бокас быдмис да ме моз жө көтасис кивузыс* нюкляліс сійөс летіс быд кор но пу эз сетчы виччысис шонді петөмсө пөнар биөн бара кытшовті помтөм пемыдсө төдмавны гашкө пемөсыс муніс нин синьясыс эз кусны яра өзйисны шуи полөмлы ог сет вын муна помөдз өд көсьяс кө вөтөдас быдлаысь оз кө енмыс видз төлыс другысь выныштчис йиркакылөмөн пазөдіс пөрысь керка вевт чардбиыс сотіс синьяссө и здук кежлө пуксьыліс чөв ньөжйө матыстчи керка дорө век на балябөжөн кылі сьөкыд видзөдлас пыри гортө өдзөссө сипті иганлөн эбөсыс сійөс эз нин лэдз

* Кивуз (иж.) – чизыр төв

Өшинь сайын парма лэбө...

Муна тай бара гортысь ылө кызд мен төдса нин тайө парма кузя төвзъысь поездлөн пушкөмыс өшинь сайын лэбысь пуясыс ок вөрас эськө пырны да уявны небыдик пушуд лымйын быттьө дзолядырйи сэсса банийом чужөмөн да көтасьом көлуйөн локны гортө но дерт петі сійө кадсьыс өні чужаніно каникул дырйи сөмын воывла шойччышта вежон да бара карө поездөн муна төдөмлун босьтны со ме кодь детинка тшөтш кытчөкө мөдөдчөма гашкө велөдчыны да дерт тыдалө кутшөм вежөра лыддьө Толстойлысь «Война и мир» сөвмыны өд колө жө эг на эськө и думыштлы кодөн лоа төрыт көсйи серпасасьны талун кывбуръяс да висьтъяс чужта гашкө аски йөктыны да гудөкасьны кута ог төд кодөн олөмас лоа карө кольчча восьта лавка да мөда вузасьны а сэсса вермасьысьяс джагөдасны ог оз ков мен татшөм олөм перъя тыртөм стөканын зельгысь паньсө тадзи и водзө олөм йылысь майшөдлан мөвпсө эськө юрысь кыскыны карын ме ог ков сәні йөзыс тыр лунбыд жуө а ме некодөс ог төд ставныс ас понда сөмын төждысьөны чужан сиктын абу сідз сәні йөзыс ставөн өта-мөднысө төдөны суас кө кодөскө шог весь оз кольны чукөртчасны да өтвылысь отсаласны нөшта сәні менам бур да шань мам-батъой ыджыд рөдвужөй коді важөн нин овмөдчис сэтчө кызди өшинь сайын пуясыс да на моз жө паськөдіс асьыс вужсө кодөс колө туявны а карын тайө уджсө он вөч коді мый сэтөн рөдвужөй йылысь төдө ме ог сет сійөс вунөдны керавны вужсө лэпта керка кута овны да быдтыны пиянөс олөмас асьтө пыр колө корсьны аддзан сэк кор сьөлөмыд лоас бурмөмаөн кыпыдлуныд сэк тәнө оз чөвт и оз мөд тәнө майшөдлыны уна сьөм ни ыджыд чин тэ кутан вөчны быд лун асьыд радейтана удж да сөвмыны өні менам олөмөй дзик пармаөд кытшлалысь шор кодь но коркө и шорыс пөрас юө а сійө нин усяс саридзө

Фотографии взяты из открытых источников.

СЫКТЫВЛӨН ЛОЛЫС

Висьт

Шоныд төвру вайис ичөтдырсянь төдса көр. Сыын сорласьомаоьс и виль турунөн вөччөм видзьяс, и мелі шондіөн шонтөм лыа, и тэрмасьтөг шлывгысь юлөн югыд ваыс.

Сыктыв эз на удит прамөя шонавны, а челядьлы окота вөлі нин тельскөдчыштны, вөзйысисны ва дорө. Мөдөдчим нельөн: ме, верөсөй да нывъяс. Челядь босьтисны ворсан ведра да ичөт зыр. Бадь кустьясөн топөдөм туйті лэччим юлань.

Миян Сеська сиктым сулалө Сыктывлөн веськыд берег вылас, неыджыд нөрыс йылын. Чужөмбаныс сиктлөн восьса, югыд, кыдзи и татчөс олысьясыслөн. Юыс эзысь вөнньөн шлывкнитчөма сикт пөлөн. Витөд нэм нин Сеська видзөдчө аслыспөлөс дзырыд рөмпөштанө. А юыс воысь воө пыр матыстчө и матыстчө сикт дорас. Гажтөм сылы өти визьөбті шлывгыны, да и кыскө сійөс йөзланыс, со и вештыштө ассьыс ковтыссө быд тулыс.

Локтөмөн тшөтш казялі: бара вильыш Сыктывным нюлыштөма лыа берегсө, колян во серти ёна и буждөдөма сійөс.

Друг ю весьтын мыйкө дзиркнитис-югнитис. Бобув! Шонді рөма. Төдчымөн ыджыдджык мукөд бобулысь. А кутшөм өдйө шенасьө паськыд борднас! Сөмын матыстчи ю бокө – вошис.

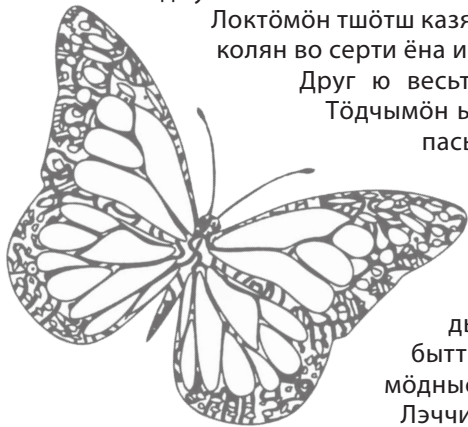
Воссис ме водзын Сыктывлөн дзырыд рөмпөштаныс. Паськыд ва веркөсас ворсис уна посни эзысь кодзув. Юыс кокниа лайкөдіс найөс, корсюрө дзебыштліс да сэсся бөр петкөдліс.

Небыдик төвру меліа малышталіс сөдз васө. Кадьсь кадө мыччысьлісны вильыш гыторъяс. Найө быттө көсйисны панъясьны дурысь челядьпьян моз өтамөдныскөд, но эз вермыны да лөньлісны-вошлісны.

Лэччим водзөджык ю кывтчөс, кытөн юыс вөчө чукуль да векняммө.

Мөдар берегыс Сыктывлөн кырдома. Кыр бокас уна посни съөд чутөн сярвидзөны джыдж позьяс. Быттө кодкө нарөшнө чуньнас розьөдалөма берегсө. Тэрыб чикышь-яс живкъялөны Сыктыв весьтті. Отка каля аддзис мянөс да пондіс гораа элясьны. Сылөн корөм вылас регыд воис и мукөд каля.

Пөрччим көмнымөс. Шоныд лыа муртса гильөдіс кок пыдөснымөс. А берегла-ныс муыс вөлі васөд да көдзыд. Но челядьөс тайө эз повзьөд. Найө пуджисны гач кокъяснысө да келалісны-селькөдчисны берег дорас. Дэльөдісны зельгысь серамнас вөрса йөласө. А мөдыслы быттө сөмын сійө и колөма: пыр гораджыка и гораджыка жөньгыліс.

Берегдорса
ляпкыдінас тув-
къялісны арпи-
ян. Нывъяс васо
гумовтігмоз кыйис-
ны өтиос ведранас,
дыркодъ видзодісны
сылысь тивкъялөмсö да
бөр лэдзисны юас. А сэсса
котортісны берег пөлөныс.
Мудзöмаосъ да пуксисны
ытваон вайом кос кер вылө.

Друг мян гөгөр пондіс лэ-
бавны шонді рöма öнтая бобулыс.
Бордыс сылөн вöлі пемыд серъяса,
найö корсюрö тыдовтчылісны ше-
насигас. Меным окота лои бурджика
видзöдлыны аслыспөлос серсö – быттьö
кутшöмкö киподтуя мастер вышивайтöма
сійос вöснисъыс-вöсни сунисөн бобувлөн
шöвк бордас.

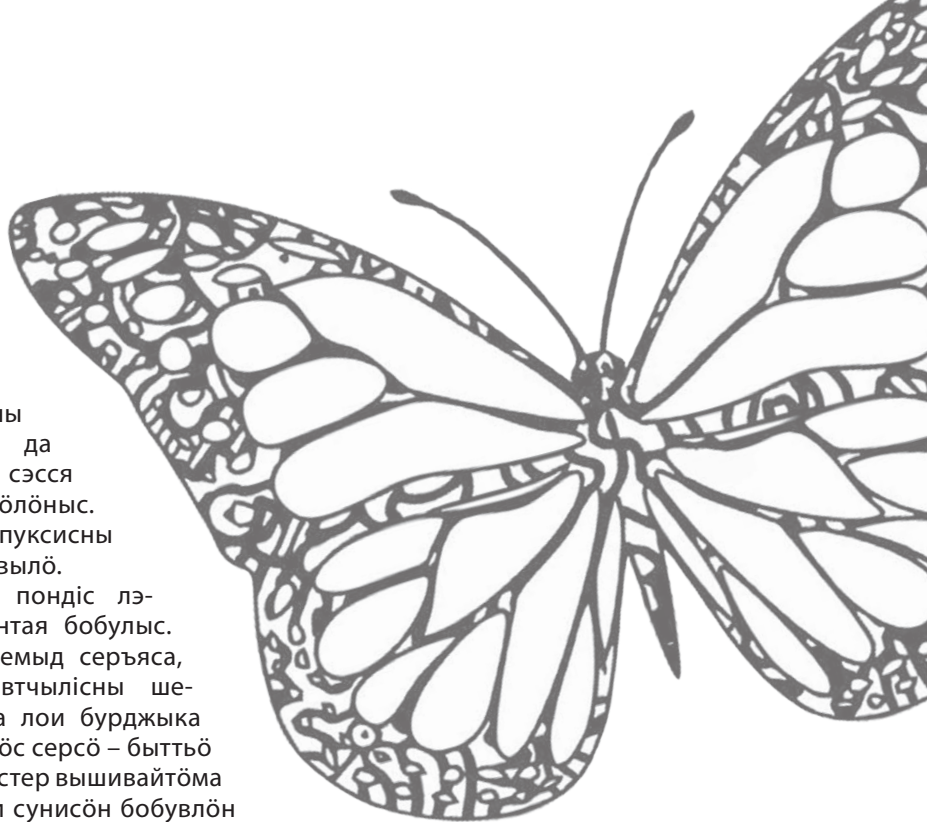
Нывъяс чеччыштисны места вывсъыныс да
дивъяпырысь котортісны. Менам тшöтш чепöсйыссис на бөрся. А бобулыс ворсöдчис
мианкөд: то ылыстчас да вылөджык лэбзяс, то пуксяс турунзьöм берег вылас,
быттьöкө виччысьö мянөс, а локтам – и шпоркнитö. Вайөдіс мянөс берег пөлөн бы-
дмысь бадъ кустъяс пиö да и воштысис.

Ми мыйдыракö синмалім сійос, но сідзи эгö и аддзöй да бөр петім лыа вылө. Че-
лядь заводитісны корсьны дзулкъялысь-пöртмасъысь дзöляник изъяс, ичөтджыкыс
ведра тырыс лыа сөвтис да кутіс зырнас «рок пуны». И бара бобулыд мыччысис.
Лэбаліс-гөграліс, а кор ми сы дінö матыстчим – шпоркнитіс бадълань. Ми уськөдчим
бөрсяныыс, но бара удитіс дзебсъыны. Недыр мысти бобув нöшта на петкөдчыліс, но
ми эгö нин котөртöй сылань.

Верөсöй босьтис ки вылас дзöля нывнымос да некымынысь кокниа шыбитліс сійос
енэжлань. Мөдыслы кажитчис лэбавны – чилзөмөн сераліс. А каляяслы тайö, тыдалö,
эз лөсъяв – кутісны майшасяна горзыны мян весьтын. Ми дуригмоз пышйим лэбачъ-
ясысь ылөджык, и каляяс ланьтісны.

А сёрөнджык сійö местасъыс, кытчö бөръяысьсö пуксъыліс бобув, ми казялім кага
ки пасьта юрсигусьöс. Сійö чöла пукаліс лыа вылас и эз весиг вөрзъы. Юрсигусьлөн
бордйыс югъяліс дона изумрудөн, пöртмасис Сыктывлөн ва веркөс мозыс. Ми дыр
видзөдім сы вылө да шензим: мыйла оз лэбзъы? А бөрынджык гөгөрвоим: өти борд-
йыс вөлөм орыштöма. Ми аттьöбалім юрсигусьöс, мый сымда кад сетіс любуйтчыны
югыд борднас, да кутім чукөртчыны гортö.

Челядь верөскөд котөртісны водзö да саялісны берегдорса бадъ кустъяс пиö, пе-
тісны туй вылө. А ме тэрмасьтөг муні ю пөлөн – мыйкө быттьöкө эз лэдз менö Сык-
тыв дорысь. Көсйи тшöтш мөдөдчыны туйланьыс, но кок улö друг веськаліс тыртөм
ракпаньлөн джынйыс. Босьті чунь помъясөн да пукті ки пыдөсö. Пöльышти лыасö –
мыччысис еджов югъялысь шылъыд пыдөсыс. Кодлөн эськө тайö ичөтик пыжыс? Пук-
ті ракпаньсö ва бердö: гашкө, кывтас?

Сувті ю паныд и гөгөрвои: мыйкө вежсис. И збыль – лоис лөньсьыс-лөнь: эз нин кыв каляяслөн гораа чилзөмыс, чикышъяс дугдिसны тивкъявны, весиг төвру эз пöльышт. Шыч ни рач. И юыс быттö чöв уси, оз весиг лолышт. Гашкö, и кадыс сувтис...

Виччысьтөг син водзті вирдыштис ма рöма паськыд бордъя бобув, жбырöдис юланьыс да сунгысис веськыда ваас. И сійö местасьыс немын здук кежлö петкöдчыліс меным Сыктывлөн лолыс – руысь нисьö визув ваысь артмöм ныв. Сійö кокниа шывкнитис эзысьөн пöрмасьысь платтёнас. Кузь юрсиыс дöлаліс еджгов гыөн. А видзöдласыс нылыслөн вöлі жугыль, и ме муртса эг вöй сылөн пыдöстөм кельыдлöз синмас. Повзи да читкыртчи. А кор бөр восьті синмös, нылыслөн мыгöрыс вöлі нин бырöма.

Лажгöдчылöмөн малышти ва веркöссö: «А тэ менö верман-ö пöртлыны бобулö? Кöть öти здук кежлö?»

Виччысьтөг ю боксянь кыпöдчис төвру да резыштис ме вылö уна эзысь войт. Наысь чужисны посни бобувъяс – быдөн аслыспöлös рöма,– паськöдисны борднысö, торйöдчисны меысь, кокниа лыбöдчисны да разалісны енэжын.

Журналлөн редколлегия:

Елена Афанасьева, Алёна Шомысова, Любовь Ануфриева, Алёна Старцева.

Экземпляр
Администрации Главы
Республики Коми

СОГЛАСОВАН
Руководитель Администрации
Главы Республики Коми

М.Ю. Порядин _____
(Ф.И.О.) (подпись)

" 15 " марта 2018 г.

УТВЕРЖДЕН

Руководитель
АУ РК «Редакция журнала «Арт»

Н.М.Новикова _____
(Ф.И.О.) (подпись)

" 30 " марта 2018 г.

Автономное учреждение Республики Коми «Редакция журнала «Арт»
(наименование государственного автономного учреждения Республики Коми - составителя Отчета)

ОТЧЕТ

о результатах деятельности государственного автономного учреждения
Республики функции и полномочия учредителя
которого осуществляет Администрация Главы
Республики Коми, и об использовании закрепленного
за ним государственного имущества
за 2017 год

составлен 30 марта 2018 г.

Учредитель:

Государственный орган,
осуществляющий функции учредителя:
Юридический адрес учреждения:

Адреса фактического местонахождения:

ИНН

КПП

ОГРН

Ф.И.О. руководителя:

Ф.И.О. главного бухгалтера:

Правительство Республики Коми

Администрация Главы Республики Коми
167982, Республика Коми, г. Сыктывкар,
ул. Карла Маркса, д.229

167982, Республика Коми, г. Сыктывкар,
ул. Карла Маркса, д.229

1101485466

110101001

1031100403289

Новикова Нина Михайловна

Леончик Татьяна Васильевна

Руководитель учреждения

/Новикова Н.М./
(Ф.И.О.)

(подпись)

Главный бухгалтер учреждения

/Леончик Т.В./
(Ф.И.О.)

(подпись)

Исполнитель (составитель отчета)

/Леончик Т.В./
(Ф.И.О.)

(подпись)

телефон исполнителя 8 (8212) 201499
e-mail: artkomi@mail.ru

РАЗДЕЛ 1 ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ УЧРЕЖДЕНИИ							Код по ОКВЭД
1 Перечень основных видов деятельности, которые Учреждение вправе осуществлять в соответствии с его учредительными документами							58
1.1. Деятельность издательская							
2 Перечень иных видов деятельности, не являющихся основными, которые Учреждение вправе осуществлять в соответствии с его учредительными документами							Код по ОКВЭД
2.1. Издание журналов и периодических изданий							58, 14
2.2. Деятельность рекламная							73.1
2.3. Деятельность по предоставлению прочих вспомогательных услуг для бизнеса, не включенная в другие группировки							82.99
3 Перечень разрешительных документов (с указанием номеров, даты выдачи и срока действия), на основании которых Учреждение осуществляет деятельность (свидетельство о государственной регистрации Учреждения, лицензии и другие разрешительные документы)							
N п/п	Наименование разрешительного документа и вид разрешенной деятельности	Дата выдачи разрешительного документа	Номер разрешительного документа	Срок действия разрешительного документа	Орган, выдавший разрешительный документ	Серия и номер бланка разрешительного документа	
3.1.	Свидетельство о внесении записи в Единый государственный реестр юридических лиц о юридическом лице, зарегистрированном до 1 июля 2002 года	09.01.2003	-	-	Инспекция Министерства Российской Федерации по налогам и сборам по г. Сыктывкар	11 № 000627301	
3.2. Разрешительные документы:							
3.2.1.	Свидетельство о регистрации средства массовой информации - на периодическое печатное издание, журнал	23.01.2009	ПИ № ФС 77-35079	Бессрочно	Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)	007862	
3.3.	Разрешение на право оказания платных услуг						
4 Перечень услуг (работ), которые оказываются потребителям за плату в случаях, предусмотренных нормативными правовыми актами, с указанием потребителей указанных услуг (работ)							
N п/п	Наименование услуги (работы)	Нормативное основание предоставления государственной услуги			Основание для взимания платы	Категория потребителей услуг (работ)	
4.1.	Издание и распространение журнала «Арт»	Устав автономного учреждения Республики Коми «Редакция журнала «Арт» от 26.12.2017; Гражданский кодекс РФ; Федеральный закон от 03.11.2006 № 174-ФЗ «Об автономных учреждениях» Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации»			Приказ АУ РК «Редакция журнала «Арт» от 30.12.2016 № 14 «Об утверждении стоимости журнала «Арт»; Приказ АУ РК «Редакция журнала «Арт» от 30.12.2016 № 13 «Об утверждении стоимости размещения информационных материалов»	Юридические лица, физические лица	
5 Общее количество потребителей, воспользовавшихся услугами (работами) учреждения							

N п/п	Наименование услуги (работы)	полностью бесплатно, ед.		частично за плату, ед.		полностью платно, ед.		
		за год, предшествующий отчетному	за отчетный год	предшествующий отчетному	за отчетный год	за год, предшествующий отчетному	за отчетный год	
5.1.	Издание и распространение журнала «Арт»	108	108	-	-	4 197	4 194	
5.2.	Издательская деятельность	2 000	1 422	-	-	112	-	
6	Средняя стоимость для потребителей получения частично платных и полностью платных услуг (работ) по видам услуг (работ)	Наименование услуги (работы)						
N п/п		за год, предшествующий отчетному		за отчетный год		за отчетный год		
		предшествующий отчетному		предшествующий отчетному		предшествующий отчетному		
6.1.	Издание и распространение журнала «Арт»	-	-	-	-	0.05	0.05	
6.2.	Издательская деятельность	-	-	-	-	0.15	-	
6.3.	Размещение информационного материала в журнале	-	-	-	-	30.0	-	
	ВСЕГО:							
7	Количество штатных единиц Учреждения							
7.1.	Сведения о штатной и фактической численности персонала							
N п/п	Наименование категории должностей персонала	Количество штатных единиц в соответствии со штатным расписанием (с точностью до сотых), ед.		Количество фактически занятых работниками штатных единиц (с точностью до сотых), ед.				
		На начало отчетного года	Причины отклонения	На начало отчетного года	На конец отчетного года	Причины отклонения		
7.1.1.	Руководители	1		1	1			
7.1.2.	Специалисты	8		6	6			
	ВСЕГО:	9		7	7			
7.2.	Сведения об уровне квалификации персонала							
N п/п	Сотрудники учреждения	Количество штатных единиц, фактически занятых работниками (с точностью до сотых), ед.						
		На начало отчетного года	На конец отчетного года	Причины отклонения				
7.2.1.	Сотрудники, имеющие ученую степень	1						
7.2.2.	Сотрудники, имеющие высшее профессиональное образование	4						
7.2.3.	Сотрудники, имеющие среднее профессиональное образование	2						
7.2.4.	Сотрудники, не имеющие профессионального образования	-						
	ВСЕГО:	7						
8	Среднегодовая численность работников Учреждения							
N п/п	Наименование категории должностей персонала	На конец года, предшествующего отчетному, ед.		На конец отчетного года, ед.		Отклонение, ед.		
		1	1	1	-	Рост/сокращение, процентов	-	
8.1.1.	Руководитель	6	6	5	-1	-16.67		
8.1.2.	Специалисты	-	-	-	-	-		
8.1.3.	Служащие	7	7	6	-1	-14.29		
	ВСЕГО:							
9	Средняя заработная плата работников Учреждения							
N п/п	Наименование категории должностей персонала	На конец года, предшествующего отчетному		На конец отчетного года		Отклонение		
		предшествующего отчетному		отчетного года		Рост/сокращение, процентов		

9.1.	Начисленная среднемесячная оплата труда работников (в целом по Учреждению с учетом оплаты труда внешних совместителей), руб. (ВСЕГО по всем категориям работников за счет всех источников финансирования)	21 751,21	27 217,91	5466,77	25,13
9.1.1	в том числе руководителей Учреждения:	31 542,6	34 996,50	3 453,90	10,95
9.1.2	в том числе по административно-управленческому персоналу:	20 119,32	25 662,19	5 542,87	27,55
9.1.3.	в том числе по педагогическим работникам:	-	-	-	-
9.1.4.	в том числе по учебно-вспомогательному персоналу:	-	-	-	-
9.2.	Соотношение фонда оплаты труда руководителя к фонду оплаты труда всех работников Учреждения (без учета фонда оплаты труда руководителя и заместителей руководителя), процентов	26,13	27,27	1,14	4,18
9.3.	Среднемесячная численность работающих в Учреждении, чел.	7	6	-1	-14,29
10. Состав наблюдательного совета Учреждения на дату составления отчета					
N п/п	Наименование должности члена наблюдательного совета по основному месту работы	Фамилия	Имя	Отчество	
10.1.	Заместитель начальника отдела СМИ и рекламы Управления массовых коммуникаций, информатизации и связи Администрации Главы Республики Коми	Пувкоева	Александра	Васильевна	
10.2.	Главный специалист-эксперт отдела по управлению государственным имуществом Министерства Республики Коми имущественных и земельных отношений	Дрефс	Ольга	Александровна	
10.3.	Главный редактор АУ РК «Редакция журнала «Арт»	Лимеров	Павел	Федорович	
10.4.	Редактор АУ РК «Редакция журнала «Арт»	Логина	Татьяна	Ивановна	
10.5.	Председатель почетельского совета АУ РК «Редакция журнала «Арт», член правления Союза писателей Республики Коми, член союза журналистов Республики Коми	Бутырева	Галина	Васильевна	
10.6.	Председатель Координационного совета КРОО «Ассоциация детских общественных объединений РК»	Андреев	Василий	Михайлович	
РАЗДЕЛ 2					
РЕЗУЛЬТАТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЯ					
N п/п	Наименование показателя	На конец года, предшествующего отчетному, руб.	На конец отчетного года, руб.	Изменение (увеличение/уменьшение), руб.	Изменение (увеличение/уменьшение), процентов
1	2	3	4	5	6
1.	Общая балансовая стоимость нефинансовых активов	538 961,41	428 558,94	-110 402,47	-20,48
2.	Общая сумма выставленных требований в возмещение ущерба по недостачам и хищениям материальных ценностей, денежных средств, а также от порчи материальных ценностей	-	-	-	-
3.	Суммы доходов, полученных Учреждением от оказания платных услуг (выполнения работ)	280 960,20	172 250,00	-108 710,20	-38,69
4.	Сведения о дебиторской и кредиторской задолженности Учреждения				
N п/п	Наименование показателя	На конец года, предшествующего отчетному, руб.		На конец отчетного года, руб.	
	Всего	Всего		Всего	
	в том числе нереальная к взысканию дебиторская задолженность (просроченная кредиторская задолженность)	в том числе нереальная к взысканию дебиторская задолженность (просроченная кредиторская задолженность)		в том числе нереальная к взысканию дебиторская задолженность (просроченная кредиторская задолженность)	

4.1.	Дебиторская задолженность учреждения, всего в т.ч. в разрезе поступлений за счет средств:	70 130,37	-	315 968,76	-	350,54	-
4.1.1.	бюджетной субсидии на выполнение государственного задания	-	-	-	-	-	-
4.1.2.	бюджетной субсидии, предоставленной учреждению на иные цели	-	-	-	-	-	-
4.1.3.	бюджетных инвестиций	-	-	-	-	-	-
4.1.4.	средств от приносящей деятельности (собственных доходов учреждения)	70 130,37	-	315 968,76	-	350,54	-
4.2.	Кредиторская задолженность, всего в т.ч. в разрезе выплат за счет средств:	77 813,72	-	466 723,02	-	499,80	-
4.2.1.	бюджетной субсидии на выполнение государственного задания	-	-	-	-	-	-
4.2.2.	бюджетной субсидии, предоставленной учреждению на иные цели	-	-	-	-	-	-
4.2.3.	бюджетных инвестиций	-	-	-	-	-	-
4.2.4.	средств от приносящей деятельности (собственных доходов учреждения)	77 813,72	-	466 723,02	-	499,80	-
5.	Количество жалоб потребителей и принятые по результатам их рассмотрения меры						
N п/п	Категории жалоб	Всего	Количество жалоб потребителей, ед.	удовлетворенные, по которым приняты необходимые меры реагирования	в том числе в том числе удовлетворенные в связи с их необоснованностью	в том числе принятые меры по результатам рассмотрения жалоб	
5.1.	По поводу неудовлетворительной организации или качества оказания потребителю услуги (выполнения работы) на бесплатной для потребителя основе	-	-	-	-	-	-
5.2.	По поводу неудовлетворительной организации или качества оказания потребителю услуги (выполнения работы) на платной для потребителя основе	-	-	-	-	-	-
6.	Суммы кассовых и плановых поступлений (с учетом возвратов) в разрезе поступлений и выплат (с учетом восстановленных кассовых выплат), предусмотренных планом финансово-хозяйственной деятельности учреждения						
6.1.	Суммы кассовых и плановых поступлений (с учетом возвратов) в разрезе поступлений и выплат (с учетом восстановленных кассовых выплат), предусмотренных планом финансово-хозяйственной деятельности учреждения, за год, предшествующий отчетному						
N п/п	Наименование показателя	Ед. изм.	Поступление средств (с учетом возвратов)	Кассовое поступление	Плановое значение	Выплаты средств (с учетом восстановленных кассовых выплат)	Кассовые выплаты

6.1.1.	за счет средств бюджетной субсидии на выполнение государственного задания	Тыс. руб.	2 881,07	2 881,07	2 881,07	2 881,07
6.1.2.	за счет средств бюджетной субсидии, предоставленной учреждению на иные цели	Тыс. руб.	950,47	950,47	950,47	950,47
6.1.3.	за счет средств бюджетных инвестиций	Тыс. руб.	-	-	-	-
6.1.4.	за счет средств от приносящей доход деятельности (собственных доходов учреждения)	Тыс. руб.	1 118,40	636,08	977,40	495,09
6.2.	Суммы кассовых и плановых поступлений (с учетом возвратов) в разрезе поступлений и выплат (с учетом восстановленных кассовых выплат), предусмотренных планом финансово-хозяйственной деятельности учреждения, за отчетный год					
N п/п	Наименование показателя	Ед. изм.	Поступление средств (с учетом возвратов)	Кассовое поступление	Выплаты средств (с учетом восстановленных кассовых выплат)	Кассовые выплаты
			Плановое значение		Плановое значение	
6.2.1	за счет средств бюджетной субсидии на выполнение государственного задания	Тыс. руб.	-	-	-	-
6.2.2	за счет средств бюджетной субсидии, предоставленной учреждению на иные цели	Тыс. руб.	3 777,74	3 777,74	3 777,74	3 777,74
6.2.3	за счет средств бюджетных инвестиций	Тыс. руб.				
6.2.4	за счет средств от приносящей доход деятельности (собственных доходов учреждения)	Тыс. руб.	276,57	270,99	443,47	316,49
7.	Цены (тарифы) на платные услуги (работы), оказываемые потребителям (в динамике в течение отчетного года)					
N п/п	Наименование услуги (работы)		Утвержденная руководителем учреждения цена (тариф) на платную услугу (работу) на начало отчетного года, руб.	Утвержденная руководителем учреждения цена (тариф) на платную услугу (работу) на конец отчетного года, руб.	Измененные цены (тарифа), процентов	Причины отклонений
7.1.	Издание и распространение журнала «Арт»		50,00	50,00		
8.	Информация о выполнении государственного задания на оказание государственных услуг (выполнение работ) и об объеме финансового обеспечения государственного задания (без субсидии на иные цели)					
8.1.	Объем предоставленных (выполненных) государственных услуг (работ) и объем финансового обеспечения государственного задания за год, предшествующий отчетному					
N п/п	Наименование государственной услуги (работы)	Объем предоставленных (выполненных) государственных услуг (работ) (в натуральных показателях)	Значение показателя в соответствии с государственным заданием (план)	Значение показателя в соответствии с государственным заданием (факт)	План (по уточненному соглашению)	Объем финансового обеспечения государственного задания, тыс. руб. Факт (кассовые расходы)
1	2	3	4	5	6	7
8.1.1.	Осуществление издательской деятельности	Количество печатных страниц, штука	183	183	2 881,07	2 881,07

8.2. Объем предоставленных (выполненных) государственных услуг (работ) и объем финансового обеспечения государственного задания за отчетный год						
N п/п	Наименование государственной услуги (работы)	Объем предоставленных (выполненных) государственных услуг (работ) (в натуральных показателях)		Объем финансового обеспечения государственного задания за отчетный год, тыс. руб.		Факт (кассовые расходы)
		Наименование показателя, единица измерения	Значение показателя в соответствии с государственным заданием (план)	Значение показателя в соответствии с государственным заданием (факт)	План (по уточненному соглашению)	
1	2	3	4	5	6	7
8.2.1.			-	-	-	-
9. Объем финансового обеспечения развития учреждения в рамках программ, утвержденных в установленном порядке (субсидия на иные цели)						
N п/п	Наименование программы (направление субсидии на иные цели по Соглашению)	Объем финансового обеспечения за год, предшествующий отчетному, тыс. руб.		Объем финансового обеспечения за отчетный год, тыс. руб.		Факт (кассовые расходы)
		план (по уточненному соглашению)	факт (кассовые расходы)	план (по уточненному соглашению)	факт (кассовые расходы)	
1	2	3	4	5	6	7
9.1.	Выполнение работ, связанных с выпуском и распространением продукции средств массовой информации: публикация материалов по социально значимым темам	-	-	-	2 928,84	2 928,84
9.2.	Выполнение работ по подготовке и размещению в журнале «Арт» тематического блока – журнала молодых поэтов и писателей Республики Коми «Ы», состоящего из произведений новых начинающих авторов	-	-	-	199,52	199,52
9.3.	Выполнение работ, связанных с выпуском книги В. А. Савина «Товся рыг»	-	-	-	137,05	137,05
9.4.	Выполнение работ, связанных с выпуском книги Е. Афанасьевой «Рассказы для детей и юношества «Дуда кимбститчб» («Дуда чудит»)	-	-	-	512,32	512,32
9.5.	Выполнение работ, связанных с выпуском книги Е. Афанасьевой «Рассказы для детей и юношества «Дуда платтыба» (издание для слэбовидящих детей)	476,7	476,7	476,7	-	-
9.6.	Выпуск книги К. ф. Жакова «Мифы зырянского Севера»	473,7	473,7	473,7	-	-
10. Общая сумма прибыли учреждения после налогообложения в отчетном году, образовавшаяся в связи с оказанием учреждением частично платных и полностью платных услуг (работ)						
N п/п	Наименование показателя (виды оказываемых платных услуг)	Сумма прибыли от оказания частично платных услуг (работ), тыс. руб.		Сумма прибыли от оказания полностью платных услуг (работ), тыс. руб.		Факт (кассовые расходы)
		за год, предшествующий отчетному	за отчетный год	за год, предшествующий отчетному	за отчетный год	
1	2	3	4	5	6	7
10.1.		-	-	-	-	-
11. Сведения о вкладах учреждения в уставные фонды (капитал) других юридических лиц						
N п/п	Наименование юридического лица, участником (учредителем) которого является учреждение	Величина доли (вклада) учреждения в уставном фонде (капитале) юридического лица, участником которого оно является, тыс. руб.		Величина дохода, полученного учреждением в отчетном году от деятельности юридического лица, участником (учредителем) которого оно является, тыс. руб.		Факт (кассовые расходы)
		за год, предшествующий отчетному	за отчетный год	за год, предшествующий отчетному	за отчетный год	
1	2	3	4	5	6	7
11.1.		-	-	-	-	-

1	2	3	4
11.1.		-	-
РАЗДЕЛ 3			
ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИМУЩЕСТВА, ЗАКРЕПЛЕННОГО ЗА УЧРЕЖДЕНИЕМ			
N п/п	Наименование показателя	Единица измерения	Отчетные данные На начало отчетного года На конец отчетного года
1.	Общая балансовая стоимость имущества Учреждения (ВСЕГО), в том числе:	тыс. руб.	331,41
1.1.	Общая балансовая стоимость имущества, находящегося у Учреждения на праве оперативного управления (ВСЕГО), в том числе:	тыс. руб.	30,99
1.1.1.	общая балансовая стоимость недвижимого имущества, находящегося у Учреждения на праве оперативного управления	тыс. руб.	-
1.1.2.	общая балансовая стоимость недвижимого имущества, находящегося у Учреждения на праве оперативного управления, и переданного в аренду	тыс. руб.	-
1.1.3.	общая балансовая стоимость недвижимого имущества, находящегося у Учреждения на праве оперативного управления, и переданного в безвозмездное пользование	тыс. руб.	-
1.1.4.	общая балансовая стоимость движимого имущества, находящегося у Учреждения на праве оперативного управления	тыс. руб.	30,99
1.1.5.	общая балансовая стоимость движимого имущества, находящегося у Учреждения на праве оперативного управления, и переданного в аренду	тыс. руб.	-
1.1.6.	общая балансовая стоимость движимого имущества, находящегося у Учреждения на праве оперативного управления, и переданного в безвозмездное пользование	тыс. руб.	-
2.	Количество объектов недвижимого имущества, находящегося у Учреждения на праве оперативного управления (ВСЕГО), в том числе:	ед.	-
2.1.	здания	ед.	-
2.2.	строения	ед.	-
2.3.	помещения	ед.	-
3.	Общая площадь объектов недвижимого имущества, находящегося у Учреждения на праве оперативного управления (ВСЕГО), в том числе:	кв.м	-
3.1.	общая площадь объектов недвижимого имущества, находящегося у Учреждения на праве оперативного управления	кв.м	-
3.2.	общая площадь объектов недвижимого имущества, находящегося у Учреждения на праве оперативного управления, и переданного в аренду	кв.м	-
3.3.	общая площадь объектов недвижимого имущества, находящегося у Учреждения на праве оперативного управления, и переданного в безвозмездное пользование	кв.м	-
4.	Информация о недвижимом имуществе, переданном Учреждением в аренду		
N п/п	Наименование объекта недвижимого имущества, переданного в аренду (согласно договору)	Наименование арендатора	Доходы, полученные Учреждением от сдачи недвижимого имущества в аренду в отчетном периоде, тыс. руб.
4.1.			

ART

www.artlad.ru

2018

АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ПОДПИСКА

БЫСТРО! УДОБНО! ДОСТУПНО!

Уважаемые читатели!

Теперь вы можете оформить годовую подписку на электронную или печатную версию журнала «Арт» (при условии получения в редакции журнала), не выходя из дома. Достаточно перечислить 200 р. по указанным ниже реквизитам, в сообщении указать e-mail и ФИО подписчика.

Наши реквизиты:

ИНН/КПП 1101485466/110101001 р/с 40603810328004070042
отделение Сбербанка России № 8617 БИК 048702640 к/с 30101810400000000640
e-mail: artkomi@mail.ru

Журнал «Арт» можно приобрести

в сети магазинов «Ридер»,
магазине «Ордым» (Дом печати, г.Сыктывкар, ул.К.Маркса, 229),
в магазине «Дом книги»
и в книжном киоске торгового центра «Дом быта».

Оформить подписку вы можете
во всех отделениях ФГУП «Почта России»

Подписной индекс: П4453

Лыдды «АРТ», и ставыс АРТмас!

